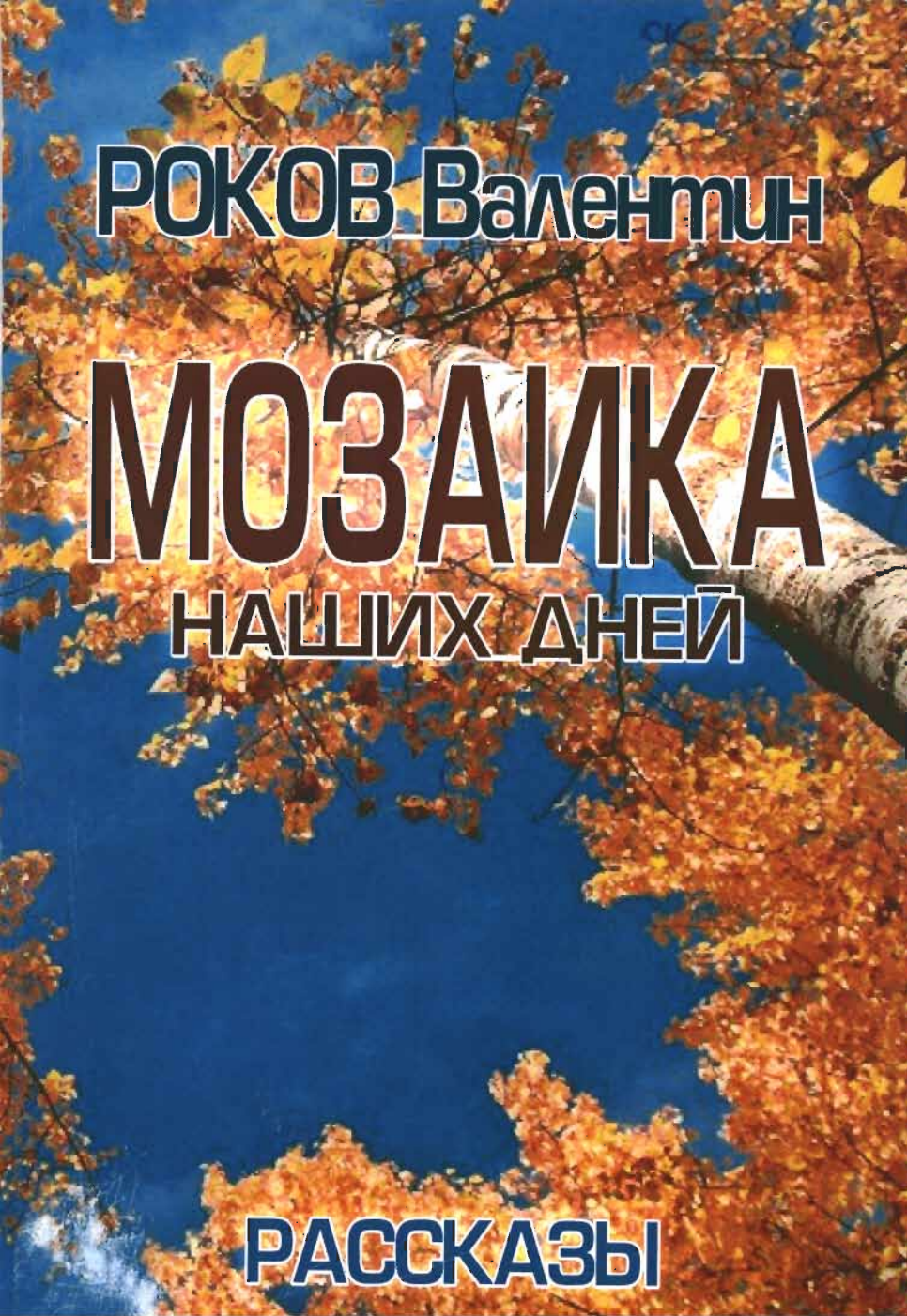

РОКОВ Валентин

МОЗАИКА

НАШИХ ДНЕЙ

РАССКАЗЫ

ск

Валентин РОКОВ

МОЗАИКА НАШИХ ДНЕЙ

I

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Директор библиотеки
Березовского
21.06.17г

Кемерово 2017

РОКОВ ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ

Родился я в 1950 году в Анжеро-Судженске. У подножия копра шахты «Физкультурник». Но это только родился там. А жил в Кузбассе, Белоруссии, Казахстане, на Дальнем Востоке, Камчатке и Украине. Строил электростанции по всему Советскому Союзу. Впрочем, жизнь моя была очень разнообразной и насыщенной не только по смене мест обитания. С 1990-го по 2001-й я работал в городской газете «Мой город» в Берёзовском. Захотел испробовать себя в новом качестве. Сейчас пенсионер. В 2000 году выпустил сборник стихов «Я совсем не чужой», в 2012-м – книгу «Персы», а в 2015-м – повесть «Дневник взрослеющей девочки».

КУЛИКОВО ПОЛЕ

В редакцию газеты поступил сигнал о том, что на территории Берёзовской колбасной фабрики свежее мясо хранится под открытым небом.

Маргарита Тимофеевна Алагузова, врач санэпидстанции – симпатичная, моложавая женщина с восточным раскосом глаз и припухшими губками, в моём сопровождении отправилась на фабрику, где мы действительно обнаружили за основным цехом сброшенные на грязный снег вдоль дороги замороженные коровьи полутуши.

Над припорошённой мягким снежком свежениной с кровавым карканьем кружили вороны. Две из них, не обращая внимания на проходящих людей, ожесточённо долбили твёрдое мясо. Стайка шустрых воробышков деловито скакала по рёбрам туш. Сероватые брызги птичьего кала, застывающие на округлых боках разделанных мясных пластов, свидетельствовали о том, что пиршество птиц в самом разгаре. По толстой проволоке, протянутой едва не во всю длину буртов мяса, по всей видимости, ночью таскала цепь собака, также оставившая после себя в пределах досягаемости кое-где метины зубов на этом мясе. Сейчас она, чтобы никому не мешать, заперта в будке. Отдыхает, готовится к новой вахте.

«Уму непостижимо, что они себе позволяют! – возмутилась Маргарита Тимофеевна. – Если ты кооператор, значит, тебе законы не писаны? Всё, штраф Шепилову обеспечен!»

— Большой штраф-то? – спрашиваю.

— Какой там! Всего 10 рублей – что слону дробина, но всё равно я его ещё на исполком вытяну. Смотрите, тут вот канализация! Вдруг сейчас колодец переполнится, и тогда фекалии устремятся наружу и подмочат мясо! – Маргарита Тимофеевна нервно ткнула пальцем в сторону кирпичной будки,

к стене которой был прислонён высокий штабель свежемороженой продукции.

— Скажите, пожалуйста, а вам раньше не приходилось сталкиваться с подобным разгильдяйством? — спрашиваю Алагузову, немного удивляясь повышенной эмоциональности её речи. При её-то должности и так пропускать через себя негативы действительности — не слишком ли губительно для душевного состояния?

— Нет, почему же, когда фабрика была государственной, однажды приняли они большую партию мяса. Всё не вместились в холодильные камеры, и его также были вынуждены складировать на улице. Но ведь тогда мясо сгрузили на брезент и брезентом прикрыли. Есть разница?

— Есть, вроде бы, — говорю вслух и про себя добавляю: «Но брезент-то, поди, тоже был не первой свежести. Да и если можно один раз складировать мясо на улице, то почему нельзя во второй? У чукчей, к примеру, вообще холодильников нет, и мясо мороженное они хранят в ледниках круглый год».

Заходим в основной цех, поднимаемся на второй этаж, облачаемся в белые халаты и колпаки, спускаемся в сопровождении мастера в цеха переработки мяса и обследуем состояние холодильных камер.

Цементный пол первой, самой обширной камеры, уставлен и завален полуфабрикатами и костями. Вторая и третья камеры забиты ящиками с маринованным луком. Четвёртая занята уже частично подусгнившими яблоками. Дела...

— Почему у вас камеры используются не по назначению? — спрашиваю мастера.

— Нет мяса. Что прибывает, сразу пускаем в переработку. Лук и яблоки закупили случайно, хранить негде. Сюда и поставили.

Проходим мимо чанов, где в кровавом рассоле замачиваются окорока. Увидев стоящую рядом тележку, полную варёной колбасы, Маргарита Тимофеевна подошла к ней, разложила палку изделия, принюхалась и спросила:

— Та самая колбаса?

— Да.

— Какая, — спрашиваю, — та самая?

— Жители посёлка шахты «Берёзовская» отказались её покупать. Магазинам пришлось сдать её нам, — ответила мастер фабрики.

— Почему отказались? — недоумённо верчу носом. — Колбаса как колбаса. Хотя нет — отличается. Настоящая колбаса, она бледно-розовая, а эта какого-то серо-жёлтого цвета. Расслаивается вдобавок.

«Сои поди переложили. Она ведь дешевле мяса», — думаю и говорю:

— Плохая, наверное.

— На Берёзовке одни шахтёры живут. Привередливые. Не любят варёную колбасу. Копчёную требуют. Мы по городу 2400 килограммов развезли, никто не отказался. Только эти 400 килограммов вернули. Лучше бы на Волкова отвезли. Там бы с руками оторвали, — продолжает мастер.

Я на Волкова живу, выходит, я бы рвал? А что, может, и рвал бы, в голодовку люди голенища от сапог варят и едят. Вкусно и съедобно, говорят.

Обошли производство. Маргарита Тимофеевна расспрашивала, делала пометки в блокноте, я слушал и глазел: интересным мне всё показалось, первый раз же здесь. Потом мы поднялись наверх и прошли в кабинет директора фабрики Юрия Ивановича Шепилова — среднего роста, плотно сбитого, ещё молодого мужчины.

Алагузова представила меня. Улыбнувшись ей как старой знакомой, директор спросил нас о цели визита.

— Люди жалуются на неправильное хранение мяса у вас на фабрике. Мы уже всё осмотрели. Жалоба обоснованна. Объясните, почему вы нарушаете обязательные для всех правила?

— Неувязка с мясом вышла. Вагоны поставили под разгрузку в ночь с пятого на шестое и дали времени шесть часов. С большими трудностями удалось организовать грузчиков, найти машины. Обращался за помощью в горисполком – не помогли. Сами грузили, возили, складировали. Теперь вот приходится кому-то из администрации дежурить на фабрике ночами, чтобы это мясо не растащили.

— Интересно, почему кто-то должен за вас делать вашу работу? И почему к приёму мяса не были подготовлены камеры?

— Нам надо было быстрее освободить вагоны. Грузчиков едва хватило, чтобы завезти мясо на территорию, а с камерами, понимаете ... Предприятие – это такой механизм ...

И полились жалобы на воду, которой часто не хватает. Отдельная тирада – о накопителе воды, который директор собирается установить на фабрике, но для которого ещё нет ёмкостей. Такие ёмкости есть у Николаенко, но он их отдаст только в том случае и тогда, когда колбасная фабрика откроет в их управлении свою столовую. Трудности с реконструкцией котельной приходится решать самим с помощью колбасы.

— С водой, котельной и автомашинами город обещал помочь, когда фабрика передавалась кооперативу, но помощи, похоже, от него не дождёшься, – продолжал Шепилов. – И не нужна скоро она будет. Своими силами закупили линию по изготовлению сосисок, отдав за неё 300 тысяч рублей, своими силами достали 20 тысяч огнеупорного кирпича, своими же силами и отремонтировали автомашины для хозяйства ...

Наладится всё со временем. Вот только бы не ставили палки в колёса и свои обязанности по отношению к фабрике вы-

полняли. ОРС города только сейчас приступил к погашению долга за 1990 год. А ведь это не три рубля, а 290 тысяч рублей, которые сейчас нужны производству!

— Всё правильно. Мы вас понимаем, но палки, похоже, вам не избежать: объяснительную и квитанцию об оплате штрафа вы предъявите в санэпидстанцию, — подытоживает нашу встречу Алагузова.

— А читателям ответьте, пожалуйста: когда мясо будет убрано в холодильные камеры? — осмеливаюсь добавить я.

— Только в понедельник. Физически раньше не сможем...

Всё ясно: ещё на три дня продлится праздник ворон, и ещё три ночи сторожевой собаке посчастливится грызть коровий мосол...

17 января 1991 года.

«ПОВЕНЧАНЫ СО СМЕРТЬЮ»

В газете «Мой город» за 28 марта 1991 года было опубликовано письмо И. Гладкова под заголовком «Варвары», в котором до сведения руководителей города и жителей доводились факты о варварской подрубке кедров с целью усыхания деревьев и дальнейшего вывоза деловой древесины из Барзасской тайги. Высказано было мнение о том, что подсечку деревьев в долинах рек Тугонак, Кельбес и Золотой Китат силами одного человека, как заявили лесорубы Барзасского лесхоза, «дурачка Юры» — произвести невозможно. Любому должно быть понятно, что в этой акции принимало участие хорошо организованное и знающее местность сообщество здоровых людей.

«Дурачеством» здесь и не пахнет. Но в мехлесхозе почему-то и слухом не слыхивали о творимом на их террито-

рии беззаконии, в администрации Берёзовского тоже об этом ничего не знают даже высокопоставленные руководители. Но вот почему тогда?..

В редакцию пришёл П. Д. Бекетов («дикий дед» – так называют его в Барзасе). Он в 1977 году по освобождении из мест заключения устроился работать в Барзасский мехлесхоз. А так как его не могли обеспечить жильём в Барзасе, то он ушёл за 12 километров по Тугонаку в тайгу, увидел в долине реки брошенную пасеку, оборудовал под жильё помещение медогонки, вскопал огород и зажил один. Запасался продуктами, да и своё на огороде росло, завёл собаку-сторожа, кроликов, обустроился капитально. Уж больно местность хорошая – во все стороны река видна, уголья лесные по увалам карабаются. Красота!

Но в 1982 году Бекетов заболел и смог только через четыре месяца вернуться домой. Начальник лесхоза Дворецкий к тому времени, по утверждению Бекетова, уволил его с места работы «по состоянию здоровья» без согласия профсоюза, уведомления и официального расчёта. О том, что уволен, Бекетов узнал только в июне 1983 года. После этого он работал с лесхозом до 1984-го по договорам. Разговоры о подсечке кедра Бекетов в Барзасе слышал ещё в феврале-марте 1988 года. С 1989-го по 1990-й Пётр Данилович лежал в больнице, ему ампутировали ногу, сделали протез. Вернулся он 15 мая 1990 года в Барзас. В ночь на 19 мая и сожгли сторожку те, кто целый год хозяйничал в его доме. Сожгли для того, чтобы замести следы своего пребывания. Кто спалил – Бекетов знает, но не о том речь. С Тугонака Пётр Данилович уехал 27 мая 1990 года. Кедры вблизи его усадьбы были целы.

До 1991 года Бекетов проживал, где придётся. Ему очень хотелось вернуться на прежнее место, поставить избушку и дожить в ней свою неустроенную жизнь. Но где же силушки признать, чтобы самому одолеть строительство дома, где

средства изыскать для оного? Стар, слаб он стал, чтобы мечтать о своём доме. Вот если бы выделили ему где комнатуху в городе, – другое дело. Потому и сидит Бекетов в Берёзовском, ждёт, когда горисполком примет решение о выделении ему жилья.

В начале января 1991-го Бекетову передали письмо из ОВД Кемерова, в котором тов. Копейкина сообщает, что избушку его спалили на законном основании, потому как она была бесхозная. Интересно, почему же на этом основании её в 1977 году не спалили, а позволили человеку «бесплатно» прожить в ней 15 лет?

28 января 1991-го из Кемерова Бекетову был отправлен вызов. Он явился в милицию, и здесь ему предъявили для опознания снимок его усадьбы с подрубленными кедрами. И начали уговаривать, чтобы он «раскололся», по-честному признал вину свою в порче деревьев. Был разговор и о Юре – дурачке.

— Меня кормит тайга. Я живу в тайге. Я связан с нею пушвиной. Зачем же я буду в корысть кому-то уничтожать тайгу? – удивлённо восклицает Пётр Данилович.

— Юрка – дурачок, есть такой в Барзасе, но он всегда обходил мою избушку за 30-40 километров. У него другие маршруты, другие пути по тайге пролегают. Мы мало когда с ним соприкасались. Если ещё в 1990 году были кедры целые, значит, их от Тугонака до Верхнего Кельбеса, на протяжении 15 километров вдоль реки выборочно наметили за один год. И потом ещё ведь до Нижнего Кельбеса от Тугонака и через Верхний Кельбес к Золотому Китату до села Романовка кедры эти так же выборочно подсекли за 1991 год. Даже менее, месяцев за семь-восемь!.. Нет, одному-двум человекам справиться с таким объёмом работ не под силу.

Ко всему этому уже в 1990 году Бекетов был с одной ногой и прыгать от дерева к дереву не мог физически. Каким

образом, когда попала информация о погубленных кедрах в Кемеровскую милицию, минуя Берёзовский, Берёзовскому КГБ надо бы разобраться. Но сейчас главное – выяснить, кто из предпринимателей, явно богатых, со связями, мог решиться на такое святотатство. «Деньги не пахнут» – очень скверный лозунг, если ты живёшь в родной тайге и её уничтожаешь. Следуя такому лозунгу, что мы оставим своим детям, не говоря уже о внуках?

Как убедиться в том, что подсечка кедров в Барзасской тайге не просто разговоры, а дело свершившееся – вопрос неодолимый для человека постороннего, не сведущего, не таёжника. Мало того, что я не знаю, как она, эта подсечка, на дереве выглядит, мне ведь ещё и неведомы места произрастания испорченных кедров.

Не располагая временем и возможностями для детального осмотра площадей кедровых урочищ (это дело Барзасского мехлесхоза), я выпросил машину на субботу у директора шахты «Берёзовская» П. Н. Васютинского (спасибо ему), взял в проводники Бекетова да и поехал на Тугонак, что расположен в 12 километрах от Барзаса. И там ведь есть подсечённые кедр.

От Барзаса к Тугонаку направились окружной, дальней дорогой. Долго ехали, медленно. Грунтовая дорога, разбитая лесовозами, скрытая зарослями тайги от солнца, после дождей мокрая, вязкая. Ехали и боялись, что застрянем. Но ничего. Бог миловал, проскочили. Из зелёного тоннеля тайги, словно из-под земли, выехали и обрадовались простору открывшегося косогора, высокие травы которого волнообразно колыхались от ветра. Богатые сенные угодья. Вкрапления жёлтых цветков зверобоя разнообразили их серо-зелёную монотонность.

После спуска Бекетов, попросив остановиться, указал на стоящие по левую руку высокие кедр.

— Вот они, подсечённые. Смотри, фотографируй.

Выбираюсь из машины, подхожу к первому кедру. На метровой высоте от его корней вкруговую по стволу сделана насечка шириной семь-десять сантиметров, достигающая кое-где до пяти сантиметров глубиной. Вскрытая белизна тела кедр успела уже покрыться ржой окисления. Расходящиеся от основания толстые руки корней также порублены топором.

Никаких признаков усыхания кедр снаружи ещё не появилось. Зелёный, крепкий стройный, могучий, он и сейчас красиво выделялся из хвойной массы тайги.

— Неужели это колечко способно свалить такого гиганта? — задрав к вершине кедр голову, спрашиваю у подошедшего Бекетова.

— Ещё как. Год простоит и засохнет.

Меня эти слова потрясают. Не хочется верить. Но если таёжник говорит — знает. Ведь и у каждого из нас есть своя «ахиллесова пята» — наиболее уязвимое место. Тот, кто подсекал, тоже знает: стоит нарушить приток влаги из почвы через кору кедр, как он засохнет и погибнет. С дальним прицелом работали люди. Только люди ли это?

Рядом высится другой кедр. Он тоже беззаботный и весело шумит, распустив по ветру пушистую крону. Не знает, не ведаёт, лапушка, что скоро умрёт. И он помечен глубоким кольцом подсечки.

Метрах в десяти от них широко раскинулся над поляной ещё один кедр. Как не хочется верить, что и эта красота обречена на увядание... Словно охотник, скрадывающий дичь, на цыпочках приближаюсь к дереву, — по стволу под кроной змеится надкус топора.

— Да чтоб у тебя руки отсохли! — взрывается шофер Корматов, — да я бы таких извергов расстреливал!

И правильно. Ведь это же преступление, равносильное убийству человека!

Возвращаемся. Молча усаживаемся в машину и двигаемся дальше. Упираемся в широкую поляну. Ближе к противоположному краю – высоченный кедр. Останавливаемся. Выходим. Это и есть бывшая «Резиденция дикого деда». Вернее, то, что от неё осталось. Избушку, что ютилась под этим кедром, сожгли.

— Палили в дождь, заметь, – обращается ко мне Бекетов, – избушка рядом была, в сухую погоду кедр свечою вспыхнул бы, а так дождь не дал. Притушил пламя, и кедр целый остался.

Подходим к нему. Толстый ствол его зловеще опоясало зазубренное кольцо подсечки. Повенчан со смертью.

— Неужели нельзя залечить эту рану, замазать смолой или ещё чем? – спрашиваем у Бекетова и подошедшего к нему Подрядчикова, жителя Барзаса, у которого рядом сенокос.

— Нельзя, – отвечает, помолчав, Подрядчиков, – если мясо с руки снять, выживет разве она? То же самое и здесь. Много кедров погублено вокруг. Не одних это рук дело, одному не сметь.

Осматриваю с шофером Корматковым все кедровые остои бывшей усадьбы деда. Их семь или восемь. Целые. Радуемся и недоумеваем: почему целые, если этот помечен? Ладно. Может, потом разберёмся. Всё-таки много лучше, что их не коснулась ещё рука злодея.

Под загубленным кедром нашли топор. Дал деду на опознание. Не его. Может, именно им и рубили кедр? Топор забрал шофёр. Сфотографировали место, где складировал дед заготавливаемые им для лесхоза и не вывезенные ещё мётлы. Вырулили к полянке. Хотели проехать к Кельбесу. Старая дорога заросла травой. Здесь сенокосные угодья Сметанина, жителя Барзаса. Встречают нас с бранью: траву помяли. Хотя где её помяли – по дороге же ехали?

С лаем нас окружила свора собак, штук шесть, наверное. Дворняжки, таксы, болонки – мелкотня. Одна собака здоровущая, овчарка, похоже, рывкнула из-за куста и стихла. Бекетов толкает меня в бок – сфотографируй собак, потом скажу зачем.

Навожу фотоаппарат на собак, щёлкаю. Собачки милые, хотя и злющие, так и норовят за пятки укусить. Прохожу один к роднику и вдоль бережка, осматриваю два толстенных кедра. Красивые, здоровые и целые!

Дальше через ручей не пройти без сапог. Возвращаюсь. Спрашиваю Сметанина: «Когда вы стали замечать подрубленные кедры?».

— С этого года. Их много вокруг.

— Не могли бы показать, подсказать, где искать их? На дедовой усадьбе один только подсечён.

— Занят я. Сенокос. Много их, все вокруг порублены. Бекетов местный, он тоже знает. Покажет...

Бекетов решил вспомнить молодость – ухватил косу, размахнулся и пошёл-поплыл над травой, послушно валками срезающейся ему под ноги. Умеет косить, хрыч старый, не отнимешь, если умеет...

Посоветовался я со своими товарищами. Дальше уже не проедешь. Топь. Можно поискать обход, но нет времени. Машина должна возвратиться на шахту к двум часам, а уже два. Разворачиваемся и едем назад. Полевой стан семьи Подрядчиковых. Здесь под косогором они косят. Сейчас расположились обедать. На керогазе варят что-то в кастрюльке. На крышке деревянного ящика, как на столе, разложена снедь. Бекетов и тут просит: «Сфотографируй ящик, угол его. Чтобы обугленное место видно было. Мой это ящик. Горовец в 1990 году, когда охотился и жил в моей избушке, в нём пушнину хранил. Спасли ящик, из избы горящей вынесли».

— А собак-то зачем фотографировать надо было?

— Даже одну собаку нельзя без призора по тайге пускать: дичь треплет – штрафуют за это. А тут их шесть штук – стая целая. А раньше до пятнадцати собак держал Сметанин. Они такой разор в тайге устраивали! Я гонял их, да что толку: для Сметанина советские законы не писаны. Заметил, ведь лошади у них не было, для чего тогда в тайгу с собой собак столько брать?

— Собаки для охраны лошади, чтобы медведь не задрал?

— Ага.

Подошёл Подрядчиков. Смеёмся, указывая на богатый стол: самого главного и не хватает.

— Это потом. После страды, – отвечает Подрядчиков, – а кедры вот ещё где есть подрубленные, – и указывает на верх косогора, где в сторонке стоит длинный, с кучей кроной кедр и дальше, кучей, другие. Штук пять их там. Пойди, проверь, сфотографируй.

Иду один. Поднимаюсь. Трава в ногах путается. Тяжело. Нашёл ещё два подрубленных. А где ещё, кто ж знает. Собственно, и этого достаточно, чтобы установить факт, что кедры действительно подрубаются. И не одних рук это дело. Ведь мне, чтобы объехать полтора десятка кедров и сфотографировать их, понадобилось два часа, если не больше. А сколько же надо возле каждого с топором намахаться. И не два десятка кедров, сотни, тысячи, может, подрублены по Кельбесу и Китату. Люди говорят, что на сотню лет вперёд кто-то себя снабдил кедровой древесиной. Вот когда только вывоз её начнётся, с помощью кого и в какие стороны богатство нашего с вами края расплзаться будет? Думаю, без шума всё спустят, легко, по закону высохшие кедры рубить не возбраняется.

Жил на Тугонаке «дикий» дед 15 лет. Обвиняли и обвиняют его во всех тяжких. Но при нём-то кедры эти были целыми. И потому закрадывается вполне объяснимое предположе-

ние: а не мешал ли он кому-то своим присутствием совершать безнаказанные злодеяния над беззащитными деревьями?

Не потому ли и уволили его в 1983 году незаконно с работы в мехлесхозе, надеясь, что он добровольно поменяет место жительства? Потому и хоронили уже два раза живого деда, и один раз даже приезжали с гробом к нему, живому, на заимку. Не потому ли и хотели Бекетова упрятать в психушку? Да не нужен он там оказался, потому что ум у него здоровее, чем у некоторых. И, в конце концов, не потому ли в 1990 году спалили его избушку как бесхозную. Бесхозная ли она, если в ней живёт 15 лет человек, и у него в дальнейшем ничего лучшего не предвидится? И бесхозные ли его личные вещи, спалённые вроде как вместе с избушкой, а затем обнаружившиеся у соседей?

Вон сколько вопросов возникает по одному только «ди-кому» деду, в молодости служившему в Московском Кремле, охранявшему Сталина...

Главный лесник мехлесхоза Н. В. Зыкова на моё желание узнать, где ещё у них есть отмеченные по картам загубленные кедр, ответила, что карты лесничества – это (в нашу-то эпоху гласности!) секретный документ. И она мне показать карты без допуска не может. И вообще, обиженная на мою предыдущую статью, совсем разговаривать со мною не хочет. Играющая на неё версия о Юре-дурачке, хотя и зыбкая, даёт ей основания пока не беспокоиться. А кедр повенчан колечком со смертью. Год проживёт и засохнет. Что-то же делать надо...

Август 1991 года.

100-МИЛЛИОННЫЙ РУБЕЖ ВЗЯТ!

19 октября 1999 года – поистине незабываемый день для черниговцев. В этот день открытчики добыли 100-миллионную тонну угля! На это торжественное событие приглашены бывшие директора предприятия, ветераны, словом, те, трудом которых начиналась история этого разреза.

За 34 года с того памятного дня, когда разрезом была добыта первая тонна угля, многие из них стали пенсионерами, кто-то ушёл из жизни. Но тем, кто живы, где бы они ни находились, не расторгнуть судьбу с судьбой разреза.

...На маленьком автобусе мы все в сопровождении директора по производству Игоря Викторовича Севостьянова отправляемся в забой первого участка. Убелённые сединами мужчины и несколько женщин с волнением вглядываются в окрестности, неузнаваемо изменившиеся с тех давних лет. Им есть что вспомнить! Ведь на том месте, где мы проезжаем сейчас, не было тогда открытого пространства, многокилометровых «каньонов» глубиной в 150 метров, разветвлённой сети дорог, массивных зданий различных служб, разбросанных по обширной территории горного отвода. А была настоящая глухомань – тайга, где водились лохматые медведи и хитрющие лисички. Тогда на Новоколбинском поле была расчищена от леса небольшая площадка, и из ямы, глубиной в 15 метров, вывозился уголь на самосвалах, прозванных открытчиками «четвертаками», на склад, находящийся рядом с карьером. При складе же не было даже избушки для отметчицы машин. Были всего лишь один бульдозер и экскаватор. И были вот эти сидящие сейчас со мною рядом люди, которые и начали добывать уголь открытого месторождения.

Владимир Константинович Михальченко, первый директор разреза, рассказывает: «В январе 1966 года на угольном

складе разреза уже было 15 тысяч тонн угля, и мы стали отгружать его потребителям. В том же году мы добыли 600 тысяч тонн угля. Потом уже стали добывать по миллиону тонн в год. На проектную мощность – 2 миллиона 400 тысяч тонн – вышли на два года раньше установленного срока».

В. Рудович, С. Серый, Н. Ярманов, В. Дементьевский, В. Поддубный, Н. Прокопенко, А. Усов, В. Чапко, Г. Шамов, начальник участка А. Боготов – это они добывали первые тонны угля.

При директоре В. К. Михальченко с 1965 по 1972 годы разрезом было добыто около 10 миллионов тонн угля. С 1972 по 1975 годы при директоре Анатолии Степановиче Лапикове – 7 миллионов тонн. При третьем директоре, Евгении Филипповиче Сапрыкине, с 1975 по 1978 годы – 9,5 миллиона тонн. При четвёртом, Александре Николаевиче Пилипенко, с 1978 по 1985 годы – разрезом добыто 29,8 миллиона тонн. Тогда уже начала набирать мощность и вторая очередь разреза, пущенная в эксплуатацию в 1976 году. Легче стало давать эти миллионы. При пятом директоре, Викторе Георгиевиче Заболотнове, с 1985 по 1997 годы добыто разрезом 36,5 миллиона тонн. И вот сейчас, за два года директорства В. П. Тысячного, разрез подошёл к своей первой сотне миллионов!

В том, что сегодня разрез выдаёт 100-миллионную тонну угля, заслуга всех, кто трудился здесь не один год. За 34 года деятельности разреза 25 его работников награждены знаками «Шахтёрская слава» всех трёх степеней, 4 получили звание «Заслуженный шахтёр». Иван Алексеевич Леденёв стал лауреатом Государственной премии, а первый начальник добычного участка Валентин Иванович Матвеев награждён орденом Ленина.

А сегодня, в связи с добычей 100-миллионной тонны угля, исполняющий обязанности генерального дирсктора разреза

А. Г. Смирнов издал праздничный приказ о награждении денежной премией наиболее отличившихся в труде работников. И наше поколение может работать и достигать высоких производственных показателей!

Подъезжаем к забою. Останавливаемся и выходим из автобуса. Ниже, в самом забое, находится экскаватор №17. Им управляет машинист Валерий Леонидович Пермяков. На Ивана Филипповича Курца и Виктора Николаевича Ширяева надевают через плечо красные ленты с надписью «Участник юбилейной вахты». И они спускаются в забой добывать 100-миллионную тонну угля. Ширяев – действующий бригадир экипажа этого экскаватора. Пермяков уступает ему место, и тот начинает загружать уголь из забоя в подъехавший к экскаватору БелАЗ. Исторический момент запечатлён на плёнку! Уверенно движется экскаватор. Проходит несколько минут. 13 ковшей – и стотонный грузовик загружен с горкой. Есть стомиллионный рубеж!

Сигнал, – и машина отъезжает. БелАЗом по совпадению управляет однофамилец грузившего – С. Г. Ширяев. Фотограф спешит запечатлеть для потомков исторические кадры: экскаватор, БелАЗ, групповые портреты сгрудившихся на краю забоя людей. На площадке присутствуют два бывших директора разреза: В. К. Михальченко и Е. Ф. Сапрыкин. Рядом – первый директор обогатительной фабрики В. Р. Функ, первый маркшейдер разреза Д. Д. Марков, первый секретарь парткома В. М. Световцев, первый председатель профсоюзного комитета М. Я. Труфанова, бывший директор по экономике Л. А. Ермакова, экскаваторщики, теперь тоже бывшие, ветераны труда И. А. Леденёв, Е. И. Ошовский, И. Ф. Курц, В. В. Михайленко – бывший водитель разреза, а ныне кандидат технических наук, доцент кафедры КГТУ, а также другие, не менее знаменитые черниговцы.

... От забоя продолжаем в автобусе «кругосветное» путешествие по разрезу, запланированное специально для гостей. Заезжаем в подготовительный забой и наблюдаем поистине красивую работу германского экскаватора ЭРА-120. На нём трудится в эту смену машинист Н. Д. Колганов. Едем на Новоколбинское поле. Останавливаемся на смотровой площадке. Отсюда обзревается весь разрез. Грандиозный и величественный вид! Черниговское поле длиной в 6 километров, Новоколбинское – в четыре. Когда-то они разделялись. Теперь их выработки соединены. Охватывая всё взглядом, сразу осознаёшь, сколько же усилий вложено людьми в сегодняшнюю победу. Впечатление остаётся потрясающее!

Наша «кругосветка» заканчивается у здания административно-бытового комбината разреза. На просторной площадке лестницы АБК уже поджидает нас «возмутитель» спокойной работы дня – кусок угля в 10 килограммов весом из 100-миллионной тонны добычи. Он лежит под стеклом на постаменте. Этот чёрный «кусочек» – уже история и для тех, кто работает на разрезе сегодня, и для тех, кто будет трудиться потом.

Гости направляются в актовый зал. В честь знаменательного события администрация разреза проводит собрание трудящихся, на котором зачитывается праздничный приказ, звучат слова благодарности тем, кто трудился ранее и трудится на разрезе сейчас. По окончании торжественной части – концерт, подготовленный художественной самодеятельностью разреза и города.

История разреза продолжается.

1996 год.

КОРОБЕЙНИКИ

Коммерческая деятельность привлекает сейчас многих молодых людей кажущейся доступностью и лёгкостью получения средств по завершении торговых операций. А действительно, что же тут сложного? Поехал, допустим, человек в ГРП к маме жены, предложил ему сосед его тётчи сало совсем уж по цене, ниже которой не бывает. Не растерялся человек – признал деньжат у тётчи и закупил предлагаемое сало. Привёз в город и перепродал друзьям и знакомым в полтора-два раза дороже. Всё равно ведь дешевле получается, чем в магазине. Дело верное – остался человек в выигрыше: хлопот-то всего – транспортировка товара из одной местности в другую, за 15 километров от первой удалённую.

Конечно же, для раскрытия сущности нынешней коммерции пример этот несколько утрирован. Но ведь именно по такой схеме действуют коммерсанты, совершая челночные рейсы из одной страны в другую и внутри России, между областями, выискивая дешёвый товар и доставляя его в места, где он пользуется повышенным спросом. Это значит, что можно взвинтить на него тогда цену, какую хочешь. Но так ли проста эта схема в осуществлении, какие преграды коммерсантам ставит жизнь и что именно заставляет людей заниматься коммерческой деятельностью? Это я и попытался выяснить в разговоре с одним из них (фамилию свою из собственных соображений он назвать отказался).

— Юра, расскажи, пожалуйста, как ты вышел в коммерсанты?

— До этого я работал на шахте и в других местах. Работа трудная, а денег маловато – приходилось растягивать от получки до получки. Вижу: другие занимаются перепродажей товаров, прикинул свои возможности и решил попробовать.

Приобрёл первую партию товаров, реализовал – получил прибыль. Работу оставил – занялся «делом». Нельзя сказать, что бы оно было для меня трудным. Появилась масса свободного времени. Но когда надо, то приходится выкладываться по 12 и более часов в сутки, ведь и погрузка вещей на твоих плечах, и транспортировка, и распродажа, и хранение. Всё время в напряжении. Но если получилось, как планировал, радуешься, конечно, и счастлив.

— То есть дело всецело тебя поглощает, ты нашёл в нём своё призвание?

— Да нет. Я давно уже привык всё выполнять, как следует. Коммерция приносит мне нормальные деньги, значительно большие, чем я получал на шахте, деньги, на которые я в состоянии содержать дом и семью. У меня дом частный, жена не работает. Если появится работа, за которую будут хорошо платить, я оставляю коммерцию.

— Жена твоя тоже занимается коммерцией?

— Нет. Я считаю, что она должна быть хранительницей очага. Конечно, иногда и она помогает мне. Но в основном находится дома.

— Вот ты говоришь: «если всё получилось», – а разве не всегда получается? Бывают случаи, когда ты думаешь, что товар «пойдёт» у тебя, а на самом деле его никто не раскупает?

— Бывает, сколько угодно. Но чтобы застраховаться от такого случая и не стать банкротом, я стараюсь не вкладывать всю наличность сразу в один товар. Если у меня нет предварительной договорённости с шахтой или другим предприятием, то я беру различный товар малыми партиями, тем самым сводя убытки к минимуму. Не раскупаемый товар можно пристроить в магазины, его у меня берут, но выручки от его продажи, той, на которую я рассчитывал, закупа я уже не получаю.

— В городе есть коммерсанты, занимавшиеся в прошлые

годы скупкой корейского и китайского ширпотреба. В Чите и Хабаровске существовали даже меновые центры. Берёзовцам из Азербайджана привозили как-то машинами арбузы. А вы лично не совершаете в поисках нужных товаров такие «межконтинентальные» рейсы?

— Нет. Пока ограничиваюсь соседними областями. Да и в Кемеровской области очень много востребованного товара. Нужно только найти его и предложить покупателю. Вы посмотрите на наши магазины. В них пустые прилавки. Продавцам нечем торговать. А почему? Да потому, что администраторы этих магазинов не могут ещё отвыкнуть работать по старинке. Все магазины пополнялись товарами раньше за счёт централизованных поставок. Так работникам магазинов было легче и проще работать: получил товар — продал его, не пользуется спросом — пускай лежит в подсобке и гниёт, всё равно спишут, и государство покроет убытки. Сейчас же из центроснаба много не получишь. Надо самим заключать договоры с производителями, ездить везде, изучать спрос, то есть делать то, что делаю я сейчас. Однако товароведы не хотят, а некоторые просто не могут работать по-новому. Поэтому у нас бизнес можно делать на любой вещи. Вот, допустим, сейчас нужен людям лук. Достань его где угодно, привези и предложи. Тебе люди будут благодарны и раскупят его мгновенно.

— А как ты договариваешься о поставке товаров шахтам и другим предприятиям города?

— Связываюсь с профкомом предприятия, узнаю потребности коллектива, встречаюсь с поставщиками или производителями необходимых товаров, закупая товар и доставляю им.

— Но ведь, чтобы проворачивать такие дела, нужно иметь информацию, связи и большие деньги...

— Конечно... Тем, кто раньше работал в торговле, намного легче даётся оформление такого рода сделок. У них

есть опыт работы, ещё не забытые связи. Им проще ориентироваться в нынешней обстановке. Мне же пришлось начинать всё с нуля. Но ничего. Сейчас получается и у меня.

— А финансы? Всегда ли у тебя есть наличность для закупки большой партии товаров?

— Если договариваешься о поставке товара на предприятие, то тебе оно может выплатить вперёд в виде аванса 50 процентов. Но обычно я обхожусь своими деньгами, либо же занимаю у приятелей недостающую сумму. На пару дней мы выручаем друг друга деньгами без установления процентов.

— Ты хочешь сказать, что у нас в городе есть люди, способные без труда ссудить тебе миллионы?

— Да, есть. Есть и такие товарищи, которые занимаются ростовщичеством, то есть выдают деньги нуждающимся под проценты – как банк, кредитуют нуждающихся. Но тут уже не приятельские отношения. Чтобы иметь гарантию возврата выданных средств, они связывают нуждающегося долговыми обязательствами.

— Интересно, какой это суд заставит обанкротившегося торговца возратить ростовщику долг?

— Есть такой суд, не беспокойтесь. Да и без риска, если впутаться в торговлю, тебе не обойтись.

— Но так ли нуждаются в твоих услугах предприятия, ведь и раньше у трудящихся существовали потребности, которые не могли удовлетворить магазины? Те же шахты, ЦОФ покупали недостающее непосредственно у производителей, либо обменивали его на уголь.

— Они вынуждены были заниматься этим в ущерб производству. Теперь я и мне подобные коммерсанты являемся как бы их представителями при заключении договоров и тем самым снимаем частично нагрузку с них в вопросах обеспечения трудящихся.

— Но тебе приходится, наверное, реализовывать свой товар и непосредственно на рынке? Уютно ли ты чувствуешь себя там и как ты обороняешься от рэкетиров, которые, по слухам, взимают дань с каждого продающего?

— Рэкетеры – это такие же люди, и с ними можно договориться. Ну что для меня эти три или пять тысяч? Я уплачу их «крутым» парням, зато уже знаю, что ко мне никто не придёт и не обидит. Они берут тебя под защиту и улаживают дела с администрацией, если у тебя нет лицензии на продажу выставяемого товара. У них есть свои люди в отделе, контролирующем деятельность рынка. И мне выгоднее в таком случае контактировать со сборщиками дани, а не с администрацией. Ведь для получения лицензии на продажу товаров я должен уплатить администрации сразу три тысячи рублей. Пусть это на продолжительное время. Но ведь ещё надо и оглашать стоимость выставяемого товара. С этой стоимости до 50 процентов ты должен уплатить государству. Так какой мне интерес торговать строго по правилам?

— Ну а если всё-таки рэкетеры не смогли оградить тебя от посягательств финансового инспектора?

— В этом случае можно попросту погрузить свой товар и уехать в другое место. Накладно, конечно. Но такое происходит редко. При становлении нового строя возникла необходимость создания совершенно другой системы обеспечения граждан России товарами. Она должна стать ближе к покупателю, способна обслужить все его потребности. Этого можно достичь только с помощью рынка. Потому и были извлечены из архивов истории корабейники, на свой страх и риск взвалившие на себя обязанность продвижения, распределения и продажи части товаров на землях России. Они уверенно вписываются в жизнь, мгновенно приспосабливаются к любым её выкрутасам. И прибыль, я думаю, – это не

единственный стимул (по крайней мере, не для всех), толкающий их навстречу опасностям.

Нынешние коммерсанты со временем выдвинут из своей среды и создадут сословие купцов, которыми гордилась и славилась Россия. Возникает и в Берёзовском купеческая гильдия. И одними из первых в неё будут внесены фамилии купцов Достовалова, Николаенко, Помыткина, Тимохина и тех, которые открыли в городе частные предприятия, давно уже проявили себя натурами деятельными и щедрыми.

Октябрь 1993 года.

СЧАСТЛИВЧИК?..

В статье Галины Бабанаквой «Попавшие в ад» (о трагедии на шахте «Первомайская», произошедшей 4 сентября этого года), упоминается Юрий Аркадьевич Гуманюк, 30-летний рабочий шахты «Первомайская». Именно с его помощью в общем-то и смог выйти на поверхность и остаться в живых 18-летний Слава Сурнин, практикант, учащийся ПТУ. Сегодня Ю. А. Гуманюк рассказывает о том, что произошло с ним в то памятное для всех нас, и трагически закончившееся для 15-ти человек утро.

— В течение ночной смены я, подземный электрослесарь, в паре со Славой занимался в электродепо подзарядкой аккумуляторов электровозов. К пяти часам утра мы работу закончили и сели отдыхать на лавке. Я с собой на смену взял, обернув еду, свежую газету и уже, помнится, прочёл её всю, как внезапно погас свет. Мы включили свои лампочки: времени было 5 часов 50 минут. Мы подумали, что это временное отключение, не особенно забеспокоились и продолжали сидеть. Но через пять минут громыхнул взрыв.

Отведённый под электродепо участок штрека был перегорожен железной перемычкой. Похоже, это нас и спасло: потом, когда мы продвигались к стволу, нам попался убитый взрывом шахтёр. Взрывная волна дугой выгнула перегородку. Железные двери вырвало, и через проём в депо ворвался смерч. По головам забарабанило мелкими осколками угля (штыб). Мы натянули на головы фуфайки, уткнулись в лавку и переждали, когда всё утихнет. Взрыв поднял в воздух осевшую в шахте пыль. Дышать стало нечем. Задействовали свои «спасатели» и двинулись в темноте к клетьевому стволу. Взвешенная угольная пыль была настолько плотной, что при свете лампочек не просматривался даже полуметровый участок пути. Пробирались к стволу на ощупь, как слепые. Через каждые десять шагов я проверял наличие стенки штрека с одной стороны. Это был главный мой ориентир. При обычных условиях по подземным выработкам шахты продвигаться – не особенное удовольствие. Сейчас идти было намного сложнее и труднее. И, кроме того, нас подстёгивало ощущение опасности. Мы не знали, что там, в забое, произошло, каких размеров достигла катастрофа. Но через штрек уже потянуло гарью, и мы понимали, что если не выберемся из шахты, то задохнёмся в ней задолго до прихода к нам помощи. Слава всё время шёл за мной. Чтобы не потеряться, мы постоянно перекликались. Неожиданно стена штрека прервалась. Я понял, что мы пришли к стволу. Продвинулись к клетки – она не действовала. Тогда я решил выбираться из шахты по ходкам.

Через «спасатели» дышать стало тяжело. Первым по ходуку поднимался Слава. Я шёл за ним. Ходок – это навесная, под 80 градусов к горизонту, железная лестница. Через каждые четыре метра по вертикали она заканчивается площадкой со стороной квадрата 50-70 сантиметров. Не достигнув второй площадки, Слава, видимо от недостатка воздуха, потерял со-

знание и начал сползать на меня. Ухватив за ворот фуфайки, я придерживал его одной рукой, сколько мог, и старался привести в чувство. Но он никак на мои усилия не реагировал. Потом он сорвался и упал вниз. Я выбрался на вторую площадку и здесь сам на некоторое время потерял сознание. Мне нечем было дышать, ведь когда Слава сползал на меня, он выбил у меня изо рта загубник «спасателя».

Когда я пришёл в себя, почувствовал общую слабость, кружилась голова. Я не мог сразу понять, что со мной произошло. Потом, слышу, кто-то снизу зовёт меня. Я подумал, что это пришли на помощь горноспасатели, и стал откликаться. Но никто не приближался, и я понял, что меня зовёт Слава.

Спустившись к нему, я обнаружил его лежащим около бетонного бордюра. Он стонал. Я ощупал его тело – вроде ничего не сломал. На лбу только большая царапина, но кровь из неё уже не бежала. В этом месте сочился свод. Похоже, вода смыла и приостановила кровь, а также помогла ему прийти в сознание и позвать на помощь. Я дал Славе напиться из своей фляжки. Загубник, падая, он потерял. У меня его тоже не было. В поисках загубника я залез на ходок и обнаружил там висевший на перекладине свой загубник. Вернувшись, отдал парню. Потом кое-как привёл его в чувство, убедился, что он может двигаться, попытался связаться с поверхностью по телефону, но он не действовал. Наверху работал вентилятор, ощущалось движение воздуха. Угольная пыль разредилась, однако запах гари не уменьшился. Чтобы не задохнуться, надо было скорее выбираться отсюда. И мы снова пошли по ходкам вверх. И снова я шёл впереди. Достигнув следующей площадки, я окликал Славу, убеждался, что он не отстаёт, и продолжал идти дальше.

Таким образом, я первым добрался до отметки вентилятора. От шума его работы мы уже не слышали друг друга. Ждать, когда он выберется ко мне на площадку, я не мог: ког-

да поднимались кверху, отовсюду лилась вода. Я был в одной рубашке, промок, замёрз и если бы остановился, то вряд ли смог бы уже заставить себя двигаться. Тем более, до поверхности оставалось 30 метров. Я решил выбраться наверх и позвать кого-нибудь на помощь парню. Что и сделал. Надземное здание клетьевого ствола оказалось разрушенным. Вблизи меня боец ВГСЧ искал что-то в развалинах. Я сказал ему, что идущему за мной шахтёру нужна помощь.

Сам я, так как очень замёрз и устал, пошёл в душевую, помылся, отогрелся. Переодевшись, спустился в санпропускник, отметился, затем посидел в нарядной. Никто на меня не обращал внимания. Все были заняты выводом людей из шахты и поисками погибших. Славу уже доставили в санпропускник, где ему оказали первую помощь, а затем отправили в больницу. Сразу после аварии на шахту прибежала моя мать, убедилась, что я живой и здоровый, и вернулась в Арсентьевку. Я тоже, потолкавшись на шахте часа два, пошёл домой.

На другой день отравление газами и нервное потрясение начало давать о себе знать. Чувствуя себя очень плохо, я обратился в поликлинику, и с 6 по 8 сентября мне назначили амбулаторное лечение. 8 сентября я должен был, несмотря на то, что чувствовал себя плохо, выйти на работу. Цеховой врач Рогожина, обследовав меня, выписала мне новый бюллетень. Сейчас нахожусь дома на лечении. До сих пор ощущаю слабость и головокружение. Мать заставляет меня взять акт на работе, чтобы зафиксировать произошедшее со мной 4 сентября. Ведь неизвестно, к каким последствиям может привести случившееся. Но на шахте мне такой акт не дают, – считают меня здоровым.

... Может, Юра Гуманюк и прав: сплошь и рядом мы не обращаем внимания на незначительные повреждения, полученные на работе. Ударился, ногу прищемил нечаянно, поохал, конечно. Но боль отошла, убедился, что можешь двигаться, и

– вновь приступаешь к работе. При разговорах же, упоминая о происшедшем, беспечно говорим потом: до свадьбы заживёт, как на собаке затянет. А бывает и не затягивает – и простой ушиб может обернуться раковой опухолью. А тут голова, с нею не шутят. Жалуется человек, обследовать бы его как следует, чтобы потом недоразумений не было.

25 сентября ему закрыли бюллетень, и он вышел на работу. Счастливчик, по-моему. Из бригады, в которой он работал под землёй, 4 сентября восемь человек погибли.

ФАНТАСТИКА?! МЕТОД САЙОНДЖИ И НИЧЕГО БОЛЬШЕ...

У экономиста фирмы «Полёт» Л. Ф. Греховой всю её продолжительную жизнь какая-нибудь часть организма да болела. То она из-за бронхиальной астмы не могла заглотнуть в себя недостающий по отпущенной человеку природой норме килограмм кислорода и оттого задыхалась; то органы пищеварения отказывались выполнять свои функции, и оттого она частенько голодала и ограничивала себя в употреблении лакомств. А вы и сами, товарищи, знаете, каково оно, когда друзья предлагают выпить, от души наполняя стакан, отнекиваться от приёма вовнутрь благодатного напитка только потому, что тебе по твоему же согласию неделю назад вшили капсулу. Ещё у Греховой страшно болели зубы, руки и ноги тоже болели, а сколько мучений она испытала от чисто женских болезней, и говорить не приходится. Кому, как не вам, женщины, знать это. Достаточно сказать только, что на все свои болезни и борьбу с ними она извела едва ли не тонну зарубежных таблеток вкупе с отечественными. Ну, и каков результат? Крохотный. Принимаемые медикаменты облегчения не приносили, они лишь на некоторое время заглушали болезни.

Достаточно было только незначительного повода – перегрева, переохлаждения, переутомления организма – чтобы они заявили о себе с новой силой. Даже малейшая нервная встряска, одна из тех, обыкновенных, без которых у порядочной женщины в наше непорядочное время и дня не проходит, и та болезненно отражалась на ней. Да ещё как отражалась!

Греховой в борьбе с болезнями приходилось обращаться не только к таблеткам и помощи местных эскулапов. Она регулярно ездила на курорты (муж отпускал одну и, похоже, с радостью). Где-то там она даже спускалась в соляную шахту и едва ли не сутками просиживала в пещере, окружённая сверкающими кристаллами животворной соли. И всё это ради того, чтобы избавиться от астмы. Думаете, помогли ей её мучения под землёй? Ни капельки. Ну конечно, некоторое время после принятия подземных процедур она чувствовала облегчение дыхания, но потом перестала чувствовать. Возобновлять ежегодно эти процедуры для неё было накладно, переселиться поближе к пещерам ей тоже не удалось. Так что и сейчас астма даёт ей знать о себе, стоит лишь где простудиться...

Как видим, пассивной пациенткой она не являлась. Она готова была на себе испытать любые методы лечения, способные уничтожить на корню все её болезни. И даже в космосе, доведись ей попасть туда, она бы тоже соблаговолила предложить себя в образе подопытной крольчихи космонавтам, чтобы они на ней испытывали изготавливаемые там против земных болезней лекарства. Исходя из вышеперечисленного, можно и не предполагать, а просто констатировать факт, что она не оставила без внимания весть о том, что в профилактории Берёзовского группой врачей открыто частное медицинское предприятие. Там, используя метод Сайонджи, молодой врач-рефлексотерапевт Анатолий Евгеньевич Голиков может вылечить человека практически от любой болезни безмедикаментозным способом.

Это ли не «находка для шпионов», если говорить применительно к Греховой? Она, несомненно, обратилась туда. Курс лечения платный. Сеанс – 10 тысяч рублей. Для полного излечения от болезни необходимо пройти от 10 до 20 сеансов. Дорого? Конечно. Но ведь на приобретение микстур и таблеток болеющий человек сейчас тратит не меньше. И если таблеточный исход давно уже ясен и себя не оправдывает, то почему бы и не попробовать новый метод лечения?

Л. Ф. Грехова записалась к Голикову на лечение. Позади 5 сеансов. Находясь в кабинете врача во время лечения Греховой по методу Сайонджи, я с интересом наблюдал за манипуляциями Анатолия Евгеньевича. В течение получаса, «колдуя» над женщиной, он не совершал ничего сверх- и противоестественного. Ну, помассировал руками одно бедро, потом другое (и я так бы мог, если б позволили), подёргал её ноги в разные стороны, надавливал пальцами на суставы конечностей, позвоночника, растягивал и резко изгибал женщину, давил её своими коленями. Правда, всё это происходило под сопровождение завораживающей восточной мелодии, притупляющей сознание, обволакивающей мозг сонной пеленой. Под воздействием этой гипнотической музыки тело человека расслабляется и уже не противится умным и сильным пальцам доктора...

Во время сеанса женщина лежит на полу, на коврик. Одежда она в трико и блузку.

Что же представляет из себя метод Сайонджи? Если это массаж, то ведь тогда пациент должен быть обнажённым, чтобы массажист мог щипать и гладить его кожу, непосредственно прикосновениями пальцев воздействовать на поверхность тела, а тут? Массажист не массажист, костоправ не костоправ – надёргали отовсюду шаманских приёмчиков, обволокли их музыкальным сиропом и выдают за панацею от всех бед? Приблизительно такая мысль промелькнула в моей голове. Но я

воздержался её высказывать и обратился по окончании сеанса к Л. Ф. Греховой с вопросом, так ли уж хорош этот метод, каково было физическое состояние её до начала лечения и что она испытывает уже сейчас, после проведения пяти сеансов? Из ответа я узнал, что у неё был хондроз шейных позвонков. Последнее время не могла повернуть шею, сидеть и даже кушать было затруднительно. Теперь боли исчезли, чувствует лёгкость во всём теле. И это при том, что весь курс лечения должен проводиться непрерывно, а она после четырёх сеансов сделала вынужденный перерыв. Она теперь уже верит, что болезнь отступит окончательно. А чтобы укрепить себя, она намеревается, если не в следующем квартале, то в следующем году повторить курс лечения. Надеется, что тогда-то уж точно болезни для неё перестанут существовать.

В наш разговор вступает Анатолий Евгеньевич:

— В нашем методе лечения как раз немаловажную роль играет вера пациента в своё выздоровление (знаем, проходили, все врачи так говорят).

— И что же это за метод, в чём его суть? – обращаюсь к нему.

— Метод Сайонджи основан на использовании зависимости эффективности механизмов регуляции жизнедеятельности органов и систем организма от степени изменения положения тазовых костей относительно позвоночника. Ведь таз – фундамент нашего организма (ещё бы, я всё время на работе сижу на нём), позвоночник же – его здание. Главная идея Масаюки Сайонджи состоит в том, чтобы не допустить смещения костей таза, предотвратить искривления позвоночника, а если они возникли, производить соответствующую коррекцию их мануальными приёмами.

— Каким же образом вы узнаете о смещениях костей таза больного и зависимости его болезни от этих смещений?

— Диагноз мы устанавливаем с помощью компьютера, в

который заложена вся программа лечения людей по методу Сайонджи. Компьютер подтверждает или не подтверждает поставленный предварительно нами диагноз и даёт указание, какие непосредственно приёмы воздействия на больного необходимо применять (так просто!).

— То есть любая болезнь имеет определённо зафиксированное смещение костей тела?

— Да.

— Почему вы обратились к восточной медицине, разве в России нет ничего подобного?

— Мануальное воздействие на человека применялось ещё с незапамятных времён. Родоначальниками российской мануальной терапии являются наши известные учёные Бехтерев и Павлов. Они подвели научную базу под нервинизм, объяснив эффекты воздействия на человека приёмов мануальной терапии. Но тогда к их разработкам не отнеслись с должным вниманием. Идеи русских врачей подхватили японцы, которые на практике давно уже использовали этот метод лечения. Теория Бехтерева и Павлова как раз и помогла им разработать метод Сайонджи. Этот метод в Японии даёт хорошие результаты. Поэтому мы и обратились к опыту японцев. В международном центре авторской медицинской технологии «Москва-Токио» наши врачи проходят обучение по использованию этого метода. Я тоже учился там и теперь являюсь представителем этого центра в Западной Сибири.

23 ноября 1993 года в профилактории Берёзовского будет проходить очередной симпозиум этого центра. В течение двух недель врачи из разных городов Сибири будут знакомиться с этим методом и обучаться приёмам лечения. В Берёзовский сейчас приехало уже 5 человек, должно быть 12.

— Будут проводиться своего рода курсы повышения квалификации?

— Да. После обучения врачи смогут лечить больных, используя этот метод. Через год практических занятий они, после защиты в центре, уже сами будут иметь право обучать других врачей. Для обучения прибывающих на симпозиум врачей к нам приедут из Москвы два преподавателя. Мы втроем и начнём распространять метод Сайонджи по всей Сибири.

Да, грандиозно задумано. Хотя опять русских обворовали. Ишь, какой идеей воспользовались. А теперь, наверное, не бесплатно русским распространять по Сибири её собираются. Больно мы щедрыми получаемся. Но это всё так – сопутствующие мысли...

Я не обладаю никакими данными в пользу этого метода, кроме разговора с Л. Ф. Греховой. Но если это на самом деле так, ведь тогда совсем не нужны мне будут аптека, больницы и всё остальное, связанное с медициной. Метод Сайонджи и ничего больше! Фантастика?! Но я почему-то очень хочу верить в эту фантастику.

Ноябрь 1993 года.

ЭФФЕКТ ФУГА!

Обеспечение жителей города Берёзовского водой, – как горячей, так и холодной, – проблема, набившая оскомину даже «генералам» (имеются в виду руководители предприятий, в своё время проложившие, а теперь эксплуатирующие водопроводные и тепловые сети города). Посмотрели бы вы, как у них перекашиваются от недовольства физиономии, когда к ним обращаются жильцы по поводу отсутствия воды в домах, в которых она по проекту должна бы присутствовать. По мне, заместитель главы администрации Жовторипенко (это он так

называет директоров предприятий – «генералы») мог бы преподнести им и жезл маршала, не то что генерала, только бы они выполняли поставленную перед ними задачу: бесперебойное снабжение водой и теплом жителей города.

Жалобы жильцов, проживающих в центральном микрорайоне, буквально засыпали редакцию, хоть водопроводно-канализационный отдел создавай при ней. И всё потому, что люди, разуверившиеся в искренних потугах наших «генералов», не видят иного выхода, кроме как обратиться к господину Богу через нашу газету, чтобы он снисходился и хоть как-то, хоть чем-то помог им – беззащитным жертвам, ввергнутым в чрево «цивилизованного сервиса».

Чтобы не быть голословным, приведу выдержки из писем: «Пишут вам жильцы дома № 18 по улице Волкова. В декабре-январе ещё можно было набрать воды на первом этаже про запас, помыть детей, самим помыться. В феврале уже совсем воды не было ни днём, ни ночью. А ведь у нас многодетные семьи, нужно часто стирать...» – это письмо датировано 5 марта сего года.

«... Жильцы 3-5 этажей домов по улице Волкова более полугода не видят холодной воды...» И подписи – до 30 человек. Это письмо от 18 марта.

«... Живу на 5 этаже, и вот уже два месяца нет холодной воды. Каждый день бегать за нею на первый этаж – это не выход. Скоро отключат горячую воду (что, кстати, уже и случилось, – примечание автора). И в завершение этого давайте отключим свет на пятых этажах, ведь электроэнергия тоже не хватает городу. Я хотела бы, чтобы начальник «Водоканала» пожил с нами в таких условиях хоть недельку...» – это письмо датировано 23 марта.

Содержание жалоб и пожеланий в остальных письмах сходственное, и нет особой нужды приводить их. Добавлю толь-

ко, что в марте исполнилось полгода водяной «голодовки» в домах по улице Волкова. Теперь уже, в мае, ей исполнилось восемь месяцев. Сказать, что С. В. Шафранский, начальник управления ВКХ, никак не откликнулся на эти письма, значит, чуточку обидеть его. Со мною вместе в марте он подъезжал к улице Волкова и пытался обнаружить причины, препятствующие поступлению воды в вышеописанные дома. Вместе с ответственными работниками исполкома собственноручно обследовал расположенные рядом колодцы водопроводной сети. И даже за неимением грамотно составленной схемы городской сети водоснабжения попытался привлечь на помощь находящегося в отгуле дядю Васю, сантехника, содержавшего эту схему в своей голове, всю, до мельчайших подробностей, уже который десяток лет. Но мероприятия эти, все вместе взятые, воды жильцам улицы Волкова не прибавили ни капельки. Исходя из найденной отправной точки – нехватка воды вообще и для улицы Волкова в частности – «генералы», отказавшись от бесперспективной закольцовки воды, пришли к выводу, что единственным и правильным теперь будет подключение системы водоразбора улицы одиночным трубопроводом к той части водопроводной сети, где воды горожанам хватает. Разгруппировав их частично, можно будет частично напоить жаждущих.

Такую операцию наши строительные организации могли бы провести в десятидневный срок. И даже меньше (при аккордном подряде). Но и тут обнаружилась заковыка в виде мнения американских специалистов (они-то тут с какого боку-припёку объявились?), утверждающих, что прокладка трубопроводов вблизи линий электропередач нежелательна ввиду разрушительно действующего на зарытый в землю металл тока. «Эффект Фуга» – так, кажется, он называется. И он нам не по барабану. Его надо учитывать. А по мне – чего же

его учитывать? Ведь этот диаметром в 100 миллиметров трубопровод собираются прокладывать как временный. Потом, когда протянут пять километров капитального водопровода, не подверженного воздействию эффекта Фуга, от нового водозабора к городу, необходимость во времянке отпадёт. Поэтому интересно бы знать, в чём заключается действительная озабоченность руководителей: или им жалко зарывать, как необходимую меру спасения, малые народные деньги, или же они беспокоятся, что долговечности временного трубопровода-смычки не хватит до того времени, когда подключение к артериям города нового водозабора состоится? А может, всё-таки пожалеем людей с улицы Волкова, им что же – из-за какого-то там эффекта Фуга ещё один год без воды сидеть, подключения нового водозабора дожидаясь?

1994 год.

КТО ИХ ОСУДИТ?

Пётр Первый умный был царь – отовсюду из западных стран вербовал для поднятия родной державы знающих своё дело людей. Награждал чинами, предоставлял им льготы, землю. Только работайте, господа-иностранцы, и приносите государству нашему пользу, – говаривал.

Страшились крещенских морозов, но ехали в далёкую Московию портные, металлурги, маркшейдеры и кораблестроители, учёные и гувернантки... Для всех нашлось место в России, и прижились они здесь основательно. Стала Россия для них родиной.

Политика заимствования чужеродных умов, которую проводили российские самодержцы, в течение многих веков не

изменялась, потому что способствовала становлению нашей страны. При советской власти, но это в дальнейшем, не в самом начале (вспомните-ка Кемеровский «Копикуз», построивший у нас коксохимический завод), нам предостаточно стало и своих гениев. Численность образованных граждан в России возросла теперь настолько, что даже в общественный туалет при Кемеровском железнодорожном вокзале принимают на службу лиц, имеющих образование не ниже высшего. То есть сейчас у нас, не при царе Петре, не престижно стало иметь образование. К жизни у нас появился другой подход. Лучше и легче стало жить только деловым и рисковым натурам. А для того чтобы стать деловым и рисковым, париться несколько лет в институте не обязательно. Ну ладно, с «деловыми» всё понятно. А как же быть с теми, кто образован и к жизни нашей не совсем приспособлен? Не находя для себя достойного места в России, первыми вспомнили о своих «корнях» имеющие образование лица иностранного происхождения. Тем более что в 90-х годах 20-го столетия в России появился закон, позволяющий его гражданам свободно определять своё место жительства. По этому закону они теперь могут поселиться в любой стране нашей планеты. И я уверен, – россиянин, даже иностранного происхождения, совсем не дурак: Аляску для своего места жительства он не выберет. Ему бы что-нибудь нильское с крокодилами...

Убедив себя иллюзорными надеждами на лучшую жизнь, потянулись теперь уже из России вереницы её тружеников. Сейчас процесс несколько замедлился. Всё оказалось не так просто. Этот факт можно подтвердить и на примере нашего города. Ведь уезжают попытать счастья за границей и жители Берёзовского. Так вот, в 1994 году покинули город 27 березовчан. В основном это лица немецкой национальности, и уезжают они в Германию. Там, по сравнению с Россией, много теплее. Хотя тоже не Африка. Помогает им в оформ-

лении документов на выезд Кемеровское представительство «Землячества немцев в России». С января 1993 года для переселенцев действуют в Германии новые правила. К сожалению «Землячества», ситуация с переселенцами значительно осложнилась. Хотя для немцев из СНГ дверь в Германию остаётся открытой, в целях упорядочения их приёма теперь устанавливается ежегодный максимум в 200 тысяч человек. Правда, разрешение на выезд в Германию сохраняет силу на неограниченный срок и распространяется даже на детей, родившихся после 1 марта 1993 года. А в смешанных браках также на русского мужа или жену, если брак был заключён не менее чем за три года до выезда. Но прибывшим после 1 января 1993 года не будут выданы свидетельства об изгнании, и они могут лишь запросить справку о том, что они поздние переселенцы. Отныне переселенец, родившийся между 1946 и 1956 годами, получает по приезде единовременное пособие в 4000 марок, а родившийся ранее – 6000 марок. Раньше же эта сумма пособия была побольше.

Признание профессии (советского диплома) при индустриально-торговой палате в Кёльне стоит 100 марок. Особый курс по изучению немецкого языка от Отто Бенеке Штифтунг проводится только в городе Гейленкирхен. Проживание же в интернате с 1 января 1993 года стоит уже 300 марок в месяц. Первые три месяца пребывания в Германии переселенцы считаются застрахованными через федеральный больничный лист.

Статус «поздний переселенец» присваивается только лицам, родившимся до 31 декабря 1992 года. Супруг(а) получает статус изгнанника лишь в том случае, если брак был заключён за три года до выезда. Иначе они считаются иностранцами и никакого пособия по интеграции и посещению курсов языка не получают. Получение немецкого гражданства возможно по истечении нескольких лет, но через суд, и обойдётся оно

претенденту от 1500 до 3000 марок. Для тех же, кто заявил о себе на бирже труда после 1 января 1993 года, интеграционные деньги не будут выдаваться, а будет только интеграционная помощь в размере 200 марок в неделю. Но и эту помощь приехавшие будут получать максимально в течение только 9 месяцев, если перед интеграцией проработают в России не менее 5 месяцев в течение последнего года.

И последнее, что особенно важно для пожилых лиц, прибывших после 1 января 1993 года, – прежний трудовой стаж в смешанных браках русскому мужу (жене) впредь засчитываться не будет. Надо же – вначале заманивают к себе посулами, а потом такую пирамиду Хеопса воздвигают, что её не только рядовому обрусевшему немцу, но и непревзойдённому мастерством своим альпинисту не преодолеть! Безрадостная перспектива для наших немцев. И они ещё рвутся в свой «родной» фатерланд. Какой же это родной, если через девять месяцев тебя вновь заставляют рыться в мусорных ящиках в поисках съестного для себя и своих детишек? Где он проглядывается здесь, этот обещанный рай? И всё же ...

Разговариваю с М. Д. Куфельд, родители которой совсем недавно переехали жить в Германию:

— Отец мой давно хотел вернуться в Германию. Там у него есть родственники, которые обещали помочь устроиться на новом месте. Он здесь продал дом, за репатриацию ему заплатят. Когда они с матерью будут находиться в карантине, их обучат немецкому языку, впрочем, они этот язык и так знают. Наша бабушка всё время разговаривала с ними по-немецки. Просто вспомнят, что подзабыли, попрактикуются в разговорах с настоящими немцами. Потом им дадут квартиру в городе, выбранном для постоянного места жительства. Если отец захочет – будет работать. А может, им и пенсии хватит, ведь в Германии намного дешевле жить, чем у нас.

Здесь он всю жизнь проработал шахтёром, а что получил в итоге? – болезни и мизерную пенсию, от которой только ноги протянуть осталось.

— Марина, а почему ты сразу с родителями не уехала?

— Когда они оформляли документы на выезд, мы с мужем не хотели покидать Россию. Теперь я развелась с ним, живу одна с ребёнком, получаю 30 тысяч алиментов да за работу в садике 100 тысяч рублей. На такие деньги разве можно прожить в нашем городе? Я тоже уеду отсюда. Уже подала документы на выезд.

— Выходит, родители твои поехали в Германию разведать обстановку для своих детей?

— Да. Кроме меня в Берёзовском живут мои братья, которые тоже собираются уезжать в Германию. Но было бы в России всё нормально, тогда бы я и не думала о Германии, о которой знаю лишь понаслышке. В сегодняшней же обстановке надо как-то выживать. Скоро родители пришлют письмо, и мы узнаем, как там живут переселенцы.

У гражданки, оформляющей, подобно Марине, паспорт для выезда на постоянное жительство в Германию, но не пожелавшей назвать себя, ситуация сходная: она живёт без мужа с двумя детьми, по национальности немка, но в России прожила её детство, юность и большая часть самостоятельной жизни. Здесь её родина. Уезжать от друзей и знакомых неизвестно куда она боится, но считает, что воспитать и поставить на ноги детей в России ей одной будет не под силу. Германия же поддержит мать-одиночку, она верит в это и веряет свою судьбу и судьбу своих детей в руки чужого государства.

— Когда же вырастут дети, им самим придётся определяться: оставаться жить в Германии либо вернуться в Россию. Ведь возможность вернуться у нас останется. Сама я чувствую, что вернусь сюда. Здесь лежат мои родители, и я хочу закончить жизнь здесь.

Мне понятно её желание воссоединиться навеки со своими родителями, но вот вопрос: как они расценивают бегство дочери от возникающих трудностей? И ещё неизвестно, оправдали бы её бегство родители. Родина – это та страна, в которой ты родилась и которая тебя создала. Как человека. Ну да ладно, это её право поступать так, как она поступает.

А вот М. Д. Куфельд на вопрос, будет ли она горевать по оставленному Берёзовскому и не намеревается ли посетить его когда-нибудь, ответила недоумённо:

— А что мне здесь делать? Прогуляться по улицам? Блажь – по такой причине приезжать сюда.

Да, хорошо тем, у кого есть в загашнике ещё одна родина, на которую они в состоянии променять не угодившую им родину. А как же быть нам, истинно русским? Да так – закатывать рукава и делать всё по-своему, чтобы из других стран на нас заглядывались и, как в обетованную землю, ехали к нам за своим счастьем. Ведь была же наша Россия для иностранцев когда-то землёй обетованной...

И не когда-то, совсем недавно была. О том, что граждане немецкого происхождения жили в нашей стране до 1941 года хорошо, говорит факт существования чисто немецких поселений во всех, преимущественно тёплых и удобных для проживания, уголках нашей необъятной Родины. Немка Евгения Теодоровна Кремер, 1912 года рождения, не помнит, с каких пор её сородичи заселили село имени Карла Либкнехта Люксембургского района Запорожской области. В этом селе и в нескольких соседних жили только немцы, которые могли свободно разговаривать на родном языке не только в домашнем кругу, но и в общественных местах.

Иностранцев этой своеобразной колонии вполне устраивал советский образ жизни, и они с симпатией относились ко всем достижениям нашего народа, добросовестно трудились

в колхозах и на предприятиях. Нападение Германии на СССР положило конец этой идиллии. В начале войны советским правительством немцам было объявлено недоверие и их стали насильственно выселять из прифронтовых областей вглубь страны, зачастую за Урал, в сторону Сибири. Но ведь и там жили люди, и нормально жили. Немцев же переселяли в целях безопасности страны. Это можно понять.

До оккупации фашистами Запорожской области из села имени Карла Либкнехта было эвакуировано более половины его жителей. Ивана Ивановича, мужа Евгении Теодоровны, в 1941 году мобилизовали в трудармию и отправили в Актюбинскую область для работы в Чилексайской МТС. Там он и проработал всю войну, участвовал в поднятии целины, выращивал хлеб.

Евгению Теодоровну с двумя дочками и матерью не успели эвакуировать, и она во время оккупации продолжала жить в селе. Нацисты колхоз не разогнали, крестьяне так же в нём трудились, но уже на Германию. Репрессии против своих бывших соотечественников завоеватели не устраивали. Евгения Теодоровна жила только семьёй и работой. В политику не вмешивалась. На улицу лишний раз выходить боялась. С неё достаточно было того, что отца её в гражданскую войну заживо сожгли махновцы, так как он был коммунистом. Немцы к своим соотечественникам относились намного лояльнее, чем к коренному населению СССР. Но никому не позволяли нарушать заведённый порядок. Когда же им понадобилась рабочая сила в Германии, они в первую очередь отправили туда немцев. Жителям деревни было предложено в 24 часа приготовиться к выезду.

Путь был долгий, так как двум семьям полагалась одна повозка для имущества и малолетних детей. Взрослые же всю дорогу шли пешком. В Германию добирались через Польшу. В Польше месяц их держали в каком-то гетто – отгороженном

провоолокой пространстве. Вроде как на карантине, чтобы освободились от прихваченных с собой болезней.

По Германии они доехали до города Вейзенфельда, где их разобрали по хозяйствам нуждающиеся в рабочих руках немецкие фермеры и горожане. Евгения Теодоровна с детьми (её мать во время бомбёжки отстала от поезда и неизвестно где находилась) попала в деревню Гернштадт к фермеру.

Нельзя сказать, чтобы к ней и её детям хозяева относились плохо: она умела работать, а это свойство человека ценится повсюду. Её дети даже играли с детьми хозяев. Ирина Ивановна, дочь Евгении Теодоровны, рассказывает, что их никто не обижал, но ей было очень завидно видеть разнообразие игрушек у сверстницы, дочери фермера, сама она обходилась тем, что смастерит мать. Жили они рядом, в одном доме с фермером, кормили их хорошо. Относительно свободы перемещения Кремер, обеспокоенная судьбой своей матери, имела возможность организовать её поиски и очень скоро нашла мать и привезла её к себе.

Когда линия фронта приблизилась к городу, советские самолёты очень часто бомбили воинские части противника. Доставалось и мирным жителям. Последние дни перед освобождением и хозяева, и их рабы уже не трудились, а прятались от бомб в погребках и убежищах.

Приход советских войск интернированные из СССР граждане встретили с радостью. А как же – победа, свобода, и можно вернуться на Родину, ту Родину, где ты родился и прожил всю свою жизнь! Офицеры, оформлявшие выезд угнанных в Германию граждан, обещали им возвращение в Запорожскую область. При желании можно было и остаться в Германии, но ведь у Евгении Теодоровны остался в России муж. С твёрдой уверенностью воссоединиться в единую семью она со своими детьми и матерью отправилась в СССР. По прибытии же

в Россию их определили для перепроверки на поселение в Свердловскую область, в городок Новоляля. Там на кирпичном заводе и отработала она 11 лет. Потом дали направление в Актюбинскую область к месту проживания мужа. В других местах им отказывали в прописке и поселении.

С 1977 года Ирина Ивановна, теперь уже Ляленко, живёт в Берёзовском. В прошлом году перевезла к себе из Казахстана своих родителей. На мой вопрос, жалеет ли Евгения Теодоровна о неиспользованной возможности остаться в Германии, она отвечает: «Моя сестра, оказавшаяся во время войны в той части Германии, которая была оккупирована американцами, осталась там. Её семья материально благополучная. Но она пишет, что коренные немцы к ним всегда относятся пренебрежительно. А ощущать себя всегда ущербным и неполноценным, думаете, приятно? Здесь же, хотя власти и ограничивали нас в правах, мы чувствовали себя частью своего народа. Мы не чужие здесь люди. Мы как все.

Как мы видим из приведённых примеров, – разные судьбы у «русских» немцев, но то, что они самостоятельно выбирают остаться им в России в трудный момент или покинуть её, мы тоже видим. И каждый из них по-своему прав. Попробуй тут разобраться...

Июнь 1995 года.

КУДА МЫ КАТИМСЯ?

6 сентября 1993 года незаметно для города прошла суточная забастовка шахтёров России. 24 часа не работали четыре шахты Берёзовского. В этот день митингов не было, шествий с флагами тоже. Перед местной администрацией нет смысла

«качать права», — она так же, как и шахтёры, обмолачивается жерновами спущенных сверху реформ. Были утром собрания смен трудовых коллективов, решительные резолюции, обсуждение нагрянувшего беспросвета и, как итог, — безоговорочное принятие решения о необходимости забастовки.

Сегодня я разговариваю с одним из участников забастовки И. З. Софроновым, бригадиром очистного забоя шахты «Первомайская».

— Профсоюзные лидеры считают, что не напрасно шахтёры Кузбасса подключились к Всероссийской забастовке. А каково ваше мнение по этому вопросу?

— Ничего не дала нам эта забастовка. Мы и без неё сидели в «калоше». Железнодорожники не вывозят с шахты добываемый уголь, потому что нам нечем оплачивать их работу. Из-за взвинченных цен на его перевозку уголь стал никому не нужен. Мы отказываемся от отгрузки угля, прекрасно зная, что нам некому и некуда его отгружать. Платёжеспособных клиентов не сыщешь по всей России. Торговать же с границей из-за дороговизны транспортных услуг получается себе в убыток.

— Вы полагаете, что забастовка — не та мера, которой можно было бы воздействовать на правительство?

— Конечно. Правительству нет дела до нас. Не работаешь — ну и бес с тобой, не работай. Россия большая. Разве не найдёт она средства для привозки в Москву апельсинов, хлеба и мяса? А для отопления московских апартаментов взамен отечественного угля с радостью предоставит столице свой уголь ближе зарубежье. Каждый из членов правительства думает не о патриотизме, а о приобщении своего ближайшего окружения к источнику личного обогащения, к которому сам оказался допущенным. Продавая Россию за бесценок любому, они откладывают валюту в швейцарские банки, и как толь-

ко представится случай, не задумываясь, уезжают за границу. Что уж тут думать о пользе России? – их главная забота сейчас состоит в том, чтобы всеми правдами и неправдами продержаться как можно дольше в своих креслах, подольше попользоваться возможностью хапнуть в свой карман.

— Страна, и народ в том числе, дошли до ручки. Дальше уже невозможно нам опускаться. Профсоюзные деятели полагают, что если после забастовки 6 сентября правительство не сядет за стол переговоров с шахтёрами и не примет мер для улучшения их положения, то вся угольная промышленность России отправится в бессрочную забастовку. Как вы думаете, реально ли это, можно шахтёров организовать и вдохновить на такое дело сейчас?

— Нет. Кто нас поддержит? Мы все нищие. Сейчас хоть так перебиваемся, но живём, а на что будем жить, не работая? Мужики, если и совсем уже немоготу станет, на бессрочную забастовку не пойдут. Скорее в руки топоры и вилы возьмут. Ну, нельзя так, нельзя так жить, как мы живём!

— Иннокентий Зиновьевич, вам известно, почему шахтёры Ленинск-Кузнецкого не бастовали 6 сентября?

— Я знаю, что они в этот день работали, но в чём причина их отказа от участия в забастовке, ответить затрудняюсь. Мы теперь непосредственно не общаемся с коллегами других регионов и городов. Даже на шахтах, работающих по соседству в одном городе, не бываем в гостях, – не положено. Не знаем, кто, чем и как живёт. Всё производство покрыто сейчас коммерческой тайной, будто мы не уголь, а уран добываем. По забастовкам прошлых лет очень оперативно работала на нас информация. Мы знали о действиях соседей, регионов и областей абсолютно всё. И областные газеты, и местные давали необходимые сведения. Сейчас этого нет. Чем можно объяснить это молчание? Нечистоплотные люди, с помощью

шахтёров прорвавшиеся к власти, боятся единения шахтёров и других категорий рабочих, поэтому делают всё, чтобы поссорить их между собой, противопоставить друг другу. Так народом управлять легче.

Задержка правильной информации – их рук дело. А вообще-то с этой политикой мы потеряли интерес к общению. Хвалятся только успехами, а чем мы можем похвалиться сейчас? Раньше была такая хорошая традиция: собирать к Дню шахтёра со всех шахт области бригадиров – «пятисоттысячников» и «миллионеров». Мы рассказывали друг другу о делах своих бригад и шахт, делились опытом, что-то заимствовали ценное. Благодаря этим встречам у нас рождалось ощущение сопричастности к трудовым делам всего Кузбасса. Сейчас такого нет. Четыре года не было. В этом году Кислюк вспомнил, надумал встречу к празднику организовать. Съехались мы в Кемерово, а из старых бригадиров только Фролов, Путра да Софронов. Остальные – молодёжь, а значит, им нечем похвалиться, нечего о производстве сказать. Где Гвоздев, где другие именитые люди, руководители бригад-рекордсменов? Вроде как и не было ничего этого у нас в Кузбассе. Как будто мы – самая затрапезная глубинка! А ведь совсем недавно, в 1987 году, моя бригада добывала 500 тысяч тонн угля – столько, сколько вся шахта в 1993 году. Производительность труда шахтёров сейчас упала как минимум на 50 процентов. И никому нет дела до этого. С такой жизнью осточертело всё шахтёру. И он стал другим. Какое тут чувство хозяина! Это раньше его приучали к бережливости. Было всё наше. Теперь – ничьё. Пока повсеместно не приватизировали госимущество и ненароком не обошли тебя стороной, – хватай, что под руки попадается, и домой тащи! Приватизируй в свою пользу. И тащат ведь, всё из шахты тащат. На глазах разукомплектовывают оборудование, а попробуй скажи что против – по зубам схлопотать недолго.

Я с бригадой в данное время монтирую комплекс в лаве 726, шеведу директора, чтобы посодействовал скорому её запуску. А он мне: «Не нужен нам твой уголь, с этим не знаю что делать». Куда мы катимся? Как раньше было приятно знать, что где-то тобой изобретённую новинку в производство внедрили, и она не подводит, позволяет ещё лучше работать техкомплексу. Прямо от гордости распирает: ты что-то значишь как человек. А сейчас? Придумали мы и делаем сопряжение перегружателя для извлечения арочного крепления. Новая методика, большие возможности. Новинка. Ни в Кузбассе и нигде ещё не применялась. Дело прибыльное и верное. А ведь никто не интересуется. Почему?

Для того, чтобы не заштыбовывался главный конвейер, мы сделали постоянным пересып с главного привода на перегружатель. Сами придумали. Сколько хлопот доставлял этот узел – теперь не будет. Но ведь такое же оборудование есть в каждой шахте, люди с ним мучаются. Почему бы сейчас, если появилось что-то новенькое, не перенять, не позаимствовать для себя и передать другому?

Раньше быть шахтёром всегда считалось престижно и почетно. Опасно – не без этого. Но работа в шахте являлась критерием постоянства во всём. И в доходах, и в счастье, и в семейной жизни. Теперь нет. Есть другое постоянство – задержка зарплаты на месяц-два. Шахтёрским семьям теперь постоянно приходится экономить во всём, чтобы дотянуть до следующей зарплаты. Поэтому шахтёры – есть и такие – бросают шахты, идут в коммерцию. И вот такой «купец» сидит в ларёчке и торгует «Сникерсами» и женском бельём. Дело это? Куда мы толкаем народ? Десятилетних подростков вместо учёбы в школе заставляем мыть автомобили и собирать бутылки. Зачем?

Себя потеряли как поколение, и подрастающее поколение тоже потеряем, если вовремя не опомнимся. Встречался

я с премьер-министром Гайдаром (теперь уже бывшим) в Москве, когда ездил туда выбивать комплекс для лавы. Врут газеты, пьёт он не только минералку, но и водку стаканами. Обыкновенный мужик. Хитрил: не знает, якобы, о разорительной политике правительства, не доносят будто ему, как живут сейчас шахты, колхозы, народ. В фермерстве видит возрождение сельского хозяйства! А ты ему, сельскому хозяйству, условия для становления дал?! Берут люди землю, ишачат на ней всё лето, а осенью не знают, кому продать сельхозпродукцию. Иноземного с избытком хватает. И разоряются поэтому, так как нечем платить за взятые сдуру кредиты. Прорвались такие вот, как Гайдар, на наших горбах к власти, и теперь уже мы им стали не нужны. Нет у нас власти. Вернее, есть, но не такая нужна нам сейчас: чтобы слушались её и куда надо бы вела. А иначе...

Шахта «Первомайская» вон уже сколько бездействует. Ни капстроительства, ни добычи. Осталось распродать сельхозугодья и строения в Уньге, кирпичный завод, свиноферму – и можно закрываться.

1996 год.

СОБЫТИЕ? – ДА ЕЩЁ КАКОЕ!

26 октября этого года исполняется 100 лет автомобильному транспорту России. Событие? Ещё какое! Ведь роль автотранспортников в жизни нашей огромной страны нельзя переоценить. Бесперебойная перевозка грузов и пассажиров на различные расстояния – дело их чести. Сегодня мы расскажем вам об одном из предприятий автотранспортников Берёзовского – пассажирском автотранспортном предприятии,

директором которого последнее пятилетие является Иван Секутович Растегаев.

До 1964 года населённые пункты, из которых позднее образовался наш город, обслуживало Кемеровское пассажирское автопредприятие ПАТП-1. Для этих целей здесь была выделена одна автоколонна. Но с ростом населения будущего города технические возможности этой автоколонны были исчерпаны, и областным «Автотрансом» было принято решение о создании в Берёзовском пассажирского автопредприятия.

В сентябре 1964 года оно и было создано. 15 стареньких автобусов и четыре новых «ЛиАЗа» – то, чем владело на первых порах Берёзовское АТП, были размещены на территории заводика ЖБИ при шахте «Берёзовская», под открытым небом. В помещениях располагались только токарный станок и некоторые из служб ремонтного цеха. Эксплуатация автопарка в таких условиях была крайне затруднительна. В морозы людям, обслуживающим автопарк, на какие только ухищрения не приходилось идти, чтобы вовремя запустить машины и отправить их в рейс. Для прогрева моторов автобусов они применяли пар от котельной, горячую воду, воздух и даже использовали электроподогрев. Приходилось каждый день сливать воду из радиаторов (ведь морозостойких жидкостей тогда и в помине не было), а по утрам бегать с ведрами за водой в котельную. Если же возникала какая поломка, – ремонтировали автобусы на свежем воздухе. Летом – нормально. А какое это «удовольствие» зимой – объяснять не надо.

В начале 1965 года образовавшееся АТП переместило свою ремонтную мастерскую на территорию ДОСААФ в посёлке шахты Берёзовская. Там был бокс для стоянки четырёх автобусов. Стало полегче, но коллектив АТП понимал, что без создания обогреваемых стоянок для всех автобусов не обойтись. Летом, по инициативе коммунистов и комсо-

мольцев, на субботниках и воскресниках водители, переквалифицировавшись в строителей, возвели, пристроив к уже существующему боксу, ремонтный бокс на двенадцать автомашин. Потом уже хозспособом был построен и бокс для стоянки двадцати автобусов.

Однако, хоть и строили для себя что-то автотранспортники на новом месте, но понимали, что долго там не задержатся, им необходим был участок земли, на котором можно было бы создать автобазу, отвечающую всем современным условиям. Такой участок и был им выделен на Нижнем Барзасе рядом с Бирюлинской автобазой. Туда и перебазировалось Берёзовское АТП 4 ноября 1977 года. Здесь были построены вместительный ангар для автобусов и котельная. Здание АБК, мойка и другие производственные помещения строились позднее.

Автопарк предприятия к тому времени включал в себя 134 транспортных единицы, в числе которых были не только автобусы, но и легковые, а также грузовые автомобили. Автобаза теперь оказывала городу транспортные услуги по перевозке пассажиров на автобусах и такси, транспортировке грузов предприятий и граждан. Маршруты движения автобусов соответствовали нынешним, но вот состояние автодорог было совсем другим – все они были покрыты гравием, а где и совсем не отсыпаны. Никто в АТП не удивлялся, если после одного дня работы автобуса по маршруту «Берёзовский-Барзас» следующие два дня этот автобус стоял в ремонтном боксе. Асфальтировать дороги в городе и автотрассы на Мариинск и Анжеро-Судженск начали в конце семидесятых годов.

В 90-х годах в автопарке Берёзовского АТП было уже 260 транспортных единиц. Сюда каждый год поступали автобусы отечественного производства. Без них городу было не обойтись. Так, в 1982 году автобусами предприятия было перевезено более 21 миллиона пассажиров, с 1983 по 1993 годы – не

менее чем по 20 миллионов. Всего за период существования АТП было перевезено более 500 миллионов человек! Цифра впечатляющая. А если учитывать и ежедневно проскальзывающих мимо всевидящего ока кондуктора «зайцев», то цифра повысится ещё более.

Последние годы пассажиропоток по городу несколько снизился и составляет теперь 7-8 миллионов человек в год. Автопарк сократили до 137 транспортных единиц. От нерентабельных производств надо было освобождаться: кроме автобусов остались в хозяйстве автомобили, развозящие хлеб, и для собственных нужд. Остальные списаны и распроданы. Та же участь постигла и 12 автомашин таксопарка.

Берёзовское АТП – планово-убыточное предприятие, которое раньше дотировалось государством. Теперь дотация постоянно задерживается. Неблагоприятно сказываются на работе и неплатежи пользующихся автотранспортом АТП предприятий города. Не выдаётся вовремя, поэтому, и зарплата работникам. В 1995-м зарплата задерживалась на двадцать дней, теперь уже – на два месяца.

Последнее поступление автобусов отечественного производства на предприятие было в 1991 году. В 1995-м удалось закупить подержанные иностранные автобусы. И всё. ПАТП средств на обновление техники не имеет.

По мнению И. С. Растегаева, предприятию, чтобы оно хорошо заработало, сейчас нужно не менее 1 миллиарда 650 миллионов рублей. А государство за девять месяцев этого года недодало дотации ПАТП 2 миллиарда рублей. Двенадцать лет назад ПАТП перешло на абонементную оплату билетов. В прошлом году вновь ввели в штат кондукторов – нужны деньги для приобретения бензина, запчастей, выдачи работникам зарплаты... Выручки кондукторов не хватает на покрытие потребностей, но это лучше, чем совсем ничего.

Бережное отношение к технике, строжайшая экономия горюче-смазочных материалов, четырёхдневная рабочая неделя для работников управления – все эти меры помогают предприятию выживать и трудиться на благо города. И, несмотря на трудности в обеспечении нормальной деятельности предприятия, его руководство и профсоюз проявляют ежедневную заботу о работниках ПАТП. Оно имеет прекрасную столовую, где готовят для автотранспортников очень вкусные обеды. Кроме оказания первой медицинской помощи фельдшеры здравпункта проводят осмотр водителей перед выездом на линию, лечение работников в физиотерапевтическом и процедурном кабинетах. При здравпункте работает зубной врач. Тяжелобольным работникам предприятия выделяется финансовая помощь на лечение и приобретение лекарств. К 100-летию автомобильного транспорта России на территории ПАТП откроется оздоровительный комплекс (уже построен), где водители и кондукторы во время пересменок, а административные работники и ремонтники – в обеденный перерыв, смогут попариться в сауне, поплавать в бассейне, кто-то сможет в кабинете массажа размять косточки, а кто-то захочет поправить причёску.

Отведено место в оздоровительном комплексе и для тренажёрного зала: вот появятся деньги у предприятия, купят беговую дорожку и велосипед-тренажёр, а также другую развивающую мускулы технику, и придут тогда сюда поправлять здоровье автотранспортники и будущие олимпийские чемпионы (имеются в виду дети автотранспортников).

В Берёзовском ПАТП работают 406 человек, некоторые – со дня основания предприятия, значительная часть – по 10-15 и более лет. Коллектив сложился дружный, надёжный, крепкий. Многие из водителей – профессионалы высокого класса. Да и не должно здесь быть иначе: им пассажиры доверяют са-

мое ценное – свою жизнь. В канун праздника хочется рассказать немного хотя бы о некоторых водителях.

Около полувека назад началась трудовая деятельность Луки Эммануиловича Вебера. Тридцать девять лет он работает водителем, последние 23 года – здесь. Более полутора миллионов километров проехал он на грузовиках «Зил», «Камаз», «Колхоза» за это время. Сейчас ему доверена перевозка жизненно необходимых для предприятия грузов – горюче-смазочных материалов. Дальние рейсы в Бийск, Барнаул, Новосибирск и другие, как правило, выполняет Л. Э. Вебер. С января 1990-го по декабрь 1995-го года им сэкономлено около двенадцати тысяч литров дизтоплива и три комплекта шин. С 1973 года он работает без аварий. Свои знания и опыт передаёт молодёжи. При его непосредственном участии подготовлено 37 водителей, 19 из которых работают в ПАТП. За достигнутые успехи в труде он более двадцати раз отмечался администрацией предприятия. А в 1984 году был награждён медалью «Ветеран труда».

С выбором профессии у Георгия Сафоновича Багнюка сомнений не было. После армии он окончил ПТУ по специальности «водитель». С 1965 года по настоящее время работает в ПАТП. Он профессионал высокого класса, добрый и отзывчивый товарищ, основатель собственной трудовой династии водителей в Берёзовском ПАТП. Около двух миллионов километров проехал он по дорогам города и области. За последние три года им выполнено четыре тысячи рейсов, перевезено 150 тысяч пассажиров, что принесло предприятию дохода свыше ста миллионов рублей. Сэкономлено им за это время 15 тысяч литров бензина и 4 комплекта шин. Под его руководством прошли стажировку 53 водителя, половина из которых работает и сейчас в ПАТП.

Любовь к своей профессии он передал сыновьям. Вот уже восемь лет работает в ПАТП его старший сын Игорь, и шесть

лет, тоже водителем, младший сын Эдуарда. В 1984 году Г. С. Багнюков был награждён медалью «Ветеран труда». Несколько раз отмечался благодарностями и грамотами за добросовестный труд. В 1992 году был награждён значком «За работу без аварий». А общий трудовой стаж семьи Багнюковых составляет более полувека.

О многих работниках Берёзовского ПАТП можно написать такое. Приведу список людей, проработавших здесь более тридцати лет: Г. С. Багнюков, А. И. Дурнов, В. В. Кречетов, Т. И. Ескевич, Н. И. Перескокова, А. Т. Руднев, И. В. Растегаев, В. Н. Хряпкин, А. А. Чигряй, Р. М. Шафилов.

К столетию автотранспорта России по предприятию издан приказ: работники ПАТП получают ценные подарки и денежные премии от 100 до 400 тысяч рублей. Ветераны автомобильного транспорта – по 300 тысяч рублей. Значком «За работу без аварий» 1-й и 2-й степеней «Кузбассавтотрансом» будут награждены 14 работников. Получат значки «Почётный автотранспортник России» А. Э. Вебер и Г. С. Багнюков. Теперь носить это почётное звание в ПАТП будут девять человек.

Накануне праздника в ДК Шахтёров состоится торжественное собрание, посвящённое празднику.

Октябрь 1996 года.

ПО НОВОЙ МОСТОВОЙ

Народ верит в приметы: если женщина перешла дорогу перед тобой с пустым ведром – к неудаче, если дорожники положили новый асфальт, то вскоре на этом месте будут производиться земляные работы, и асфальт, которому ещё не радовались горожане, будет безжалостно взломан. Не знаю,

как с первой приметой, а вторая, по моему мнению, сбывается на все 100 процентов. Трубопроводы тепловых сетей и водопровода имеют обыкновение очень скоро выходить из строя именно на участках под свежееуложенным асфальтом. Как-то влияет, наверное, асфальт на металл. Это надо коммунальщикам учитывать. Ведь отпускаемых на ликвидацию аварий средств им зачастую не хватает на восстановление нарушенной поверхности дорог или тротуаров. И мы, жители города, потом долгое время вынуждены ходить по этим развороченным и грязным от расквашенной глины улицам.

В других городах давно учли такое «совпадение» аварийных ситуаций коммунальных сетей с ремонтом дорог, и теперь места пересечения подземных трубопроводов с дорогами и тротуарами сверху вымачивают съёмным покрытием. Надо в этом месте произвести земляные работы, – снял железобетонную плиту, отложил её в сторону, раскопал яму, заменил повреждённый кусок трубы, вновь закопал яму, спланировал землю и положил сверху плиту. Во-первых, при таком способе город получает экономию от уменьшения затрат при ликвидации аварий, а во-вторых, городской ландшафт после земляных работ не изменяется: и жители довольны, и у администрации голова не болит.

В этом году ею было решено, что в местах наиболее интенсивного движения пешеходов, по примеру «греческой деревни» в посёлке Кедровский, строители будут прокладывать пешеходные тротуары из железобетонных плиток. Выпускает эти плитки уже два года наш завод КПДС. Кстати, тротуарчики, так живописно выглядящие в Кедровской «деревне», выкладывались из плиток, поставляемых нашим заводом.

Такому нововведению в области благоустройства в первую очередь подвергнется наша самая главная и красивая улица – проспект Ленина. На лето 2000 года «БШС-95» по-

лучило подряд на выполнение работ по замене асфальтового покрытия на железобетонные плитки вдоль одного из домов по проспекту Ленина, в котором некогда размещался магазин «Ветеран». Объём работ – 500 квадратных метров – незначителен, но, при выделении достаточного количества средств, работ по замене тротуарного покрытия может быть произведено и больше.

— Мы можем выпускать тротуарной плитки столько, сколько понадобится, – говорит генеральный директор ЗКПДС (и он же директор «БШС-95») А. Г. Колегов. – И уложить её мы тоже имеем возможность. Первым выбран именно этот участок не случайно: вдоль дома летом после дождей постоянно разливается озеро воды. Чтобы устранить это неудобство для пешеходов, мы снимем поверхность асфальта, поднимем уровень площадки насыпным грунтом и сверху вымостим плиткой.

Но железобетонная плитка сама по себе, как признался он в дальнейшем разговоре, не отвечает возросшим требованиям к выпускаемому сейчас дорожному покрытию: она называется так уменьшительно «плитка» потому, что изделия весом до 100 килограммов на заводе относятся к мелкой продукции. Строителям же для укладки её требуются грузоподъёмные механизмы. Чтобы исключить их применение при дорожных работах, на заводе рассчитывают уже в этом году внедрить новое производство по изготовлению плиток минимального веса (чтобы можно было укладывать их вручную) способом полусухой прессовки.

Для нового производства уже освобождается место в формовочном цехе завода. Оборудование будет приобретаться за счёт средств государственной программы по созданию новых рабочих мест. На эти цели уже перечислены средства в казначейство Берёзовского. Для нового производства на заводе

приобретут установку «Мастек», на которой будут выпускаться не только тротуарные плитки, но и другие мелкоштучные изделия, а также бордюрные камни. Стоимость установки – 580 тысяч рублей, всего производства – 1 миллион 26 тысяч рублей. В смену установка будет выпускать до двух с половиной тысяч изделий.

Прежде чем решиться на создание у себя нового производства, – говорит А. Г. Колегов, – мы изучили спрос на эту продукцию. Все города Кузбасса нуждаются в мелкоштучных изделиях нового поколения. А их малый вес и повышенная стойкость к воздействию механических нагрузок вытесняет с потребительского рынка изделия из железобетона.

Хорошо это и тем, что три человека получают рабочие места на новом производстве, а мы, берёзовцы, вполне вероятно, уже в этом году будем прогуливаться по новой мостовой.

«КРУТЫЕ» ДЕВЧОНКИ

— Папа, мне больно – дрожа от страха, всхлипывает восьмилетняя дочь. Плачущая жена требует расправы с обидчиками. Её и дочку только что в сорока метрах от родного дома избил⁴ какие-то хулиганки и отобрали пакет с продуктами. Это не из сводки Берёзовского ГОВД, это случилось с членами моей семьи 27 декабря в 11 часов вечера.

Мы живём в собственном доме на улице Ульянова в посёлке шахты «Берёзовская». Быстро одевшись, я побежал по улице в сторону центра. Рядом скрипела снегом жена и, задыхаясь от бега, рассказывала о случившемся. Её с дочерью около столовой остановила стайка девчонок. Кто-то из стоящих на дороге девчат выхватил у дочери пакет и вытащил из него коробку с печеньем. Пакет жене удалось отобрать,

печенье – нет. Лёгкость, с которой им удалось овладеть тут же съеденной сладкой добычей, подзадорили хулиганок, и они увязались следом за женщиной. А та не догадалась постучаться в дверь первого попавшегося дома. Отсутствие прохожих, темнота способствовали осуществлению злого умысла несовершеннолетних. Я бежал, не очень-то надеясь обнаружить девчонок.

— Это они! – вдруг указала жена на толпящихся около здания горэлектросети каких-то людей. Это действительно были те хулиганки. Они нас заметили и, сорвавшись с места, попытались скрыться. Во дворе хлебного магазина я догнал последнюю, бежавшую по тропке, остановил её и потребовал назвать свою фамилию и фамилии сообщниц. Задержанная оказалась Леной Скрынниковой. Ей 12 лет. Дочь мою и жену она не била, а просто стояла рядом с подругами и наблюдала, как бьют. Сок из пакета они пили все вместе. Живёт Лена на улице Карбышева. В группе этой есть ещё одна девчонка, которой 12 лет. Другим по 14 лет. Знает Олесю Дунаеву и сестёр Таню и Наташу Акуловых. В основном, все они поселковые, одна только из другого посёлка: живёт около шахты «Южная». Пристают к прохожим и отбирают у них вещи уже не первый раз. Начали с прошлого года. Рассказала про случай в микрорайоне, когда они отобрали деньги у парня. Потом ещё про другие случаи, но уже в нашем посёлке. Выходит, по всему городу действовали эти малолетние преступницы со стажем. Совсем, как банда «Чёрная кошка». Спрашиваю: «Что тебя и подружек заставило заниматься таким промыслом? Вы, может, последнее у людей отнимаете, ещё и избиваете сопротивляющихся. Может, вас не кормят родители, не покупают одежду и обувь?».

Из её несвязных ответов понял: не в этом причина. Просто интересно быть «крутой» девчонкой, ощущать свою власть и наблюдать страх очередной жертвы. Ничего себе,

«красивое» признание. По тому сроку вашей «деятельности» я, милые девочки, сужу, что вы не крутые, а засранки и сыкухи, отбившиеся от рук не думающих о своих чадах родителей. Вам в школе не привили наши доблестные воспитатели-учителя и капли сострадания к слабым людям. А то, что вы обижали только слабых, не способных дать вам достойный отпор жертв, и доказывает этот столь длительный срок...

Самоутвердиться таким вот неприличным способом и при этом ещё полакомиться чем-нибудь вкусеньким – для вас цель, достигнуть которой можно в любой вечер, выйди только на улицу потемнее, выбери подходящий объект – и получишь желаемое. И то, что старушки и старички оставили без ответа посягательства хулиганок на свою жизнь и здоровье – понять ещё можно. Но вот парень, которого эти девицы ограбили, неужели он не мог найти хотя бы одного дружка и вместе с ним два-три вечера походить по улицам города, отыскать этих девчонок и призвать их к ответу?

Гребёж, в каком бы возрасте он ни совершался, есть уголовно наказуемое преступление. Повёл я Лену в милицию. У ДК Шахтёров увидел работника вневедомственной охраны И. Трофимова. Он поднялся с нами в служебное помещение, арендуемое охраной в здании ДК. Допросил девчонку. А потом по одному из названных адресов соучастниц задержал четверых. Пятая хулиганка, почувствовав «жареное», исчезла. Задержанные чувствуют себя раскрепощённо: улыбаются, как на подиуме перед зрителями, напевают песенки (Акулова) подтанцовывают (Дунаева), могут бросить пренебрежительный взгляд на обиженную ими женщину и мимоходом сообщить, что в недалёком будущем они «пришьют» её за ябедничество. Они знают: в милиции их не тронут и наказания не будет, так как они несовершеннолетние. И все их «забавы» сойдут им с рук.

Трофимов говорит:

— Вчера 12-летнего мальчишку поймал в магазине. Забрался внутрь и хотел унести товаров на несколько миллионов рублей. Третий раз ловлю его с поличным и отпускаю: малолетний не подлежит наказанию. И что за законы у нас, это же преступление?! Девчат может и накажут. Грабёж приравнивается к тяжёлому преступлению, за которое наступает ответственность с 14-летнего возраста.

Гляжу на девчонок, и руки чешутся, отстегать бы их ремнём хорошенько, чтобы недели две не могли присесть на задницу. Чем их ещё можно пронять, вбить в их испорченный разум, что они тоже люди и должны уважать человеческое достоинство. Посягать на личность ни им, ни кому другому не дано права. Почему родители не привили им такое понятие? Хотя, какие родители!.. Мамаша Дунаевой в ответ на заявление Трофимова, что он вынужден арестовать её дочь и препроводить в милицию, отмахнулась от стража порядка: «Надо – так забирайте, хоть на всю ночь». И не поинтересовалась даже, что же сотворила её доченька. Не чувствуют многие родители ответственности за действия своих детей. Родить ребёнка – ещё не заслуга. Из несмышлёныша надо не только вырастить, но и воспитать человека, нужного и полезного обществу. Не удаётся это сделать родителям, бессильна оказалась и школа. А правоохранительные органы, что могут сделать они, если в нашей стране с раннего детства стараются теперь целенаправленно приучать новое поколение к кошмарам насилия в виде забавных игр и фильмов?

В московском «Детском мире», пишет Алексей Савин в газете «Известия», женщина среднего возраста пытается объяснить молоденькой продавщице: «Ну помните, раньше были такие наборы юного химика, с коробочками, пробирками ...» «Раньше было всё, а теперь вот возьмите набор юного полицейского», – и девушка протягивает, на полном серьёзе,

женщине картонку, на которой аккуратно уложены наручники, дубинка, электрошокер и значок шерифа. «Так это ... – замаялась покупательница, – набор юного идиота».

И она права: чему ребёнка можно научить такими игрушками? И вот ещё: у отдела с карнавальными масками журналисту ткнулся в ноги обалдевший от счастья малыш в маске полуразвалившегося трупики. Зайчика и белочку в «Детском мире» уже не купишь, а вот маску удушенника – пожалуйста. По велению умных взрослых вышли из моды «Конструкторы», прививавшие раньше детям практические навыки по строительству, электрике, химии. Разве это нашим детям сейчас не нужно? Зачем мы забиваем им головы разной дрянью?

Зарассуждался... Привычка пишущего. В Берёзовском ГОВД помощник дежурного Е. Рекуц сумел выделить для разбора нашего дела оперативную группу и машину только через три часа. И всё это время мы с женой томились в обществе ухмыляющихся девчонок.

— В служебном помещении вневедомственной охраны, – говорит Трофимов, – по инструкции задержанным положено находиться не более 15 минут. Мы охраняем подключённые к сигнализации объекты. Собственного транспорта у нас в посёлке нет. При поступлении сигнала должны в течение трёх минут прибыть на место происшествия. Успеваем. Обращения потерпевших в охрану – дополнительная нагрузка. Для принятия мер по задержанию преступников, как в вашем случае, приходится отвлекаться от основной работы. Но мы идём на это, потому что в ночное время мы в посёлке – единственная правоохранительная точка. Если мы не поможем людям, то кто же им поможет? Плохо то, что в посёлке нет специального помещения для содержания правонарушителей, и горотдел милиции недостаточно быстро реагирует на происходящие здесь события.

Количества же ежесуточно совершаемых в посёлке преступлений, по мнению охранников, достаточно для образования здесь отделения милиции. Ведь создаётся же оно в посёлке шахты «Южная». На «Берёзовке» такое отделение тоже необходимо! Спокойнее будет жить гражданам.

Ранним утром 28 декабря следователь ГОВД М. Н. Андрусева закончила допрос потерпевшей и меня, как свидетеля. Девчат в присутствии вызванных родственников одновременно допрашивал в соседнем помещении другой следователь.

— Марина Николаевна, а чем, по вашему мнению, закончится для девчат вся эта процедура?

— Это преступление уголовное, но так как они несовершеннолетние, то им грозит только условное наказание. Вот если бы это преступление было не первым в их послужном списке...

— Похоже, не первое — из них некоторые уже находятся на учёте в картотеке ГОВД.

— Мы будем возбуждать уголовное дело. Вопрос о применении меры наказания будет решать суд.

С тем мы и расстались. Это происшествие отняло у нас четверть суток, сон, массу нервов, жирной чертой перечеркнуло предпраздничное настроение. И лишило дочку возможности похвастаться перед ёлкой своими яблочками. Дня через два я увидел в автобусе одну из этих девчат. Узнали мы друг друга. Она смущённо улыбнулась и на следующей остановке выпорхнула из автобуса. Вот так и будем при встречах разбегаться: ей нехорошо смотреть мне в глаза, и мои бы глаза её не видели...

Кстати, за произведённый ими разбой в предновогоднюю ночь ни они, ни их родители не понесли никакого наказания. По всей видимости, в Берёзовском чистить рожи и отбирать подарки в предновогоднюю ночь не является противозаконным действием.

Декабрь 1997 года.

С ВЕРОЙ В ЛУЧШЕЕ

Рабочий день в формовочном цехе ЗКПДС начинается с планёрки. В кабинете начальника цеха А. В. Авдошина рабочие первой смены узнают о результатах работы цеха за прошедшую ночь и о том, что предстоит им сделать днём. Не всегда сведения утешительные: к примеру, сегодня цемент подвезут лишь после обеда, и рабочие могут заниматься пока только подготовкой форм к принятию бетона. Необходимо создать условия рабочим второй смены, тогда, может быть, удастся выполнить суточный план по выпуску железобетона. Но и металлической арматуры для изготовления каркасов железобетонных изделий тоже осталось совсем мало. Из-за отсутствия утеплителя – пенополистирола – уже давно не изготавливаются наружные стеновые панели. Средний пролёт формовочного цеха, где производятся эти панели, поэтому бездействует. В работе – лишь пролёт кассетных камер и пропарочные камеры пролёта добора.

В последнем могут делать песочницы в виде многолепестковой ромашки, элементы кровли и внутренние перегородки для многоквартирных домов. Негромко подтренькивая предупредительной сигнализацией, над цехом проплыл мостовой кран. Алла Красильникова, более 20 лет проработавшая на заводе, уверенно выдёргивает из пропарочной камеры прогреваемую форму с заключённым в неё железобетоном. Михаил Шитиков, высококлассный формовщик, укладывает форму на освобождённое заранее место и, раскрыв её, извлекает наружу средних размеров панель с помощью крана. Она гладкая, поблескивает микрочастицами влаги и словно дышит, окутывая себя при остывании тёплым парком.

Ощущая на близком расстоянии банный запах свежеспечённого бетона, так и хочется провести по нему рукой, почув-

ствовать тёплую влажность только что созданной строительной конструкции. Да, эта панель без преувеличения похожа на свежее испечённый доброй хозяйкой блин (но только первым его не назовёшь – насчёт контроля качества тут строго). Следующая по ходу извлекается из камеры деталь покрупнее. Это элемент кровли. Он тоже удался. Качественный железобетон. Но, оказывается, этого недостаточно. Алла Красильникова переносит изделие для последующей доводки: микропоры и трещинки на его поверхности здесь затираются отделочниками цеха. А потом эту панель окрасят ещё поверх лаком.

Укладывают на стенд и укрепляют на нём элемент кровли Рахим Каимов и Марат Мунурбаев. Действия их чётки и выверены. Они знают, что и как надо делать: работают на заводе по 10 лет. И таких работников здесь большинство. Они умеют, хотят и выполняют качественно свою работу. И эта работа наконец-то появилась. Если в прошлые годы заводу с трудом удавалось за месяц изготовить по заказам 500 кубометров железобетона, то с начала нового года объём выпуска его увеличился едва ли не вдвое. Более 900 кубометров за месяц – это ли не показатель того, что завод начал обретать былую силу?

По сведениям главного инженера ЗКПДС С. Н. Жданова, администрация завода заключила договоры на поставку промышленного железобетона для строительства коммунального моста в Кемерове, Алтайской автодороги, МУП «Котельные и тепловые сети» и УВКХ Берёзовского. Жилищное строительство в Белове и Ленинск-Кузнецком тоже ведётся не без участия Берёзовского ЗКПДС. Помимо этого, завод изготавливает железобетонные изделия для благоустройства Кемерова и Берёзовского.

Работа действительно появилась. И, что отрадно, около 60 процентов объёма выпускаемой продукции уже оплачиваются «живыми» деньгами. Остальное заказчики отдают взаимозачётами в виде цемента, щебня, песка, арматуры. Но того,

что дают, не хватает. За наличный расчёт завод приобретает до 30 процентов необходимых материалов. А так как оплату за железобетон хоть взаимозачётами, хоть деньгами заказчики производят несвоевременно, то и нехватка материалов для его производства в конце месяца – явление постоянное.

На апрель план по выпуску железобетона заводу был определён в 1200 кубометров. Но по вышеуказанной причине выполнить его не удалось. К плану недодали в апреле около 200 кубометров. Но ближе к лету положение должно измениться к лучшему и за счёт оживления строительства в области и в городе, и за счёт появления денежных заказчиков. Тогда и 1200 кубометров для завода не будет пределом. Его продукция необходима Кузбассу. А чтобы она отвечала современным требованиям, уже сейчас администрация вплотную приступила к решению проблем развития своих производств, реконструкции завода в целом.

Сейчас для жилищного строительства выпускаются железобетонные изделия устаревшей и мало применяемой серии 97/1. В течение года-двух будет проведена реконструкция формовочного цеха для выпуска изделий новой серии. Уже подыскивается оборудование для ранее не существовавшего на заводе производства по изготовлению тротуарных плит. Заводу нужен собственный, сильный и мобильный автопарк и всё необходимое для его нормальной эксплуатации и ремонта. Для этого администрация завода решает вопрос о приобретении разорившейся Бирюлинской автобазы...

Главное в любом производстве – это люди, их руки, которые могут создавать исходящий теплом затвердевший железобетон. О них не забывает администрация завода. С января 2000 года на 50 процентов за счёт увеличения платежеспособности заказчиков была повышена тарифная ставка. Задолженность по зарплате сократилась до одного месяца. Обеды

в столовой, обеспечение семей работников продуктами и товарами в счёт заработной платы, а также другие предпринимаемые администрацией меры (к примеру – льготное выделение ссуд на приобретение или строительство жилья) способствует снижению социальной напряжённости в коллективе.

С наступлением нового года работники завода почувствовали веяние долгожданных перемен. А вера в то, что очень скоро им будет жить легче, в среде заводчан ощущается и в отношении к выполняемой работе, и в отсутствии той безысходности, которая не так давно витала здесь над каждым.

2000 год.

ХОРОШИХ ВАМ МЕТРОВ!

Фасад здания, празднично украшенный транспарантами и флагами, толпящиеся у входа нарядные мужчины, встреча подъезжающей делегации шахтёров из другого города и громко звучащая в холле музыка говорили о том, что для присутствующих намеченное событие обещает быть интересным. А как иначе? Ведь это было не просто проводимое администрацией важное отчётное мероприятие, это ещё и вечер отдыха особо отличившихся в труде проходчиков, возобновивших дружбу после пятнадцатилетнего перерыва.

Гостей встречали приветствием и цветами дети и ансамбль «Дудари» под руководством В. Ю. Куликова. Была организована выставка-продажа изделий декоративного искусства местных умельцев. По сценарию, ведущая вечера – режиссёр ДК Шахтёров М. Ю. Якурнова, с прибытием последней делегации из Анжеро-Судженска, пригласила собравшихся подняться на второй этаж и занять столики, отведённые командам шахт

имени Волкова, «Физкультурник», «Первомайская», «Берёзовская», а также шахтоуправления «Сибирское». Очередное заседание «Клуба проходчиков» началось. Его открыл технический директор АО «Кузбассуголь» С. С. Золотых, поздравивший присутствующих с достигнутыми успехами и пожелавший всем здоровья и ещё большей удачи в будущем.

Давайте, дорогие читатели, сделаем небольшой экскурс в историю. 2 февраля этого года возродилась деятельность «Клуба проходчиков». Что подтолкнуло шахтёров к его возрождению? Клуб образовался на базе четырёх шахт объединения «Северокузбассуголь» ещё в 1982 году. Тогда дела с проходкой оставляли желать лучшего. По инициативе Берёзовского горкома партии проходчики этих шахт решили создать такой клуб, чтобы три раза в году собираться вместе и обсуждать производственные дела, совмещая это с отдыхом. По мнению ветеранов клуба В. И. Ильенко и В. И. Циммермана (первого председателя клуба), этот клуб очень помог проходчикам: они ближе узнали друг друга, обмен опытом способствовал повышению производительности труда. И как жаль, что многие знаменитые шахтёры, такие, как Назыров, Сафин и другие, не дожили до его возрождения.

Стечение обстоятельств заставило приостановить деятельность клуба в 1984 году. И лишь в 1999 году руководство «Кузбассугля» вновь заинтересовалось этой идеей и, используя все средства для улучшения состояния подготовительных работ на шахтах, способствовало возрождению «Клуба проходчиков». Его заседания будут проводиться теперь ежеквартально.

В деятельности клуба используются прошлые наработки. Встречи проходят в прежнем ключе, но внесены и существенные изменения. Основная идея существования клуба – деловые встречи между проходчиками на базе проходческих бригад, но самым главным действием теперь является (чего не

было раньше) аукцион, на котором проходческие бригады, разыгрывая лоты, берут повышенные обязательства друг перед другом. Выполнение обязательств стимулирует «Кузбассуголь» денежными премиями. Клуб, так сказать, возрождает канувшее в Лету социалистическое соревнование, но на другом, материальном уровне. Конечная цель клуба – повышение производительности труда проходчиков.

К предстоящей встрече поэт и бывший проходчик Д. Д. Завьялов сочинил слова гимна «Клуба проходчиков». Их переложил на музыку звукооператор ДК Шахтёров С. С. Родионов. Члены клуба, прослушав этот гимн, приняли его без возражений. Под гимн в начале заседания и внесли в зал знамя клуба четверо заслуживших эту честь своим трудом проходчиков: А. А. Астафьев из ШУ «Сибирское», Р. В. Тухватулин с шахты «Первомайская», В. А. Плотников с шахты «Физкультурник», В. Н. Балабенко с шахты «Берёзовская». Затем председатель «Клуба проходчиков» Н. П. Мищенко попросил главных инженеров шахт отчитаться о деятельности своих проходчиков за прошедший период и доложить собравшимся о выполнении взятых обязательств.

Итак, шахта «Берёзовская» – С. В. Попов:

— Бригадой С. Ю. Баранова взято обязательство пройти в августе 160 метров, пройдено 202 метра. В настоящее время работают на шахте 4 бригады проходчиков. К плану с начала года ими недодано 700 метров. Но сейчас складываются такие обстоятельства, что проходчики к концу года смогут погасить свой долг. По сравнению с прошлым годом объём проходческих работ увеличен вдвое.

Шахтоуправление «Сибирское» – А. Р. Юрьев:

— Обязательства по проходке конвейерного штрека №7 не выполнили. Бригада А. В. Кравченко обязалась пройти 125 метров, пройдено 120. Но предприятие – единственное

в АО «Кузбассуголь», которое перевыполняет плановое задание по проведению подготовительных работ. На шахте работает 18 бригад. С начала года пройдено 8 километров горных выработок.

Шахта «Физкультурник» – Д. Ю. Матыленко:

— На шахте работает 8 бригад проходчиков. До плана недодано 700 метров. За весь прошлый год пройдено 3,6 километра горных выработок, за 9,5 месяца этого года – 4,6 километра. Будем работать так и дальше. Бригада А. А. Данилкина дала 200 метров проходки, перевыполнив обязательства на 15 метров.

Шахта «Первомайская» – С. Е. Трусов:

— С начала года минусуем по проходке на 1065 метров, но к концу года запланированные 8 километров постараемся пройти. Подготовительные работы, по сравнению с прошлым годом, увеличились вдвое. На шахте работают 7 бригад. Бригада Р. В. Тухватулина обязательство своё (320 метров) выполнила.

Шахта имени Волкова – И. И. Литвинов:

— На шахте работает одна бригада проходчиков. Из-за повышенного обводнения проходчикам в смену удаётся пройти не более метра. Для ближайшего будущего шахты необходима подготовка лавы 408 с запасом угля в 220 тысяч тонн. К концу года мы обязаны пройти 160 метров. Шахта должна существовать. За этот неполный год нами добыто 175,5 тысячи тонн угля, что на 500 тонн больше запланированного.

Денежными премиями от 2 до 8 тысяч рублей были награждены бригады, выполнившие свои обязательства. Бригада Кравченко, которой до выполнения обязательств не хватило 5 метров, вынуждена была (по условиям клуба) ставить ящик шампанского всему честному народу. Фамилии А. А. Данилкина и Р. В. Тухватулина внесены в книгу почёта «Клуба проходчиков». Для проведения шахтёрского проходческого аукциона от шахты «Берёзовская», как хозяина встречи, был

выбран председательствующий А. В. Чеховский. Разыгрывались два лота: первый – проходка буровзрывным методом и второй – проходка комбайнами. Первый лот, «уплатив» за него 170 метров, взяла бригада А. А. Данилкина с шахты «Физкультурник». Проходчики ШУ «Сибирское» прикинулись бедными и сдались без боя. С распределением второго лота получилось посложнее. Конкуренты – шахты «Берёзовская» и «Первомайская», – начав со 170 метров, подняли в азарте планку до 265 метров. И последняя цифра, которую выкрикнул С. Ю. Баранов от шахты «Берёзовская», была окончательной. Шахта «Первомайская» ограничилась обязательством в выполнении 240 метров проходки.

Перед участниками заседания выступили два танцевальных коллектива ДК Шахтёров: вокально-инструментальный ансамбль «Фабрика грёз» и ансамбль «Дудари». Танцы, культурно-развлекательная программа, состоявшая из различных конкурсов и приколов, были восприняты публикой с удовольствием. Победители всевозможных конкурсов получили награды, побеждённые – заряд бодрости и веселья на месяц вперёд.

А получилось всё так непринуждённо и хорошо потому, что к этой встрече проходчиков работники ДК Шахтёров начали готовиться за полтора месяца. Ими были придуманы и опробованы на себе и знакомых шутки, доведено до совершенства исполнение каждого номера, соответственно случаю очень тщательно и красиво оформлен банкетный зал. Поэтому-то и люди, спаянные единой целью, с большой радостью и охотой позволяли себя увлечь, не оставались равнодушными к происходящему рядом с ними. Очередная встреча членов «Клуба проходчиков» прошла, так сказать, на высшем уровне. Отдых удался на славу. Вот как только «зарвавшийся» Баранов будет выполнять завышенное им в азарте обязательство?

Октябрь 1999 года.

С ЗАПАХОМ ВАЛЮТА СТАРУШКАМ НЕ НУЖНА

В настоящее время благосостояние большинства одиноких пенсионеров в значительной степени зависит от сбора «пушнины». Что такое «пушнина» – вам, дорогие читатели, наверное, известно. Кто не знает, тому объясню конкретно – это пустые бутылки, которые оставляют на местах потребления их содержимого любители распивать спиртные напитки в малопригодных для того условиях, на улицах то есть.

Раньше пустая бутылка для нас ничего не стоила. Раньше-то мы жили при тоталитарном режиме. И средств нам хватало для поддержания прожиточного минимума без привлечения наваров с «пушнины». Собственно, тогда и понятия такого не было – «минимум». Жили, да и всё.

Теперь время другое. Прожиточный минимум человека в России – 30 тысяч рублей в месяц. Пенсия же старого человека – 21 тысяча. Многим из нас случалось при тоталитарном режиме устраивать порой семейные голодания (то есть в это время мы ограничивали себя в потреблении шоколадного масла, голландского сыра, в посещениях театров и т. д.). Но это происходило тогда, когда мы растрачивали деньги, заработанные за месяц, на приобретение холодильника, телевизора, либо ещё какой нужной в хозяйстве бытовой техники. Это было не всегда, и ограничивали-то мы себя не в потреблении жизненно необходимых витаминов и калорий. Сейчас же отсутствие одной трети средств стало нормой действительности, но не нормой для организма вообще. И вот потому-то 9 тысяч рублей кое-кому из пенсионеров ежемесячно надо восполнять доходами от сдачи бутылок. Других-то источников получения средств нет, а жить ещё очень хочется.

Что такое 9 тысяч в переводе на пустые бутылки? Это 90 бутылок в месяц. В принципе, бойкая, подвижная ещё старушка в состоянии, прогуливаясь по городу, «напромышлять» от 3 до 5 бутылок в день. Город большой, магазинов и подъездов много. Ходи, главное, не ленись, подбирай то, что другим не нужно, сдавай в приёмные пункты, получай наличность и используй её для покупки хлеба, сахара, круп, либо вяленого хека.

Можно сказать, промыслы старушек бесхозной «пушнины» снимают с общества заботу о них и радоваться бы нам надо, поддерживать у пожилых людей стремление к предпринимательской деятельности в таком вот аспекте, но и здесь мы, словно налоговики, стараемся извлечь для себя какую-нибудь, но выгоду. Бьём их тем самым по рукам. Не даём возможности выживать даже таким образом.

При многих магазинах есть пункты, принимающие стеклотару. Так вот в них (возьмём, к примеру, посёлок шахты «Берёзовская») наличность за сданную посуду выдаётся теперь не всегда, а предлагается взамен другая валюта. По словам Ольги Васильевны Совминой – это китайские конфетки «Тузик», облитые, как она считает, керосином. Иначе, откуда бы от них такой запах? Несколько штук за бутылку. Хочешь – пей чай с этим «Тузиком», не нравится – выбрасывай. Свобода полная. Но не радует бабушку эта свобода, и пить чай с «Тузиком» ей претит аллергия. Ей бы хлеба булку за сданные бутылки получить, картошки кило, либо луковицу, то есть товар, без которого организм обойтись не может. Но таких товаров в приёмных пунктах магазинов, как на грех, обыкновенно не бывает.

Конечно же, стеклотара нашей пищевой промышленности всегда нужна, товар этот очень ходовой. Поэтому напрашивается вопрос: кто же дал право торговым работникам, попирая материальные интересы энной части населения, обменивать этот товар на не пользующихся спросом «керосиновых Тузиков»?

В ГОСТЯХ У БАРЗАССКИХ ЛЕСОРУБОВ

На звание долгожителя я не претендую, но почти всю свою долгую жизнь проведя в Сибири, среди бескрайних зелёных просторов тайги, я ни разу не видел лесозаготовителей за работой. Поэтому с удовольствием ухватился за возможность побывать на одной из рабочих делянок Барзасского леспромхоза. Отправились мы туда с главным инженером, молодым, симпатичным, высоким и до ужаса замкнутым мужчиной на их бензовозе. Попутно. По графику тот доставляя на делянку горючее для работающей техники. Вот в кабину бензовоза и утрамбовал меня Сладкоедов, забравшись в неё следом за мною. Поначалу было тесновато в кабине троим мужчинам, одетым по-зимнему, но потом мы вроде как утряслись, разместились удобнее, и стало свободней.

Дорога, пробитая на делянку в глубоком снегу, была узкой, плохо накатанной, так как ею пользовались только лесорубы Барзаса, да и то лишь с начала этой зимы. А когда мы, проехав по прямой просеке от поселка в сторону реки Нижний Кельбес, повернули направо и поехали просто по тайге, то дорога эта стала петлять по ложбинам и взгоркам. Так резко меняла дорога направление, что молоденькому, суховатому водителю Алексею Синицыну только и оставалось, что крутить непрерывно баранку, да притормаживать при опасных спусках и поворотах. Я же с тревогою в сердце наблюдал за ним и думал, что если вдруг он не успеет удержаться в колее дороги, то нас выбросит в снег на обочину. И выбраться мы оттуда собственными силами не сможем, и помощи нам ждать, похоже, будет неоткуда. Интересно, на сколько километров отделились мы от Барзаса?

Дальняя дорога предоставила мне достаточно времени, чтобы разговорить чересчур серьезного Сладкоедова. Я поче-

му называю его по фамилии? Согласитесь, уж очень необычна она на вкус. Так и просится на язык, поворотиться во рту словно желает, как леденец-петушок на палочке. Я и смакую её, удивляясь случаю, наградившему такой звучной фамилией одного из руководителей предприятия лесного хозяйства. А впрочем, с чего я удивляюсь: Ёлочкин, Дубов или Берёзкин больше подходят для лесника, и не будут вызывать ехидного удивления? И что важнее: фамилия, или человек, под нею скрывающийся?

Из рассказа главного инженера я выяснил, куда мы едем. Лесничество нарезало делянку леспромхозу вблизи посёлка Дальний. В 60-х годах в этом посёлке был лагерь заключённых, которые занимались заготовкой древесины. Поэтому лес вблизи поселка в удобных местах они срубили под корень. И там теперь образовались гигантские проплешины ровных полей, либо же вырубки прежние заросли густыми ёлочками и сосёнками. По крутым ложкам, не доступным старой технике, тайгу тогда заключённые не трогали. Её-то и валят теперь работники леспромхоза. Делянка не то, чтобы велика, но работы на ней должно хватить бригаде месяца на три: 26 января начали – в конце апреля закончат.

Алексей Осипович родился в Барзасе. Учился в Красноярске. Десять лет уже работает в леспромхозе. Без тайги не представляет своей жизни. Любит в свободное время побродить по тайге, поохотиться. Барзасская тайга ещё не совсем оскудела дичью. Случалось ему забивать даже лося. Говорят, что раньше медведи устраивали берлоги в конце огородов у жителей Барзаса. Но он лично медведей здесь уже не встречал. Вот колонки в лесу есть. Зайцев, белок, лисиц – сколько угодно. А в районе Нижней Суеты волков развелось пропасть сколько, как собак. Машинами даже давят их. Был такой случай. Заходит иногда в Барзасскую тайгу и соболю. Но это очень редко происходит. Приживаться же ему здесь нет резона: отсутствует кормовая база.

Красноярская тайга богаче Барзасской. Она пообширнее. И мест, не тронутых человеком, ещё очень много в тайге осталось. Не пуган там зверь, потому и плодится обильнее. Когда Сладкоедов во время практики работал в Красноярской тайге, то обязательно раз в неделю ему приходилось нос к носу встречаться с медведями. Медведь – зверь с виду страшный, но, в сущности, безобиден. Человека без причины никогда не тронет и всегда ему дорогу уступит.

Круто выворачивая между деревьями, глубокая колея дороги спускается, наконец, на дно овражка и упирается в лагерь лесорубов: на освобождённой от леса площадке стоят два трактора–трелёвочника, бульдозер, вахтовка, цистерна с горючим и вагончик сторожа. В вагончике жарко гудит печка. Стоит длинный стол и две скамейки. Двери вагончика открыты настежь – печку раскопегарили от усердия и нагнали слишком много тепла. За столом сидят шесть человек. Те, что лишние – парламентарьёры из Березовского ЖКХ. Они приехали договариваться на месте с лесорубами о сотрудничестве. Барзасское лесничество нарезало коммунальщикам делянку рядом с леспромпхозовской, а у них своей техники нет, и лесорубы тоже отсутствуют. Так вот, может барзасовцы и их делянку повалят и соскладируют лес трелёвочниками в штабеля? – Гости готовы заплатить наличными с куба, но только зарплату. А амортизационные, за эксплуатацию техники, кто лесорубам платить будет? Так работать невыгодно, хотя деньги сами в руки идут. Не согласны. Пускай Казаченко, директор леспромпхоза, с ними договаривается.

Знакомлюсь с бригадой лесорубов. Игорь Котельников, высокий парень с густой копной выбивающихся из-под пыжиковой шапки золотистых кудрей, – водитель трелёвочника. Залив горючее в бак, он садится в трелёвочник с бригадиром, жилистым и подвижным Петром Бледных. Перед этим Пётр, пристроившись на краю скамейки, некоторое время возился

со своей персональной бензопилой: на этом участке он – основной вальщик леса. Тягач громко застрекотал и, кивая носом, как танк, на неровностях почвы, стремительно ринулся на косогор. Не договорившись напрямую с работягами, коммунальщики подались в Барзас к директору леспромхоза. То, что они деньги сулят выплатить сразу, заманчиво, так как за лес сейчас расплачиваются потребители с большими задержками и с выплатой зарплаты в леспромхозе тяжковато. Может, что-то и решат они там – на «высшем» уровне. Козаченко, по мнению лесорубов, ещё тот хохол, своего никогда не упустит и своих тружеников напрасно не обижает. Он сам-то из местных. Родился здесь и живёт, не считая службы в армии, здесь постоянно. Из рядовых лесорубов в начальники выбился. То, с чем приходится ему сталкиваться на практике, знает досконально. Умён, хитёр и хозяйственник отменный.

Геннадий Сураев, плотный крепыш, у которого наверняка уже есть пара внуков, заводит тяжёлый бульдозер и устремляется вслед за трелёвочником. Ему надо расчистить поляну powyше овражка в том месте, где надо штабелевать лес, забираемый с левого бока ложбины. По этой ложбине течёт ручеёк, но названия его никто из лесорубов не знает, и сказать определённо, куда я попал, затрудняюсь. Разве только и есть ориентир, что где-то тут рядом был расположен когда-то посёлок Дальний и, если идти строго на север, то через несколько немеряных ещё никем из лесорубов километров можно натолкнуться на железную дорогу Кемерово – Анжерка. Сладкоедов повёл меня от разом опустевшего стана сначала по ложку, показал штабеля уже обрубленных от сучьев и веток стволов – эвона сколько наворотили за месяц! А потом мы направились с ним к месту, где в этот день лесорубы валили лес.

Выбрав относительно ровную и свободную площадку, впереди нас уже всюю работал бульдозер, ломая тонкие де-

ревья и распахивая их в стороны вместе с валами снега. Николай Клеменко – хохол, глаза с прищуром, по натуре человек жизнерадостный, водитель вахтовки. Он привез мужиков на работу и теперь остался один в вагончике, топит печку, рубит дрова и готовит обед. В своё время он работал в леспромпхозе десятником, а сейчас совмещает работу водителя с работой шеф-повара. Это его не напрягает: орудовать у печки поварёшкой он и дома привычен. А накормит в обед работяг, тогда можно будет и с ними вместе сучки порубать...

Вот и закончилась утопанная тяжёлыми гусеничными траками колея, трелёвочник свернул вправо на снежную целину и поплыл по ней, заутюжил брюхом глубокий снег, не доставая гусеницами твёрдого грунта. Идти нам по его следам стало тяжело и желание узнать, долго ли ещё мы будем пробиваться к месту работы, было единственным, что занимало меня. Наконец мы увидели впереди урчащий среди деревьев, разворачивающийся тягач и самого Петра, идущего навстречу нам с бензопилой на плече. Первое дерево, которое наметил валить Пётр, находилось недалеко от нас и было обыкновенной толщины, с полметра в диаметре и высотой около двадцати метров. Откидав от ствола снег, Котельников уступил место Петру. И тот, прислонившись к дереву, завёл пилу. Она, застрекотав на высокой ноте, начала вгрызаться в ствол дерева, разбрасывая в стороны желтоватые опилки.

Чтобы дерево упало туда, куда следует, с нужной стороны необходимо вырезать клин, выбить его, а затем уже с другой стороны производить надпил. Это и делает Пётр, одновременно объясняя мне смысл своих операций. Раньше, чтобы спиленное дерево упало, его толкали в нужную сторону, упершись в ствол длинными баграми. Было опасно, и требовались лишние руки. Теперь же никаких багров не надо, оно само, лишённое корней и равновесия, кренится в сторону искусственно создан-

ного уклона и потом уже под силой тяжести падает на землю. Я внимательно вслушиваюсь в бормотание Петра и слежу за поведением дерева: наслышан – не раз, бывало, при падении дерева пришибало насмерть своих обидчиков. И на этот раз, несмотря на популярно изложенную Петром теорию клинышков, падать на землю в указанном направлении дерево не пожелало. Его подрезали, а оно стоит себе, не шелохнется. Втроем упершись в ствол руками, мы сумели сместить его центр тяжести, и оно, сотрясаясь и опорошивая нас снегом, начинает медленно крениться и падать, но не в сторону выпиленного Петром клинышка, а строго вниз, следуя закону всемирного тяготения. Я подсмеиваюсь над Петром и его теорией. Тот отмахивается: поправку на ветер не учёл, мол.

— Где ветер-то? – оглядываюсь по сторонам.

— А ты наверх посмотри.

Смотрю. Вершины деревьев, неизвестно почему, слабо качаются. Ветерок, а не ветер, но Пётр знает, наверное, что говорит, с 1965 года в леспромхозе работает.

Свалив первое дерево, лесорубы перекуривают, а я, присев на корточки, пытаюсь сосчитать кольца на срезе и определить по ним, сколько же лет спиленному только что дереву. Колечки на срезе корявые, разной толщины: где пять миллиметров, где всего два. Семьдесят штук колечек. Если в среднем взять толщину кольца в четыре миллиметра и умножить на семьдесят и ещё на два, то получится, что толщиной у комля дерево было 560 миллиметров.

— А на какой высоте от земли вы спиливаете деревья?

— 30 сантиметров стандарт. Нам не выгодно высокие пни оставлять.

Измеряю пень. Действительно, его высота не более 30 сантиметров. Второе и третье деревья падают на землю уже согласно теории Петра. Он учёл поправку на ветер. Главный

инженер уходит от нас, пообещав, что в обед обязательно прийдёт за мной бензовоз. Я продолжаю бродить с лесорубами от дерева к дереву, чертя по снегу глубокие борозды. Снег глубокий, приходится проваливаться едва не по пояс. Но я уже не чувствую усталости, меня захватил процесс добычи древесины. Я помогаю им отбрасывать и оттапывать снег вокруг обречённых Петровой рукою на смерть стволов деревьев и упрашиваю Петра дать мне попробовать самому свалить пихту или ёлку, почувствовать себя настоящим лесорубом.

— Подожди, дам – обещает Бледных и продолжает работать. Лесорубы обуты в валенки с калошами. Поверх валенок у всех натянуты штанины, снег к ногам не проникает. На моих же ногах матерчатые утеплённые ботинки, и я с завистью начал коситься на обувку мужиков, чувствуя, что ноги мои стали подмерзать. Пётр – мужчина крепкий, сноровистый, в его руках пила кажется игрушечной. Он пилит ею деревья, словно ножиком масло. Вжик! И валится лесной гигант на землю. Тому дереву понадобилось семьдесят лет, чтобы нарастить на себя кубометр деловой древесины, а он пилой за минуту его жизни лишает. Если разобраться, при наших технических средствах, да если все лесорубы такие, как Пётр Бледных будут, то для того, чтобы вырубить в России весь лес вместе с подростом, понадобится времени совсем мало. А мы ещё и продаём лес, на корню даже продаём иностранным державам. С чем сами останемся через полвека? Уже сейчас вокруг Барзаса нет деловой древесины. Одна молодь растёт, да кое-где оберегаемые законом кедры. В основном же людской глаз радует при подъезде к Барзасу зелень гибких осин и стройных берёз. А ведь совсем недавно, в середине семидесятых, Барзас считался центром богатейшей Барзасской тайги. Звучит красиво, а что толку? Осталось одно звучание. Потому и ушёл из Барзасской тайги медведь, и вслед за ним собираются эмигрировать в Красноярское

раздолье последние лоси и зайцы. Печально сознавать такое, но это неопровержимо – сам факт того, что основной участок леспромхоза, где две бригады лесорубов работают, находится не в Барзасе, а в Благовещенке, что за девяносто километров отсюда, как раз это и доказывает.

Очень скоро Пётр Бледных и Игорь Котельников навалили столько деревьев, что они стали мешать нашим манёврам. Деревья надо было срочно вывозить с участка. Игорь направился к своему трелёвочнику и занялся вывозкой деревьев на уже подготовленную бульдозером площадку, а мы с Петром пошли вверх, к группе других деревьев. Одно из них, метров 25 высотой, спиленное, тоже не захотело, невзирая на внесённые Петром поправки на ветер, падать на землю. Наших же сил не хватило сдвинуть его и повалить.

— Ладно, сейчас я его другим деревом уроню. А ты на свободное место выберись, бойся: зашибить может, – говоря это, Пётр выбирает хилое деревце, явно ещё не «поспевшее», и быстро спиливает его. Падает оно прямо на заупрямившееся дерево. И, обняв друг друга ветвями, они некоторое время стоят не шелохнувшись. Я успеваю сказать Петру, что напрасно он сгубил молодняк: куда ему, «ребёночку», своротить такую громадину. Надо было вон то, большое, с другой стороны положить на это дерево. Оно б тогда его уронило своим весом.

— А как бы потом ты вытаскивал их? – спрашивает Пётр, показывая на обрывистый склон. А в это время перед нами оба дерева, словно в испуге отпрянув назад, вдруг задрожали, зашевелились и, медленно кренясь, мягко упали в снег.

— Класс! – восхищаюсь я. – Ну-ка дай, я теперь попробую.

Подобревший Пётр молча протянул мне пилу. Но для того, чтобы пилить, её ведь надо завести, а она у меня ни с первого, ни со второго рывка заводиться не захотела: срывался пускач, и вообще всё у меня выходило совсем не так как у

Петра. А вроде бы, со стороны если смотреть: ну чего здесь особенного? Я опёрся плечом об оттопанное вокруг ствола дерево и, раздражаясь от неумения сладить с этой чёртовой механикой, с силой дёрнул ремешок пуссача. Пила недовольно фыркнула и её острые зубья, очутившись в непосредственной близости с моими ногами, кровожадно блеснув на солнце, крутанулись на приводной цепи и выжидательно застыли.

— К ногам-то чего клонишь, отрежет – предостережёт меня Пётр, отобрал пилу, одним рывком завел её и передал мне.

— Пили. На газ жми всё время.

Пила завибрировала в моих руках, выпиленный клинышек не выбивался, и мне пришлось его ещё раз выпиливать. Так что клин получился у меня чуть больше, чем у Петра. Зато когда я сделал пропил с другой стороны, дерево как миленькое свалилось именно туда, куда я и планировал его уместить. Воодушевленный победой, я тут же перешагнул к подготовленному ранее дереву, растущему рядышком, и тоже одним махом спилил его.

Тяжесть работающего инструмента приятно услаждала мускулы, вид поверженных мною деревьев вселил гордость, но попользоваться больше пилой мне не удалось. Пётр забрал её у меня, свалил ещё пару деревьев, а потом предложил сходить посмотреть, что делает Игорь Котельников. С того места, где мы валили первые деревья, доносился к нам прерывистый звон металла, будто кто стучал кувалдой по стоящему на земле большому церковному колоколу. Минут за десять добрались до Игоря. У него что-то случилось с техникой: зацепил на тросы лебёдки с десятков деревьев, но не смог поднять их на щит трелёвочника. Не сработала гидравлика, поэтому он и размахивал кувалдой, пытаясь ударами по щиту заставить его двигаться. Мы ещё некоторое время бестолково побегали вокруг трелёвочника.

Выяснить причину неполадки в гидравлике нам не удалось, а так как было уже около двенадцати дня, то решили идти на обед. Лес, прицепленный к трелёвочнику, Игорь потащил волоком на поляну. Мы же вернулись с Петром к вагончику. Тёплое нутро вагончика наполнил сытный запах сварившейся похлёбки.

Рассаживаемся по лавкам. Шеф-повар устанавливает посередине стола большую жестяную банку из-под селёдки и выкладывает туда приготовленное в большой кастрюле. Хлеб и сало мужики режут сами. Хлебаем то ли суп, то ли кашу. Вкусно!

— Вас провизией Казаченко снабжает? – спрашиваю у обедающих.

— Какое там, своё приносим. Нам это не в наклад. Дело обычное. И посуда наша тоже.

— Вместительная, – улыбаюсь.

После чая курим. Поговорив немного о заработках и жизни вообще, мужчины выходят из вагончика и направляются к закапризничавшему на поляне трелёвочнику. Надо срочно выяснять, что с ним случилось. Первый, что стоит, тоже неисправен, и его, похоже, придётся отвозить в мехмастерские. Без техники же какая может быть у лесорубов работа? Раньше лошадьми растаскивали деревья, а сейчас чем их волочить будешь? Уже поваленные сегодня деревья тоже необходимо срочно перевезти на поляну и обрубить сучья, иначе деревья эти засыплет первым снежком, и делянка в том месте станет непригодной для дальнейшей работы.

Бульдозерист Сураев цепляет трос к щиту трелёвочника и бульдозером стягивает его на землю. Лебёдками трелёвочника после этого щит поднимают кверху. И так повторяют несколько раз. По ходу дела разболтили и маслопроводы – думали, что где-то грязь в трубках или ветошь затрамбовала сечение, так может быть движением поршней эту пробку удастся вытол-

кнуть. Не удалось. Слили всё масло из гидросистемы во флягу. В баке и обнаружили на дне большую наледь. Такого раньше не случалось. Недоумевают: вроде бы мороза особого ночью не было, и вчера гидросистема отлично работала. Для устранения ледяной пробки в бак нужно залить ведро кипятка, а затем промыть его соляркой. И вся недолга. Лесорубы повеселели.

В это время приехал за мной лесовоз. Надо уезжать, а уезжать мне совсем и не хочется. Я как-то сразу принял в себя все их дела и заботы, будто бы только этим и занимался с рождения и, как мазохист, находил даже наслаждение в этом изнуряющем душу и тело продвижении по глубокому снегу от одной жертвы лесоруба к другой. И лесорубы, похоже, восприняли меня как своего. Пётр Бледных мне говорит, что через недельку бы он сделал из меня классного вальщика леса. Смеётся, конечно. А что? Считать кольца на пнях я уже научился. И остальное придёт со временем. Вот только про недельку он завирает: познать все премудрости лесоповала и всей жизни не хватит. Прощаемся, и я уезжаю.

Водитель бензовоза оказался словоохотливым. Вьюноша. Ему ещё нет и двадцати лет. Летом и зимой он часто бывает в Благовещенке. Там на их участке работают жители деревни. Места у них хорошие. В верховьях Барзас ведь чистый, и рыба в нём всякая не перевелась ещё. Серьёзные рыбаки из посёлка Барзас только туда и ездят рыбачить...

Дорогой раздумываю: заезжать мне в управление или нет? Хотя чего ещё я там могу почерпнуть? Валерий Николаевич Казаченко ещё до моего отъезда на делянку успел мне изложить, обрисовать общее положение дел леспромхоза. Без цифр, правда, а зачем они, цифры, если и так видно, что леспромхоз работает не лучше других предприятий страны. Продукцию у него покупают слабо, потому денег в кассе постоянная нехватка. Но при всём этом директор умудряется

рабочим своим зарплату особенно не задерживать и делает всё необходимое, чтобы предприятие не останавливалось.

Подвожу итог своей «вылазки» на лоно природы и нахожу её очень удачной. Как ещё мог бы я при других обстоятельствах распознать этих людей и познакомиться с ними? Хорошие парни. Именно ими и такими руководителями, как Казаченко, и держится сейчас Россия. Разве не так?

Март 1995 года.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БАРЗАСА

Слово «Барзас» в переводе с тюркского означает «медвежий угол». И действительно, примерно до конца 30-х годов посёлок был постоянным обиталищем медведей. По признанию бывшей жительницы Барзаса Марины Егоровны Ликаонской, в усадьбе её деда Григория Николаевича Циркина, который обосновался в Барзасе в конце 30-х годов, жил настоящий медведь. На задах огорода имелась принадлежащая ему превосходная берлога. На следующее лето вокруг надела Циркина начали врубаться в тайгу другие новосёлы. Беспокойнее стало в округе, поэтому вынужден был косолапый бросить свою «квартиру» на произвол судьбы и бежать вглубь тайги, подальше от шумных соседей.

Когда возник Барзас, сейчас определить трудно. С прокладкой транссибирской магистрали, соединившей в начале 20 века центральную часть России с Сибирью и Дальним Востоком, началось заселение и интенсивное освоение Кузнецкого края. Упоминание о близрасположенных к Барзасу населённых пунктах, как-то: Сосновке, Бирюлинке, Кучуме, Климовке, Арсентьевке и других – датируется даже 1880 го-

дом. Но место, где сейчас находится Барзас, тогда было недоступно, оно представляло собой сплошные болота, непроходимые буреломы и озёра.

По версии старожилов, Барзас основан и заселён в 1929 году геологоразведочной партией Г. А. Орестова, открывшей здесь ценное сырьё – сапропелит. Для разработки месторождения и понадобилось привлечение рабочей силы. И уже в 1930 году 20 домиков образовали в посёлке первую (Шахтовую) улицу. В топонимическом справочнике А. А. Мытарева (1970 год издания) утверждается, что Барзас – «это посёлок городского типа, расположенный в 47 километрах от города Кемерово, основан в 18 веке и до 1924 года являлся центром Барзасской волости».

Подтверждение тому, что Барзасская волость существовала, мы находим в списках населённых мест, изданных в 1923 году губернским статистическим бюро Томской губернии. Эти списки составлены по данным переписи населения России в 1910, в 1917 и 1920 годах. В списках значится, что в Барзасской волости Щегловского уезда существует 17 селений. Селения эти, конечно, маленькие, потому что на все 17 приходится 488 дворов и 2548 жителей. Поселенцы осваивали приглянувшиеся заимки, создавали хутора, из которых затем разрастались селения. В этих списках только упоминается Верхний Барзас, но тот ли это Барзас, ответить трудно, так как областной архив не имеет документов, подтверждающих достоверность существования Барзаса ранее 1929 года. Так что будем исходить из того, что Барзас как селение возник в 1929 году.

После закладки первой улицы, к весне 1930 года, Барзас обрёл место на карте Щегловского уезда. Но с другими населёнными пунктами он сообщения не имел (кроме, разумеется, водного по реке Барзас: вниз к Яе и вверх – в Нижнюю Суету). В короткие сроки необходимо было построить шах-

ту и начать добывать сапропелит, который тогда требовался стране. Без дорог этого сделать было нельзя.

Поэтому из Новосибирска приезжает бригада вольнонаёмных рабочих рубить просеку для дороги. Зимой прокладывается санный путь от Барзаса к Латышам через Романовку и Красный городок. Летом – строится грунтовая дорога до Щегловска. В 1931 году завозится оборудование для проходки ствола новой шахты, и уже к декабрю 1932 года было пройдено 70 метров его глубины.

В марте 1933 года горняки заканчивают проходку ствола и приступают к выработке северного и южного штреков. При этом уже добывают уголь и транспортируют его в Кемерово. В шахте под землёй на глубине 100-120 метров добытчики, после пуска её в эксплуатацию, работают на 4 склонах и выходят на проектную мощность в 200 тысяч тонн угля в год.

В 1933 же году в Барзасе образуется предприятие лесной промышленности. Раньше если и рубили тайгу, то рубили её самовольно, для домашних нужд, а также нужд местного производства – на рудстойки для шахты, на мощение гатей для прокладки дорог через болота и так далее. Теперь же продукция Барзасской тайги получила возможность распространяться по Кузбассу и другим регионам страны.

В 1935 году для вывоза угля с шахты построена железная дорога, соединившая Барзас и Кемерово. В 1936 году создаётся Барзасский район. Барзас становится райцентром. И не только административным – посёлок растёт, в нём действуют две школы, библиотека и клуб. Среди окрестных деревень он становится культурным центром, даже выпускает газету в собственной типографии. Под его началом (на территории района) создано 50 мелких и крупных колхозов. В самом же Барзасе колхозов не было. Пахали, сажали, сеяли жители посёлка только для себя.

Если взять сводку за 1936 год, то мы можем узнать, что в этом году по Барзасскому району в колхозах содержалось 6237 голов крупного рогатого скота, лошадей – 3284, овец – 3352, свиней – 5890. Лесом в Барзасском районе тогда было занято 174 тысячи гектаров, полями сельских хозяйств – 5,18 тысяч гектаров, то есть лесные площади в 33 раза превалировали над землёй, разрабатываемой человеческими руками. Поэтому можно представить, какая была здесь раньше глухомань.

Человек прекрасно уживался с природой. Созданные им дороги, деревни, расчищенные луга и клочки пашен как бы дополняли, причёсывали, культурно облагораживали её девственность. «Могущество и богатства России должны прирастать Сибири» – это истина, и, следуя ей, новое правительство продолжает развитие и заселение Сибири. О том, как быстро проводился процесс заселения нашего края в первые годы советской власти, говорит то, что с 1920 по 1936 годы в Барзасском районе число деревушек с 17 возросло до 119.

Народ в основном там занимался сельским хозяйством. Крестьяне сеяли овёс, пшеницу, гречиху, лён, сажали картофель. Но, наряду с сельским хозяйством, в Барзасском районе развивается и промышленность. В 1936 году в нём было уже 12 леспромхозов, которые добывали пихтовое масло, гнали дёготь, валили и обрабатывали лес, производили мебель, бондарные изделия. В некоторых местах по рекам золотопромышленники мыли золото.

Как жили люди в то время? Об этом мы узнаём, соприкоснувшись с архивом. В 1936 году проводимая в стране коллективизация охватила в районе 83,1 процента крестьянских хозяйств. Даже по названиям колхозов района можно судить о том, что тогда занимало умы многих: имени Будённого, Горького, Калинина, Сталина, а также Красный городок, Красный труд, Красный маяк, Советская юстиция, Парижская комму-

на, Новый путь и Новая деревня, Победитель и Победа Советов, колхоз № 518.

Уже тогда колхозники не отказывались от помощи горожан, так как каждый год из-за нехватки рук рабочих шли под снег сотни гектаров неубранного хлеба. Работали по-разному. Лошадь была главной тягловой силой. Но вот в одном колхозе она могла вспахать за сезон 35 гектаров. А в другом только 17. Чтобы не было такого разнобоя в использовании лошадиной силы, чтобы колхозники могли справиться со спускаемыми им правительством планами, в Барзасском районе уже в 1936 году возникла необходимость создания МТС. Нехватка семян, культиваторов, плугов, борон ежегодно будоражила деревню. И всё же люди жили, строились, сеяли, собирали урожаи, сами распоряжались своей судьбой. Могли, к примеру, если надо так всем, закрыть мечеть в посёлке Придорожном, а здание отдать под школу.

В 1936 году по Западно-Сибирскому краю был утверждён план заготовки колокольной бронзы в размере 126 тонн. Церковь в деревне Барановка Барзасского района имела два колокола весом в 12 пудов. Колхоз имени Молотова – один двухпудовый колокол. И с этими колоколами они расстались без сожаления. Но ни Арсентьевка, ни Златогорка, ни многие другие деревни колокольной бронзы стране не предоставили, потому как по отпискам «предметов религиозного культа» у себя не имели. И в целом план по заготовке колокольной бронзы Спасский (председатель Барзасского РИКа тех лет) не выполнил.

В те годы убой личного скота сельчан находился под несущим контролем государства. На своём подворье никто не имел права зарезать свинью, должен был через всё село волоочь её в заранее отведённое место, заплатить за пользование убойной площадкой сельсовету 1,5 рубля, кожу с сала

ободрать и вместе с кишками сдать в «Кожсырьё». За убой коровы на такой площадке платили соответственно 3 рубля, овцы или кролика – 1 рубль.

Тогда было очень развито пчеловодство. Оно было выгодно тем, что при минимуме вложений и хлопот давало хорошие результаты. Доходы от четырёх рамочных ульев покрывали с лихвой доход от работы одной лошади. Конечно же, самой лошади пчёлы заменить не могли, но по-серьёзному занимающиеся пчеловодством хозяева всегда имели дополнительные деньги на ведение своего хозяйства.

Декабрь 1993 года.

СОВРЕМЕННЫЙ БАРЗАС

Барзасский леспромхоз образовался в 1934 году для вырубки тайги вблизи посёлка. В первые годы лес заготавливали и сплавляли по реке Барзас до Яйского лесокомбината. Потом в районе Нижнего склада построили свой деревоперерабатывающий комплекс и занялись распиловкой леса на месте.

Очень скоро леспромхоз стал главным предприятием посёлка. Большинство его жителей трудились и трудятся именно здесь. И нынешний директор леспромхоза, Валерий Николаевич Казаченко, – коренной житель Барзаса, смолоду начал работать в леспромхозе. Прошёл все ступени служебной лестницы. Теперь вот уже 8 лет как возглавляет предприятие. Его братья и отец работали там же. Так что можно сказать уверенно, что в Барзасе существует и «лесная» династия – Казаченко.

До 1985 года в леспромхозе действовало четыре лесозаготовительных участка: в Бердовке, Успенке, Благовещенке и Барзасе. Потом из-за оскудения лесосырьевой базы был

передан Кемеровскому мехлесхозу Успенский лесозаготовительный участок, а Бердовский полностью ликвидирован. Жителей деревни переселили в Барзас. Сейчас в леспромхозе заготавливают лес только на Барзасском и Благовещенском участках. Хвойные породы деревьев повыврублены. Работники леспромхоза занимаются заготовкой осины и берёзы.

Древесина этих пород деревьев второсортная. Но и её до недавнего времени с удовольствием покупали как в Кузбассе, так и в южных республиках бывшего СССР. Сейчас не покупают: железнодорожный тариф на перевозки превышает цену леса в три раза. Поэтому спрос на лес упал очень резко. Тарный цех закрыли, а рабочих отправили в отпуск на два месяца, потому что тарная дощечка теперь, похоже, никому не нужна. Когда-то перерабатывали отходы древесины и отправляли на Кемеровскую лесоперевалочную базу – теперь и этого здесь не делают. Не гонят уже и пихтовое масло. Как будто люди перестали болеть ревматизмом, исчезла потребность в освежающих пихтовых дезодорантах или магазины совсем стали обходиться без деревянных ящиков, строителям не нужны стали деревостружечные плиты...

— Чем вы можете объяснить возникшее у вас положение? – спрашиваю Валерия Николаевича.

— Нет ни у кого денег. Нашу продукцию не на что стало покупать. К нам в лесхоз обращаются представители организаций со всех уголков страны. Цена леса их устраивает. Но как узнают про железнодорожный тариф – отказываются: невыгодно. А лес им нужен. Вместо денег предлагают овощи, фрукты, разные материалы, то есть бартерный обмен. Но ведь у коллектива леспромхоза потребности маленькие. Зачем нам, допустим, из Казахстана вагон лука, когда нам надо на всех только одну тонну. Куда девать остальную? Людям можно частично выдавать зарплату необходимыми товарами, но

деньги-то им тоже нужны. И для деятельности предприятия они требуются.

Сейчас стараемся устанавливать прямые связи, ищем покупателя поближе. Продукции скопилось на складе много. Потому стали серьёзно подумывать о бартерном обмене. Для реализации излишков товаров откроем у себя в управлении на первом этаже магазин. Будем продавать их населению Барзаса. Появятся деньги.

— Конкуренции не боитесь?

— Какая конкуренция, мы же не на водку свой лес менять будем. Основная работа у нас бывает зимой. Мы на делянках заготавливаем лес и возим на дальние склады. А оттуда уже транспортируем сюда. Летом перерабатываем. Этой зимой мы сделали запасы на складе около девяти тысяч кубометров. Из-за постоянной нехватки денег работать нам было очень трудно. Пытались даже взять в банке кредит. Но подсчитали, что из этого получится, – и ужаснулись – 240 процентов! Для их погашения лесхозу придётся каждый день выплачивать по 12 миллионов рублей. Откуда у нас такие деньги? Отказались.

Но одним тяжело, не выжить. Сейчас Новокузнецкий, Тяжинский, Мариинский, Урюпинский лесхозы и мы объединились, работаем вместе. К нам присоединились также Кемеровская и Усть-Мрасская лесоперевалочные базы. Помогаем друг другу. Как бы в общий котёл работаем. Яйский и Рубинский комбинаты не вошли в наше объединение и сейчас бастуют. Мы же, я думаю, теперь сумеем подготовиться к зимней работе основательно: «Рослеспром» выделил для нашего леспромхоза 100-миллионный кредит под льготные проценты. Хотя пока мы эти деньги ещё не видели, но почувствовали поддержку со стороны правительства. Мы нужны стране, о нас думают. И вполне возможно, что очень скоро решится вопрос о железнодорожных тарифах, объявятся денежные по-

требители нашей продукции, и мы сможем работать как надо. А вместе с этим наладится и жизнь.

Лесхоз в Барзасе образовался перед Великой Отечественной войной. В штате его находилось всего два объездчика. Они занимались охраной леса, нарезкой делян для порубщиков. Совместно с лесником распоряжались всем лесом района. О восстановлении тайги, лесопосадках на местах бывших лесоповалов речи тогда не велось.

Богатой была наша тайга. Думалось, что её щедротам конца-краю не будет и что порубленное сейчас через полста или сто лет вырастет, восстановится. Но из-за интенсивных порубок, пожаров и хамского отношения тайга начала скудеть: зверь исчез, рыба в реках пропала, вместо сосен и ёлок на косогорах берёзки и осины листвою шепчутся. Восстановить свой генофонд без помощи человека лес уже не может. Этим-то и стал заниматься лесхоз. В питомнике размножаются ценные породы деревьев, а потом рассаживают их по вырубленным и сожжённым местам.

В Барзасе предприятий раз-два – и обчёлся. И все они, за редким исключением, связаны с лесом. Кто пилит его, кто сажит. Жизнь жителей посёлка во многом зависит от положения дел на этих предприятиях, от работающих на них людей. Нынешний руководитель лесхоза, Наталья Викторовна Зыкова, а в прошлом – лесничий этого предприятия, рассказывает:

— Это стариков наших мучает ностальгия – воспоминания о том, что здесь когда-то было. А население помоложе озабочено днём сегодняшним – чтобы улицы осветили, школу построили, дороги заасфальтировали, чтобы можно было спокойно, даже ночью, выйти на улицу, чтобы скот не ловили в тайге и не резали.

А если говорить о жизни предприятия – какая сейчас жизнь? Никому нет дела до Барзаса, и мы никому не нуж-

ны. Раньше государство нас твёрдо финансировало, и мы получали дополнительный доход от рубки леса. Теперь же, на основании недавно вышедших «Основ лесного законодательства», наложен запрет на такого рода деятельность. Мы теперь являемся субъектами Федерации – бюджетная организация, то есть должны полностью финансироваться из бюджета. А как нас финансируют? Ежегодно по плану нам необходимо посадить деревья на площади 250 гектаров и следить за уже высаженным молодняком на площади в 500 гектаров. На посадки мы потратили в этом году свыше 20 миллионов рублей. Нам же из бюджета перечислили только 13, из них 9 миллионов рублей отдали на налоги. Как можно при таком финансировании нормально трудиться и процветать? Думаете, приятно объяснять каждому работнику персонально, почему я одному выдаю зарплату, а другому придерживаю? Нет, не пишите ничего о нас. Не надо приукрашивать действительность: Барзас разваливается, а властям, как я поняла, до этого нет дела ... – раздражённая поднятой мною при разговоре темой, Зыкова едет решать свои производственные проблемы в Кемерово.

1995 год.

МУЖСКАЯ РАБОТА

Идея написать о работе шахтёров возникла у меня после того, как Пётр Николаевич Васютинский, директор шахты «Берёзовская», сетуя на сложность нынешней жизни вообще, в конце разговора произнёс: «А вот участок №6 у нас теперь отлично трудится! Вся добыча шахты сейчас – дело рук этого коллектива».

А почему бы, думаю, не спуститься в шахту и не посмотреть, как это сейчас люди умудряются, при наличии столь ощутительных в обществе сложностей, отлично трудиться вниз. Может быть, им гномы подземные помогают в борьбе с возникающими трудностями? Директор – мужик серьёзный. Моё желание поддержал, потому что тайн никаких под землёй он не прятал и, ко всему прочему, отлично понимал, что показав людям действующую шахту изнутри через моё восприятие, он, тем самым, позволит увидеть им, насколько трудна и опасна работа шахтёра. А чтобы ничего со мной не случилось во время экскурсии под землю, дал мне в попутчики Олега Брызгалова, механика этого участка – молодого, высокого, крепкого и доброго на вид мужчину. Переоделись мы, и вот уже на разукomплектованной, грязной и холодной вахтовке едем к самому дальнему бремсбергу за Мариинский тракт. Оттуда – ближайший путь к разрабатываемым участком №6 двум параллельным лавам 16-16 и 16-18.

Бремсберг этот круто уходит под землю, так что спускаться по нему неудобно и даже опасно. Поперечины прикреплённого к полу деревянного трапа забиты намочшей угольной пылью, поэтому нога часто скользит по доскам трапа, не задерживаясь на этих поперечинах. Я раз пять упал, прежде чем приноровился к условиям такого спуска. Механик и геолог горного давления, спускавшиеся вместе с нами, оторвались от меня далеко, – резво скачут вниз по трапу, сверкают лампочками где-то впереди и покрикивают: «Торопись!»

Им, видите ли, надо быстрее достигнуть места работы. Их рвение мне понятно, но куда мне ещё увеличивать скорость, если и так я весь побитый уже и грязный по уши. Желаете, чтобы я ещё и шею свернул на вашем трапе? – ворчу про себя, недовольный тем, что не могу идти быстро, как они, и сбиваюсь вдобавок ещё более от их понуканий.

Бремсберг длинный, отверстия его входа, устремлённого к небу, давно уже не видно. Мы идём с полчаса вниз, а конца ещё не достигли. Видя, что я отстал от них на много и имеется возможность потерять меня и получить от директора нахлобучку (а может у них поубавилось прыти), но они свой бег умерили. Я догнал их, и теперь мы спускаемся под землю рядышком друг с другом и ведём задушевные разговоры.

— Вот если бы ты был ГРОЗОМ и так передвигался по шахте – давно бы таких матюков наслушался! Уши порозовели бы, – говорит один.

— Подумаешь. Будто и вы, впервые спустившись под землю так же как я, на каждом шагу не спотыкались, – огрызаюсь я.

— И не только матюков, – добавляет другой, игнорируя моё предположение.

— Под ноги глядеть надо и резвее двигаться. На нашу работу, небось, а не к теще на блины идёшь.

— А шахтёры всегда по этому бремсбергу к своим лавам спускаются?

— Бывает.

— Значит, не всегда. Вы меня по штреку низкому ещё проволочите, в три погибели чтобы, согнувшись, и на почве чтобы такая водичка журчала,* – в сердцах пинаю я ласково подкатившую мне под ноги волну сопровождающего нас потока. Испытывают, им интересно, видите ли, понаблюдать чужака в их собственной шкуре.

— Нет, такого штрека в нашей программе сегодня не встретится. В следующий раз если – пожалуйста.

— Хватит с меня и этого раза. Скоро придём?

— Немножко осталось.

Минут через пятнадцать бремсберг закончился. Началась горизонтальная выработка, кровля которой, забранная железной сеткой, до того низка, что иной раз каской задеваешь о

какой-нибудь выступ в её потолке. Под ногами тут тоже вода. Местами чуть ли не по колено. Вообще её с водоотлива двумя насосами откачивается до четырехсот кубических метров в час. За сутки получается, что из шахты выкачивается на поверхность целое озеро воды размером этак пятьдесят метров на сто и глубиною в два метра. Приличный водоёмчик. Идём по вентиляционному штреку, рассекающему поперёк угольный пласт. Долго идём. Я человек по природе любопытный, верчу головой во все стороны и спрашиваю. Олег обстоятельно разъясняет, прерывая рассказ свой о том, какой крепкий коллектив образовался на участке №6. Было раньше на участке 120-130 человек, а сейчас с одновременной отработкой параллельных лав, набрали 194 человека. Здесь хорошо получают, работа спорится, поэтому попасть на участок – проблема.

Да, собственно, коллектив издавна славился своим трудом. На этом участке работали такие знаменитые люди, отмеченные за свой доблестный труд высокими правительственными наградами, как И. Г. Тонковид, М. А. Горохов, А. Д. Ардышев, Н. И. Проценко, А. А. Сапожников (последний, кстати, и сейчас работает на участке и считается одним из лучших комбайнёров шахты) и многие другие. Нынешний коллектив тоже по-доброму заражён работой. Все люди трудятся хорошо. Какое из звеньев лучше других, сказать трудно. Звенья В. А. Закраснянного, С. Д. Тугорева, А. А. Будникова, И. В. Костенко, А. И. Клементьева и В. И. Чарухина всегда справляются с плановыми заданиями. Нарушения трудовой дисциплины у них случаются очень редко, потому что спрос с каждого огромный. И потому каждый чувствует себя хозяином на рабочем месте. А какой же хозяин будет что-либо себе во вред делать?

Наконец подходим к стоящему на рельсах энергопоезду. У расположенных на платформах пускателях, похожих на железные цилиндры, содержащих в себе блоки электрического

управления всем добычным комплексом, ведёт ремонт человек. Знакомимся. Виктор Каранов.

Серьёзный. Показался мне медлительным. На самом же деле, со слов механика, он очень квалифицированный, надёжный и хорошо знающий своё дело специалист. Больше 20 лет работает на шахте. Электромеханическая часть комплекса для него – всё равно, что для меня таблица умножения. Никогда он не усидит на месте, всегда находит работу себе и своему подручному, 26-летнему электрослесарю Дмитрию Кошкарёву.

А вот и добычной комбайн. Загнали его на самый верх отрабатываемой лавы 16-16 и остановили для осмотра и ремонта. В первую же смену ведётся ремонт оборудования всей лавы. Комбайнёр Михаил Бабушкин спрашивает у механика, подвезут ли сегодня в лаву машинное масло, надо залить в комбайн.

— В эту смену вряд ли. Таскай снизу.

Тот уходит вниз по забою. Потом мы видим его внизу с двумя огнетушителями, полными масла. По конвейерному штреку от бочки с маслом до лавы метров триста, да длина самой лавы – не менее двухсот – вот и получается полкилометра, которые Бабушкину надо одолеть несколько раз, чтобы умерить аппетит своей машины. Крутизна лавы такая же, а может, и похлеще, чем у бремсберга. Представляю, каково ему сновать снизу вверх с огнетушителями в руках. А ему хоть бы что – ещё порой и улыбнётся. Привычный потому как. Брызгалов говорит, что Бабушкин на шахтах вообще проработал уже 22 года, а на этом участке – год. Зарекомендовал себя – специалист.

Комбайн, что в лаве 16-16 стоит, за одну ходку снимает с пласта 63-сантиметровый слой угля на высоту 2,2 метра, проезжают стружку, как говорят шахтёры. За ходку нарезают угля более двух тысяч тонн. За сутки обычно делается 10-12 ходок. Потому и загружается углём участка №6 до 1000 и более ваго-

неток подземного транспорта в сутки. Ведь одна полная вагонетка – это 2,8 тонны угля. Показали мне комбайн в действии: умопомрачительно грохочет, трясётся, невозможно дышать от пыли. Чертыхаюсь. Шахтёры смеются и показывают мне для затыкания ушей пробки-беруши и защиту от пыли – намордники, повязки, как у хирургов. Они эти приспособления используют, когда проходят стружку. Ага, а мне не дали. Прочувствовал чтоб, каково им уголь добывать механическим способом. Мне двух минут хватило, чтобы оценить это «каково».

Комбайн стоит под козырьком выдвижной секции. Выдвижные секции устанавливаются в ряд по всей длине лавы и козырьками своими из сверхпрочного железа, как щитом, защищают шахтёров от давления горных пород, находящихся в лаве. Спускаемся вниз по лаве, протискиваясь между резиновыми шлангами высокого давления, по которым подаётся масло в поршни секций, их крепей, кабелями и комбайном. Ниже комбайна пространство свободнее, но ходить и тут надо осторожно, потому что перед комбайном во всю длину лавы уложены рештаки скребкового конвейера, в которые и падает добываемый уголь и затем подается по ним вниз на погрузку в вагонетки. Метров за 30 ниже комбайна на этих рештаках сидит человек и с усилием закручивает гайку, стягивая разошедшиеся из-за сорванной резьбы болта рештака. Это звеньевой – Г. Кобзев. Ему 42 года. На шахте работает 12 лет. Вообще-то он был шофером. Но вот перестал на перекрёстках отличать зелёный цвет от жёлтого, и вынужден был пойти в шахту. Здесь в цветовом восприятии человека не нужны: порода чёрная, уголь – ещё черней, измазанные лица парней тоже всегда чёрные. Ошибиться в цветах невозможно, потому что не из чего выбирать. Новая же работа его устраивает по всем показателям. А должность звеньевого – разве не свидетельство того, что работать как надо он может?

Спускаемся дальше. Между двух секций, выдолбив себе у их основания полуметровой глубины нишу, тоже орудует гачным ключом шахтёр. Это – опытный гидравлист участка С. Леоненко; у него 24 года подземного стажа. Сейчас ремонтирует секции. Работы на сегодня много. При наряде он знакомился с замечаниями по работе гидравлики крепей и перед запуском комбайна в работу должен устранить их.

— В маленькой ямке неудобно ж работать – замечаю ему.

— Долбить больше – времени нет. Тороплюсь. Надо успеть до запуска комбайна всё исправить.

Снизу по скребковому конвейеру, как по лестнице, к нам стремительно кто-то поднимается. Оказывается, это Александр Журавлёв – бригадир, сменивший мирового рекордсмена добычи, знаменитого Ивана Григорьевича Тонковиды. Знакомимся. Я с любопытством разглядываю крупные и простые черты его лица, широкие запястья мощных рук. Глаза у бригадира проницательные, добрые и вообще он сам, как собеседник, располагает к откровенности. Из своих 37 лет 16 трудится под землёй. После армии сюда сразу спустился, так и работает. Завели разговор.

— На шахте – большого рубля ради работаешь?

— Не только. Нравится.

— Но ведь очень тяжело физически. Если бы представилась возможность торговать на базаре помидорами или персиками, сменил бы пропитанную угольной пылью бесплатную робу на кокетливый белый передничек?

Смеётся.

— Но ведь там же легче, и заработал бы побольше?

— Не мужское это занятие.

— А на какое другое мужское занятие, пометать если, хотел бы сменить работу шахтёра?

— Нет, похоже, такой работы, к этой привык, прирос

накрепко. Да и года уже не позволяют экспериментировать, круто ломать, переиначивать свою жизнь.

— В бригады выбрали, коллектив, выпестованный Тонковидом, достался. О ком не спроси – лучший, если не участка, так шахты. Не люди – орлы. С такими только и работать, может поэтому?

— Я поддерживаю привитые Тонковидом и другими наставниками участка традиции, потому что воспитан на них, и ничего плохого они мне ещё не принесли. Но из прежних работников не так и много осталось сейчас на участке. На их место пришли другие. Однако отношение к работе от этого не изменилось. Ведь чтобы попасть на наш участок, надо показать, на что ты способен. Мы здесь все работаем по настоящему и кого-то обслуживать не собираемся. Поэтому от не зарекомендовавших себя на работе людей мы сразу отказываемся.

— Начальник вашего участка Сергей Ефимович Трусов всегда кажется хмурым. Это от того, что он очень взыскательный и строгий?

— Да, строгий, но мы привыкли.

... Вот мы и внизу лавы. Дошли до конвейерного штрека, по которому уголь с комбайна подаётся к вагонеткам подземного транспорта. Трое горнорабочих очистного забоя занимаются сокращением длины скребкового конвейера. Разговариваю с одним из шахтёров – Владимиром Чукановым.

— За сутки комбайн уходит вперёд на 8 метров. За ним отработанная лава заваливается. Но вслед за комбайном надо передвигать вперёд привод скребкового конвейера и демонтировать освобождающиеся решётки для повторного использования. Сегодня, к примеру, вон оттуда переместили головку конвейера – показывает Чуканов в глубину ещё не задавленного породой штрека.

Мы с ним обходим массивный привод конвейера, вглядываемся в подпираемое стойками пространство оставленного штрека, в уже заваленную кусками породы отработанную лаву, и мне становится не по себе: ну уж нет, труд шахтёра только со стороны завиден. Вблизи же что в нём примечательного? Груз доставить надо – надрывай пузо. Сломалось что-то – ремонтировать тебе, кто-то другой не прибежит, сам делай. Стойки эти, железные, 80-килограммовые, волокнистые на горбушке, а потом ещё ставь и укрепляй их как следует. Где ошибёшься – тебя же и придавит. А другие непредвиденные опасности на каждом шагу? К примеру, те же воспламенения метана, не напрасно же отсекают часть штрека железной перегородкой для гашения огня инертной пылью. Часто происходят взрывы выделяемого из земли газа в шахтах, и невесть сколько от них гибнет шахтёров. Большой у шахтёра заработок, но если сопоставить его с затрачиваемой энергией...

По конвейерному штреку мы наконец-то зашагали к выходу на поверхность. Обслуживающие ленточные конвейеры электрослесари В. Коптяев и В. Логунов провезли нас немного на конвейере. А по бремсбергу мы поднимались пешком. Через некоторое время стёрлись и устали ноги. Я захромал и приуныл. Оказывается, то же самое испытывают зачастую и отработавшие смену шахтёры: они тоже часто выходят на поверхность пешком.

— Может, перекусим? – предложил мне механик разделить прихваченную с собою еду. Зайдя в выдолбленную сбоку в стене бремсберга нишу, мы присели на досточки, и Олег развернул пайку. Казалось бы, ну что такое, кусок хлеба с куском сала и половинкой зелёного яблока? Но, перекусив, я уже быстрее, чем раньше, стал продвигаться за своим сопровождающим.

Проехали мы с ним в конце пути немного и по канатно-кресельной дороге. А потом вновь по этому же бремсбергу по-

карабкались снизу вверх и опять я проклинал склизкие доски трапа, текущую навстречу воду и очень часто останавливался передохнуть, чтобы перевести дыхание от тяжести подъёма по круто задирающемуся кверху туннелю. И вот впереди, наградой как бы мне лично, засинело зимнее небо. Моей радости от одного вида этого клочка земной атмосферы, скажу откровенно, не было границ. Всё окончилось благополучно, и об испытанном мною под землёй напоминали только грязная фуфайка, измазанное лицо, да не сразу успокоившиеся ноги. Когда подъехала вахтовка, в неё набилось народу, что сельдей в бочку. Вот так, стоя, весьма довольный счастливым для меня окончанием рабочей смены, и добрался я до шахтовой ламповой...

МЫ НЕ РАБЫ

1 апреля 1994 года на площадь Советов в Кемерове съехались представители угольных и иных промышленных предприятий Кузбасса. Сырой сквозняк тянет клочья тумана вдоль мокрой площади в сторону реки. Сжимая древки транспарантов и плакатов, у здания администрации области собрались пикетчики. Среди мужчин много женщин, есть и дети. Сегодня на этой площади происходит пикетирование. Акция организована в поддержку общероссийскому пикетированию, происходящему сейчас в Москве у Белого дома. Это – знак протеста действиям президента и правительства. Ухудшение социально-экономического положения трудящихся достигло крайней черты.

Пикетчиков около 2000 человек, может, чуть больше. Из Берёзовского – представители всех шахт, из Белова, Прокопьевска, Анжеро-Судженска, Киселёвска и Новокузнецка – тоже шахтёры, Кемерово делегировало представителей основных организаций города и интеллигенцию.

11 часов утра. Плотная масса народа. Плакаты – в руках и у ног, на спинах и груди пикетирующих: «Дети тоже хотят есть, для них уже стали роскошью конфеты, фрукты, мороженое», «Заработал – получи», «Мы не рабы – работать бесплатно». Смысл надписей один: мы не хотим мириться с положением, в которое вы нас поставили. Смотрите на нас. Проглатывайте эти фразы и думайте. Все думайте – и те, кому сейчас хорошо, и те, кому стало нестерпимо плохо.

Постепенно, перезнакомившись, люди разбиваются на группы. На лицах – решимость. Делегировали представителей к главе областной администрации М. Б. Кислюку. Уверены – выйдет и будет держать ответ. Не вышел. Испугался, а может, счёл это лишним. На площади появился В. А. Чесноков, председатель профсоюза безработных. Чесноков прочёл пикетчикам телеграмму от председателя НПП Сергеева, в которой говорится о том, что задержка зарплаты происходит по вине директоров. С этим люди на площади не согласны: директорам не под силу решение правительственных проблем. Снижение железнодорожных тарифов, использование большей части налогов внутри области, выполнение тарифного соглашения – прерогатива правительства.

При общих интересах знакомство пикетчиков происходит быстро. Очень скоро мы все стали как родные. «Почему в провинции плохие дороги, плохой соцкультбыт и обеспечение? Мы добываем уголь. Мы производим продукцию. Куда уходят наши деньги, почему мы не можем использовать их для улучшения своей жизни?» Банки живут на нашу дотацию. Если убрать деньги тарифного соглашения, то банки закроются, и мы остановимся – значит, без дотаций нам нельзя...»

Двое молодых людей во фраках и цилиндрах и с тросточками в руках (у одного лицо замазано белой краской), ухмыляясь и поигрывая тросточками, прогуливаются вдоль площади

мимо пикетчиков. На них стараются не обращать внимания. Что это? Провокация? Хотя нет – подумать если, они тем самым показывают нам, что наши проблемы власть предрешающих не особенно-то и волнуют. Передел собственности страны в свою пользу – вот что сейчас для них главное. Молодые за нас, они с нами.

Старик жестикулирует обрубками пальцев перед лицами обступивших его людей: «Пенсия у меня 39 тысяч рублей, а за квартиру надо будет отдавать теперь 16 тысяч. На что же я буду жить в этой золотой клетке?»

К собравшимся на площади подходит депутат Законодательного Собрания области, советник Тулеева Чуньков. Он спрашивает пикетчиков, поддержат ли они вопрос о перевыборах областной администрации, если такой вопрос будет поставлен в областном Законодательном Собрании.

«Какие могут быть разговоры? Конечно, поддержим», – шахтёры согласны хоть кого посадить теперь себе на шею, чтобы только от этого им жилось легче, зарплату платили ежемесячно, дети потребляли положенные калории и они сами, шахтёры, не с картошкой в тормозке, а с приличным куском колбасы шли в забой.

Появились профсоюзные лидеры. Договорились ждать выхода М. Б. Кислюка до трёх часов. Если не выйдет – собраться в зале облсовпрофа и решать, что делать дальше. Не разбегайтесь, – предупреждает людей зампред Российского комитета профсоюза угольщиков Г. А. Михайлец, – надо собраться всем вместе. Пикетирование в Москве закончилось. Оно дало какие-то результаты. Маленькая, но победа есть. И мы с вами помогли одержать эту победу».

К трём часам не разбежавшиеся по домам люди собираются в зале. От администрации области – Пронин, заместитель главы администрации области. Он объясняет народу, что ад-

министрация не виновата в постигших его бедствиях. Народ не хочет слушать такое. Здесь же не политзанятия, – отвечай конкретно на поставленные вопросы, если уполномочен на них отвечать. Не хочешь, не можешь, – уходи.

Михайлец сообщил, что правительство пошло навстречу требованиям шахтёров и обещает выплатить в апреле задолженность за первый квартал в сумме 110 миллиардов рублей. На первое полугодие предполагается определить финансирование угольщиков в размере 3,4 триллиона рублей. Для сравнения: в тарифном соглашении за весь год угольщики просили взять для себя 4,6 триллиона. Также восстановлена межведомственная комиссия во главе с вице-премьером А. Н. Шохиним.

Совету Министров дано поручение выработать программу реструктуризации (финансирование, создание рабочих мест, дальнейшее существование угольной промышленности). То есть по шести пунктам выдвинутых участниками Всекузбасской конференции от 31 января 1994 года требований правительство согласно пойти навстречу трудящимся, и это уже победа. Некоторые из оставшихся пяти пунктов направлены на рассмотрение в Думу.

Рабочие не согласны. Им не нужны проекты, им уже сейчас нечего есть, им нужны конкретные сроки: когда, на какие счета будут перечислены суммы. Пикетировавшие здание администрации области не верят представителям власти, не верят и своим профсоюзным лидерам. Попытку В. М. Голикова, председателя совета рабочкомов Кузбасса, выступить на собрании, люди игнорировали выходом из зала.

Вот так закончилось пикетирование здания администрации областного центра Кузбасса 1 апреля 1994 года, свидетелем и непосредственным участником которого мне довелось быть. А сколько ещё было таких пикетирований в нашей толь-

ко области и споров о том, что для нас лучше, и как быть дальше, чем жить и на что?..

1994 год.

ПЯТЬ КОРОЛЕВ? – НЕТ, БОЛЬШЕ

Готовились к женскому празднику работники дома культуры шахтёров Берёзовского задолго до его наступления. Так как проведение праздника было сопряжено с застольем, тостами и танцами, количество желающих отметить его в стенах ДК ограничилось 120 лицами. Да и стоимость входного билета была немалая – 1500 рублей.

Прекрасная музыка, сопровождающая выход ещё более прекрасной женщины, зажигающей свечи в сказочном полумраке притихшего зала, сразу же полностью захватила внимание присутствующих. Красивые слова о женщинах, их беззаветной любви и преданности, жертвенности и всепрощении до слёз растрогали находящиеся в зале мужчины. И когда вслед за этим ведущая программу вечера Наталья Козлова потребовала от них клятву верности женщинам, они все как один, отважные и воодушевлённые, ринулись на сцену, столпились вокруг неё и возбуждёнными голосами, слово в слово, ничего не выбрасывая и не дополняя, произнесли вслед за Натальей слова этой клятвы.

Кому из нас, мужчин, не хочется, чтобы наша женщина была самой красивой, самой умной, умела вязать носки и готовить яичницу хотя бы, и быть ещё нам опорой и защитой не только от разбуянившегося соседа? Всем нам этого хочется, все мы к этому стремимся, выбирая в супруги эту самую-самую...

Но для того, чтобы отысканные нами в них прелести не тускнели с годами, мы, мужчины, обязаны, оказывается, все

время их поддерживать в моральном и материальном плане. Но каждый ли из нас способен на такое? В принципе-то каждый, но не всегда.

Может, именно поэтому расстроенные и растерянные обилием прекрасных женщин мужчины утратили на мгновение испокон принадлежащее им свойство трезво (на трезвую голову) оценивать события, и на следующем конкурсе – выборе королевы бала – в своих оценках засомневались и даже чуть было не подрались, выбрав вместо одной королевы сразу пять. Хотя, «между нами девочками говоря», они не ошиблись бы и поступили бы совершенно справедливо, всех присутствующих женщин произведя в королевы. Разобраться если: кем, как не королевой является в вашем семействе (королевстве) ваша избранница? Да и на вкус товарищей нет, если уж подходить к этому вопросу после нанесённых царапин с чисто юридической точки зрения.

А женщины и впрямь были хороши, а женщины и впрямь были неотразимы. Они умели, в отличие от некоторых мужчин, танцевать. Они цвели улыбками и благоухали, словно розы в саду персидского шаха. Отдать предпочтение какой-либо исполнительнице зажигательной «Ламбады» было затруднительно. Да и после исполнения вальса «Дунайские волны» в глазах мужчин всё кружилось и меркло. Но это было затруднительно даже сидящим за столиками. Сообразительность же соискательниц на звание королевы в ответах на задаваемые вопросы ещё более повергла в уныние представителей сильного пола. И они нашли утешение лишь в одном из пунктов клятвы: пить всегда только за женщин, благо поводов для этого на вечере было предостаточно.

Сверкающих нарядами, изысканностью, красотой и умом королев бала наградили шоколадными конфетами, а также приличествующими случаю сувенирами (администрацией

клуба на приобретение атрибутов власти женщин над мужчинами было израсходовано 10 тысяч рублей).

Победительниц различных конкурсов и забав, разнообразивших вечер, буквально осыпали этими сувенирами. Что там говорить: все женщины бала были окружены пристальным вниманием мужчин. Очарование улыбок, беззаботный смех, сверкание взоров прелестниц с избытком вознаграждали расщедрившихся мужчин. Грустить было некому. Счастливые лица людей, на мгновение вычеркнувших из сознания безумные галопы действительности, как нельзя лучше отражали их душевное состояние. И это был «пир не во время чумы». Это был настоящий праздник во славу женщин.

Международный женский день – праздник действительно международный. Через видеотеку ведущие артисты и поэты страны поздравляли всех женщин мира, в том числе, конечно, и березовчанок с наступлением этого праздника. Хочу заметить, что если бы каждое слово было кирпичиком, то из несмолкаемого потока добрых и ласковых слов, произнесённых только за этот вечер в адрес березовчанок, без сомнения можно было бы сложить десятиэтажный жилой дом для неимущих госбюджетников города. Но нашим женщинам было мало этого. Они, как должное, воспринимали славословие мужчин. А может, они просто понимали, что только раз в году возможно такое услышать по полной программе и поэтому старались не ограничивать своих кавалеров.

Прекрасное музыкальное оформление бала, порученное вокально-инструментальному ансамблю под управлением Е. В. Калугина, было на высоте. Праздник женщин удался на славу – таково мнение его организаторов и участников, всех женщин и моё личное.

1995 год.

ДУШЕВНЫЙ ОАЗИС

Инфекционное отделение Берёзовского, поначалу гнездившееся в больничных корпусах жилого посёлка шахты «Берёзовская», а затем переселившееся в помещения горздравовских яслей, лишь в 1972 году обрело постоянную прописку в одном из зданий городской больницы. Но и то – с краешку. А может, так оно и лучше: никто не мешает и начальство поменьше присутствует.

В отделении лечатся больные города и его окрестностей от инфекционных заболеваний: вирусный гепатит, кишечные инфекции, брюшной тиф, менингит, энцефалит. Когда в семидесятых годах в Западной части России свирепствовала эпидемия холеры, к отражению этой беды тоже сумели основательно подготовиться инфекционники Берёзовского: и по сей день в подвалах отделения лежат невостребованные и не списанные ещё противогазы и прорезиненные комбинезоны – средства в борьбе с этой болезнью. На всякий случай лежат. Мало ли что ещё может произойти в нашей жизни. А мы – вот они, подготовленные.

Не достигла холера Кузбасса. Но и без неё в городе хватает больных: 1200–1500 человек в год поступает в инфекционное отделение. Приблизительно взрослых и детей половина на половину. И всех их лечат здесь лишь два врача-инфекциониста: Раиса Семёновна Бычкова, с 1972 года заведующая этим отделением, и Галина Леонидовна Сергеева, практикующаяся здесь с 1973 года. Обслуживающий персонал: 22 медсестры – не будешь же их всех называть по именам и отчествам. Хотя многие из них тоже очень даже заслуженные. И 16 санитарок ещё, тоже проработавшие в больнице по 10 и более лет. То есть можно сказать, что коллектив инфекционников устоявшийся, опытный и, как принято говорить, спаянный круговой порукой. Словом – это большая, многоликая семья.

Из работниц – нянечка Людмила Тихоновна Крысова и Таисия Емельяновна Григорьева. Они давно уже на пенсии, но трудятся не покладая рук, и в мыслях не допуская добровольной разлуки с этой семьёй. Они очень нужны больнице. Именно таким, как они, поручают врачи наиболее ответственные участки работы и уход за самыми тяжёлыми больными. Они надёжные. Уж от них-то не убежит больной через окно домой «на побывку».

Зима, конечно, – не лето, но бегают из больницы через окошко первого этажа выздоравливающие больные регулярно. Раньше, из боязни распространить заразу по всему городу, рамы окон в отделении нянечки накрепко забивали гвоздями. Сейчас это не практикуют. Напрасно. И расходов-то всего для больницы – два гвоздя на одно окно первого этажа. Впрочем, и со вторых в сутробы сигают.

Утром, вечером и в течение дня можно увидеть в застеклённых, словно аквариумы, палатах медсестёр, врачей и нянечек. Но в основном посещения больных медперсоналом строго спланированы. Больные, лежащие более двух недель, давно уже изучили механику посещений, и они, эти посещения, не мешают им с полной отдачей заниматься своим насыщенным больничным досугом.

В первые два-три дня масса свободного времени целиком уходит на чувственное смакование своей болезни. Потом нездоровый интерес к собственным болячкам гаснет. Атмосфера, окружающая попавшего сюда, специфические запахи, стерильная белизна рваных простыней и добрые улыбки медсестёр, заставляющих тебя пригоршнями глотать «колёса» (таблетки) – всё это создаёт в нас, больных, надежду на скорое излечение. И поколебать уже эту надежду некому. «А если я скоро буду здоров и сейчас у меня появилось свободное время, то его надо на что-то употребить полезное» – проблема,

перед которой оказываются все пациенты, вполне оправившиеся от первых впечатлений и в большинстве своём имеющие достаточно высокий жизненный потенциал.

Завоёванные народом в последнее время демократические свободы в значительной степени подорвали больничные устои, раскрепостили их, так сказать. Лечебные процедуры, являясь обязательными, исполняются, соблюдение же больничного режима – это такая статья, которой можно и не придерживаться. Именно поэтому частенько медсестрам приходится выуживать из подвала забредающих туда парочек и сторожить разбегающихся на ночь по домам больных. Угрозы врачей о выдаче выздоровевшим лицам бюллетеней с пометкой о нарушении больничного режима малоэффективны, так как, по существу, неопасны: доброта и уступчивость инфекционников общеизвестна, и не было ещё в мою хотя бы бытность там зафиксировано ни одного бюллетеня с такой пометкой. А распекаемых медсёстрами нарушителей порядка я слышу и вижу ежедневно, так как моя палата окошком выходит на блокпост.

Зуд больных к ремеслу позволил создать в инфекционном отделении оригинальную выставку плетёных игрушек, зверушек и рыбок. Раскрашенные и нет, они радуют глаз временных жильцов двухэтажного здания и заставляют дрожать медсестёр, отвечающих за сохранность капельных трубок, применяемых при лечебных процедурах. Негласные графики розыгрышей дневных и ночных шахматных баталий ежедневно извещают присутствующих о коронации нового чемпиона отделения. Меломаны третьей палаты с утра до ночи услаждают слух мировой классикой, вмещённой в четыре кассеты одним из ведущих исполнителей блатных шансонов. Желтушники четвёртой палаты, погрязшие в недоступном одиночестве из-за карантина, в безмолвной тишине страницу за страницей пожирают книги, запивая их соком из банок с подоконника.

Пятая палата до сих пор не может навести порядок в распределении «шуб» и «клиньев». Шестая палата заполнена тяжёлобольшими, ахами и вздохами, седьмая стучит «козлистами» и вечерами собирает дань с каждого носа, желающего усладить взор программой «Алия».

Великовозрастные подростки, упиваясь своим авторитетом в пределах палаты, возложили на родителей липнущей к ним детворы доставку в палату высококалорийной пищи. Распределение обязанностей в этой области идёт примерно таким образом: ты, Санька, – обращается детина к преданно глядящему на него мальчонке, – скажи своей мамаше, чтобы она завтра принесла тебе пельменей трёхлитровую банку. И чтобы с маслом, хотя нет – со сметаной лучше. Котлеты-то твои мы уже съели. В Барзасе у вас мяса много, не обеднеете. А бабке своей, – она ведь утром приходит? – скажи, чтобы торта принесла. Свежеиспечённого. Давно не едал такой сладости. И эту... как её? – пепси-колу. Конфет не надо. Надоели.

— А ты меня научишь в дурачка?

— Научу, это ж плёвое дело.

— Ладно, скажу. А ещё баба говорила, что она мандаринок купила...

— Пускай волокёт. Съедем.

Конечно, родители не всегда поспевают за аппетитом присосавшихся к их деткам наставников, и тем приходится иной раз по утрам вместо холодца вприкуску с солёным огурчиком размазывать по тарелке овсяную кашу с рыбьей подливкой. Но это случается, как я уже отметил, крайне редко. В основном родители детишек восторгаются их возросшей тяге к вкусной еде, и со своими обязанностями по доставке съестного в больницу справляются.

Среди больных мужчин пожилого возраста, но ещё не забывших о своём физиологическом предназначении сеять не

только разумное, но и живое, широкое применение имеет увлекательная литература сексуального и исторического характера. Ею, в виде газет и журналов, снабжают их кипами при свиданках верные супружницы и старые друзья, давно оценившие благотворное влияние художественной литературы на дух подломившего своё здоровье человека.

Лицеприятное общение между палатами и этажами, праздничные гуляния в другие корпуса к знакомым, родственникам и просто так, создают для больных реальную видимость жизни, из которой исключил их недуг. Осознание значимости своего существования в пределах больничного городка, на мой взгляд, даёт пациентам ещё один стимул, способствующий выздоровлению. И как бы ни ворчали врачи по поводу свобод, посягающих на больничный режим, – я думаю, что и они в душе согласятся со мною. Иначе, почему тогда на все эти вольности глаза у врачей как бы полужашорены?

Добрые улыбки медицинского персонала, взгляды, журящие проказников, наказания провинившихся, ограниченные материнским окриком, дружественная обстановка во всей больнице до того импонируют попавшему туда человеку и вдохновляют его на что-то прекрасное, что он прямо таки с сожалением, выздоровев, уходит отсюда. Как хорошо, что есть у нас ещё такие душевные оазисы. Не иссякло полностью людское милосердие. В нас оно присыпано только ненужным хламом и вздором сиюминутной неразберихи.

ОТ СОПЛИВОГО КАРАПУЗА – К ЛИЧНОСТИ

Ребятишки старшей группы детсада «Уголёк» с изображающими плодоносящую осень бумажными листочками в руках гуськом на цыпочках впархивают в зал. Проделав с

усердием под музыку пару кругов по залу, они чинно усаживаются на крохотные стульчики. Начинается утреник. Румяная «Осень» (воспитатель Е. В. Помазкина) ласково приветствует их, спрашивает, какой же из месяцев осени детям особенно нравится. И не беда, когда в ответ она слышит, что лучшим месяцем осени для них всегда будет лето, а самый последний месяц осени – зима.

Дети умеют танцевать, декламировать стихи, разыгрывать сценки и состязаться в играх и конкурсах. Во всех доступных проявлениях этой деятельности им хочется быть первыми. Конечно же, они могут при этом и запнуться, сконфузиться, сделать совсем не то, что многократно повторяли на репетициях с воспитателями. То есть они самые обыкновенные – такие, какими и мы были в их возрасте.

Наиболее восприимчивый к поглощению информации возраст ребёнка – до пяти лет (включительно). То есть, что ты успеешь вложить в него за это короткое время, тем он и будет пользоваться всю жизнь. К примеру, мои родители и их поколение (рождения двадцатых годов) были не особенно грамотны и, интуитивно направляя свою поросль на путь праведный, нередко и ошибались, да и наставления их были очень скудны. Сейчас же этого для современных детей мало. Им мало знать, что хорошо, а что плохо, У нас была вера, усомниться в истинности которой считалось великим грехом, а им надо знать, почему на свете образовался такой вот расклад, а не иначе...

Сейчас многие дети посещают детские дошкольные учреждения, потому что большинство семей живут отдельно от бабушек и дедушек. Работники детских садов в дневное время замещают детям их родителей, подготавливают к будущей самостоятельной жизни. Какой же была эта подготовка раньше, ну хотя бы до 1991 года? По мнению воспитателей «Уголька», она во многом напоминала казарменную: всех

«стригли» под одну гребёнку. То есть все дети во всех детсадах по всему Советскому Союзу воспитывались по единой типовой программе. А согласно программе ребёнок должен сидеть за столом прямо, руки на столе должны лежать в таком положении: правая на левой – а не наоборот. Все занятия физкультурой должны проходить под обязательное треньканье пианино. Если Вова может присесть десять раз, то и Миша – хоть тресни, но присядь ровно столько же. Дисциплина тогда была краеугольным камнем дошкольного воспитания. Такое воспитание, такой подход к развитию личности ребёнка давно уже претил сознанию большинства воспитателей. Критики в адрес существовавшей программы было много, но только с победой демократических начал в нашей стране в области воспитания детей произошли какие-то сдвиги.

Обладающие передовым мышлением педагоги России за очень короткий срок сумели наработать и предложить дошкольным учреждениям много различных программ. Сотрудниками министерства образования из этих программ были выделены новые ориентиры, придерживаться которых в воспитании теперь предпочтительнее. Как нельзя лучше следовать этим ориентирам позволяет применяемая в детском саду «Уголёк» программа «Радуга». По ней развитие детей происходит через игровое восприятие. Сведения по истории Отечества и об окружающем нас мире они получают, отправляясь ежедневно со своим воспитателем в воображаемые сказочные путешествия, в лицах разыгрывая действия наиболее понравившихся им сказок и ситуаций. Это ведь так увлекательно – оказываться вдруг самому в сказке! Маленькое сердечко бьётся воробышком в хрупкой груди ребёнка, оно переполнено неизбывным восторгом и счастьем от соприкосновения с чудесами. В сказке так легко может исполниться любое его желание! В жизни, он это знает, совсем всё не так.

Из пластилина кто-то лепит лошадей и зайцев, кто-то – крокодилов и поросят. Вместо львов из мягкого комочка почему-то рождаются жирафы, индеец с перьями более похож на рассерженного индюка. Но что тут поделаешь? Руки не успевают за полётом фантазии, они ещё не умеют точно воплощать в явь задуманное. Зато у ребятешек «Уголька» есть ширма, целиком составленная из акварелей детей, на которых изображены в первую очередь солнце, лес, красные яблоки, зелёные листья и багровые тона поздней осени. Есть таинственный взгляд жёлто-розовых сов, есть домик для кукольных представлений...

Организованная в садике выставка фактами запечатлевает достижения его воспитанников. Это и многое другое дала им «Радуга». Раньше такого не было. Раньше были «Мойдодыр» и «Репка», и игрушки из целлюлозы. Сейчас же дети изучают английский язык и правила поведения за столом, и теперь могут вполне культурно заляпать манной кашей того же сэра Ваську или мисс Катьку.

Это раньше детские сады были перегружены детьми сверх меры. Пуск в строй новых садиков значительно отставал от роста рождаемости. Сейчас стало много легче, потому что рожать детей стало нерентабельно. Именно поэтому теперь можно каждому ребёнку выделять гораздо больше времени персонально, выявлять его потенциальные возможности и углублять, развивать их.

Способствует этому и созданная в «Уголке» обстановка, она теперь максимально приближена к домашней. В каждой группе установлены диванчики, на которых дети, совсем как дома, могут отдохнуть от игр и помечтать о чём-то своём.

В прошлом году в «Уголке» работала музыкальная гостиная под руководством М. Н. Худяковой. Детвора старших групп с помощью воспитателей провела замечательные вече-

ра вальса и польки. Их силами была поставлена всем понравившаяся оперетта «Муха-Цокотуха», разыграна ярмарка.

Для проведения такой работы с детьми воспитателям нужны специальные знания. Есть в садике свои художники и театральный постановщик. Хореографии же с прошлого года по договорённости стали обучать ребятишек специалисты Берёзовского центра досуга и творчества детей и молодёжи. Для того чтобы ребёнок посещал эти занятия, родители его должны платить центру 800 рублей в месяц. Не все и не сразу стали платить, но теперь убедились: эффект от этих занятий зримый. Умение красиво танцевать – качество ценное. Родители не возражают и против платного обучения английскому языку своих Оксанок и Тимошек: вдруг и это умение пригодится им в жизни?

Изучением букваря в садике не занимаются, освоением логарифмов – тоже. По мнению детишек – это уже задачи школьных учителей. Для воспитателей же «Уголька» главным направлением является общее развитие ребёнка, и они прилагают массу усилий и изобретательности, чтобы к семи годам при выходе из детского сада сопливые карапузы определились как личности.

ТЮТЕЛЬКА В ТЮТЕЛЬКУ

В настоящее время магазины стали похожи на своеобразные барометры, очень чутко реагирующие на наши предположения, муссируемые в массах слухи и ожидания. За подтверждением мне не приходится ходить далеко – магазин №18 находится рядом с местом моей работы.

Когда ещё только-только начала повыпаться цена на булку белого хлеба и достигла всего 150 рублей, среди лю-

дей создалось твёрдое убеждение, что к 1995 году цена этой булки перевалит за 1000 рублей. И эти ожидания народа исполнились тютелька в тютельку: в магазине №18 с 1 января 1995 года булка хлеба стала стоить 1100 рублей. Произошло попутно (но это уже мелочи) и увеличение стоимости литра молока. О других продуктах говорить не буду, потому что некоторые из них мы теперь мало употребляем и, глядя на цены, только восхищаемся ими.

Сейчас вот среди людей, толпящихся у входа в магазин №18, обсуждается вопрос повышения зарплаты в связи с вынужденным ростом цен. И все высказывают предположение, что повышение это, если и произойдёт к августу 1995 года (почему к августу, а не к 7 января?), то не более чем на официально установленный минимальный размер оклада. Интересно, сбудется ли до рубля и это предсказание?..

1995 год.

ДОРОГОЙ СКОРБИ

По этой дороге, срывающейся с крутого косогора в долину некогда чистой и полноводной речушки Шурап, над тонкой жилкой мутной воды, над стальными нитями железнодерожной ветки «Кемерово – Анжеро-Судженск», едва ли не каждый день под щемящие сердце звуки духового оркестра медленно продвигаются группы людей.

Хоронят. Опять кого-то везут, – отмечает вслух круглолицая молодая женщина, дающая корм ласково и настойчиво тыкающемуся мокрым носом в её руки телёнку. Машина с окрашенной в голубой цвет оградкой и памятником, приглушённо урча, съезжает с влажного асфальта на укатанную до

масляного блеска колею грунтовой дороги. По ней, вдоль разбросанных по взъёму изб, машину, на которой покачивается красный гроб, молчаливо сопровождают на кладбище родные и близкие усопшего. Идут без музыки. Не осилили. Сейчас эта услуга не каждому по карману. И – только рокот мотора, только методичное до одури шарканье полусотни подошв о поверхность грунта, да вздохи и плач заунывный за три дня постаревшей женщины. Только это. И, словно вехи, отмечающие последний путь человека, которого собираются закопать в землю, из кузова порой летят на землю смолистые лапы пихты и ёлочки. Они – вечнозелёные, едко пахнущие тайгой, зверьём, жизнью ...

И ещё – движение торопливо распахивающихся калиток: жители придорожных домов почитают за долг выйти на улицу и проводить взглядом усопшего. Кто он, – молод, стар ли? – уже не интересуются. Смерть никого не обходит. Не разбирает чина, не ищет причины. Устали видеть жители Фёдоровки похоронные процессии так часто у своих ворот. Однако воздать дань уважения умершему надо, даже вот так: стоя у калитки, помочь ему одолеть последний земной путь. Жизнь не вечна. Все там будем. И последней этой малой почести достоин каждый из нас.

— Намедни, – рассказывает мне старушка, четвёртый десяток лет живущая здесь, – я выбралась за грибами и по привычке подалась по дороге в сторону кладбища. Давно уже там не бывала. Достигла и удивилась: раньше с десятка два могиллок-то было, а сейчас ...

Кладбище на Фёдоровке расположено в полукилометре от ограды последнего дома. Извилистая красивая дорога, кое-где перекрываемая сверху кронами лесных великанов некогда дремучей, а сейчас заметно прореженной тайги, всегда здесь выглядит торжественно и от зелёного сумрака мрачно-

вато. К жителям Фёдоровки часто обращаются родственники усопших. Кому лопата нужна подправить могилу, кому воды напиться, а кто-то и стаканы просит, чтобы не из горлышка за помин души хлебнуть огненной. Дают. Как не помочь человеку в постигшем его горе? Смерть и Фёдоровку не обходит стороной. Только в прошлом году отсюда унесли на погост восемь человек. И в большинстве своём – молодых.

— Раньше-то мы в тех местах грибы и ягоды собирали. У нас там выпасы были. Кладбище городское совсем мало места занимало. Могилки между деревьев прятались. Уютное было кладбище. А сейчас вышла к нему и обомлела. До чего же оно большое стало! Разрослось, что твой город. И порядок городской наведён на нём: могилки рядами выставлены – не затеряются, и вокруг всё кладбище от скота железом обнесено. Теперь въезд на кладбище с другой стороны сделают. Там у нового въезда на горке и памятник стоит пятнадцати погибшим шахтёрам «Первомайки». Заасфальтируют дорогу, площадку у памятника, и тогда на нашу улицу заезжать с покойниками перестанут.

— Мы, наверное, много потеряем от этого, – замечает её младший сын, – зимой улицу для проведения похорон нам каждый день прочищали, теперь же по крышу снег навалит, никто из городских даже пальцем не пошевелит.

На улице Ермака, растягивающейся в гору рядом с автострадой, по которой скоро будут доставлять покойников к новому въезду на кладбище, пожилой сухощавый мужчина с изъеденным оспинами лицом ворошит раскиданное вдоль ограды по земле сено.

— Подгнивать верх стога начал, сушить надо. Иначе без молока в зиму останемся, – поясняет он свои действия, – а к смерти моё отношение самое отрицательное. Я в котельных посменно работаю. Днём отдыхаешь и частенько замечаешь,

что по два-три покойника за день проносят. Мы сверху живём – нам всё видно и всё слышно. Музыка рвёт душу. Придавленные к земле тяжёлой потерей люди принуждают себя двигаться к кладбищу...

Неправильно говорю? Покажите мне человека, который находит удовольствие участвовать в похоронах. Вы сами радуетесь ли, увидев похоронную процессию на улице? А мы каждый день такое наблюдаем – мимо нас же везут. И мысли о смерти нас чаще других посещают. Человек не для смерти создан. Вон сколько дел на земле – успевай только ворочать их. И я вам скажу: особенно сейчас нельзя человеку умирать, пусть живёт хоть два срока – похороны делают разору больше, чем свадьба. У меня жена полтора года назад преставилась, денег на предприятии не дают. Гроб делать надо – не из чего, поминки устраивать – как? Пошёл к начальнику – он из нашего магазина три ящика водки отпустил, тёсу на гроб дал. Смастерил я гроб сам, кое-что из продуктов дома было. Похоронил супругу. А вдруг не помогли бы мне? По миру от похорон идти? Да потом сороковины справляя и годовщину. Тоже расходы были большие. Знакомых – улица целая. В этом деле нельзя скаредничать. Для себя лично, не за горами смерть-то, когда ломал сарай, восемь плах на гроб отобрал, на чердаке лежат – сушатся. Приготовил. Зять ругает меня – ишь затеял чего. А я помалкиваю: не знаю как ещё жизнь у них с дочкой повернётся, смогут ли им помочь, а плашки же – вон они, меня дожидаются. Хочу, чтоб по-человечески меня похоронили: не в целлофан завернули, а в домовину деревянную положили...

Смерть – явление биологическое. Как пишется в словаре, – это «необратимое прекращение биологических процессов в клетках и тканях организма». Определение чёткое. Но очень мало кого устраивает применительно к себе. Поэтому на протяжении всего существования человечества люди за-

мирают при столкновении со смертью, ищут эликсир молодости, верят в сказки о загробном мире. Наиболее реалистично настроенные пытаются разгадать причины старения организма, разрабатывают и стараются применить к себе меры, препятствующие этому процессу. Но все одинаково почтительно расступаются перед людьми, сопровождающими усопшего по его последней земной дороге, заканчивающейся для всех одинаково у разверстого тайною чрева могилы.

В тёплых странах принято разбрасывать по дороге скорби цветы, у нас – еловые лапки...

ПЕРСПЕКТИВЫ ТУМАННЫ

Что такое перестройка в моём понимании? Это что-то вроде Кемеровской высотной гостиницы напротив кинотеатра «Юбилейный», которую строили-строили десять лет, да так и не запустили в эксплуатацию. В угольной промышленности схожая ситуация. Закрыто семь нерентабельных шахт (эти и все последующие сведения взяты из документов шахтёрских съездов и материалов газеты «Кузбасс»). Из 564 шахт в Советском Союзе могут существовать без дотации государства только 12. То есть закрытие остальных 552 шахт должно случиться в недалёком будущем, если мы будем следовать ранее принятой политике нашего правительства.

Кузбасс даёт 25 процентов добычи угля в стране, а Минуглепром вкладывает 16-17 процентов средств на его развитие, что в полтора раза ниже, чем в другие угольные бассейны. В 1991 году Кузбасс сможет добыть 125 миллионов тонн угля, хотя несколько лет подряд давал по 150 миллионов. Конкретных причин снижения производительности шахт много. Это и нехватка очистного фронта – к сегодняшнему дню потеряно

около 50-ти очистных забоев, и отставание вскрышных работ на разрезах – порядка 20-ти миллионов кубометров. Недостаточность капиталовложений и объёмов строительства, запущенность шахтного и карьерного основных фондов, низкий уровень социальной сферы. Таковы обстоятельства, с которыми надо бороться, если мы желаем сохранить наш Кузбасс и его основополагающий род деятельности.

Пока же госзаказ в 1991 году будет удовлетворён Кузбассом на 60-80 процентов. А ведь наш бассейн – общесоюзная база коксующихся и энергетических углей, один из крупнейших в мире экспортёров угля. Уже сейчас стоит вопрос: сможем ли мы экспортировать его за границу? Свободная зона когда ещё будет! Некоторые шахты сумели обменять часть своего угля на заграничные тряпки, микроволновки и видеоплееры. Но, основываясь на этих единичных случаях, делать далеко идущие выводы пока ещё трудно.

Представляя в целом состояние угольной промышленности страны и непосредственно Кузбасса, попытаемся на примере шахты «Южная» разобраться, что происходит у наших шахтёров, хотя бы краешком глаза заглянуть в наше угольное будущее.

На этой шахте уголь добывают буровзрывным способом. Буравят шпур в пласте угля, закладывают в них взрывчатку, взрывают, устанавливают решетки и по ним, – лопатами, вручную набрасывая раскрошенный взрывом уголь, – транспортируют его до ленточного конвейера и оттуда на поверхность.

Комбайнами бы лучше: полнейшая механизация, большая производительность и тому подобное. Но комбайнами нельзя, – пласты малой толщиной своей не позволяют. Можно только так – вручную. И выработка оттого на одного шахтёра в забое составляет где-то около 15 тонн в смену. Но и того угля, что можно добыть вручную, хватит шахте от силы года на три. Бу-

дущее «Южной» видится в разработке нового поля. Здесь уже будет возможно применение комбайнов. И, соответственно, выработка в забое на одного шахтёра значительно увеличится. Пока же за 11 месяцев 1990 года шахта «минусует» в добыче. Учитывая местные условия, плановики шахты снизили план добычи на первый квартал 1991 года на 10 процентов по сравнению с планом первого квартала 1990 года, но правительство его не утвердило. Где хочешь, там и бери недостающее. Совсем как при Сталине получается: купи хозяин плохонькой коровки масло у кулака и сдай государству положенное.

А тут ещё «табачные бунты». Накануне Нового года шахтёры сутки бездействовали в ожидании табака. Администрации заранее следовало бы изыскать возможности предотвращения нарастающего конфликта. Ведь заботу о жизнеобеспечении рабочих предприятий сейчас модно считать кровавым делом самих предприятий. Вынужденные изыскивать товары для собственных нужд по всему свету, шахтёры превращаются в купцов, отрывая на то от основного дела время и силы. Жаловаться не на кого. Это и есть зачатки рыночных отношений, которых мы боимся и которых жаждем.

Куда ни взгляни – повсюду проблемы. Шахта и по сей день не имеет своего счёта в банке и за каждым рублём идёт на поклон в объединение «Северокубассуголь», что сковывает самостоятельность, заглушает предприимчивость и инициативу рабочих. Для разработки будущего поля Минуглепромом запланировано отпустить шахте 5 миллионов рублей. Но уже сформированы договорные цены строительных организаций. Они выше прежних в три раза. Выделят ли шахте 15 миллионов – на этот вопрос ответить затруднительно даже руководителям Минуглепрома.

Сейчас, по мнению директора, шахте выгоднее продолжать работать в объединении и иметь централизованное

снабжение, а там видно будет. Почему? Допустим, лесоматериалы в шахте – это 40 процентов всех затрат. Поставщикам леса уголь не нужен. Какие сделки напрямую можно с ними заключить? Как и где своими силами достанешь горнодобывающее оборудование? На какие средства решать социальные вопросы?

Сейчас на «Южной», по словам заместителя директора по производству В. В. Юминова, на каждом участке работает в смену по одной бригаде. При наличии людей можно было бы запустить новые лавы, ликвидировать долг и, вполне вероятно, добиться сверхплановой добычи угля, а значит, и получить столь необходимые для социального развития средства. Но из-за низкой оплаты труда люди в шахту не идут. Льготного пенсионного стажа как компенсации за тяжёлый, опасный труд под землёй, для них маловато. Так что же, нам иностранцев приглашать в свои шахты? Но ведь они же с нас столько сдерут!..

Как манны небесной, ждут на шахте установления новой государственной цены на уголь. С нею связано очень много. Она поможет урегулировать трудные вопросы, возникающие в производстве. И даже аренда отдельных участков на шахте, на которую согласны шахтёры и которая обязательно принесёт ощутимую добавку к добыче угля, целиком и полностью зависит от этой цены. Шахтёры согласны на аренду, шахтёры хотят работать в своей шахте, жить обеспеченно и спокойно. И задача государства – пойти им навстречу.

Хотелось бы отметить здесь: то, что волнует коллектив шахты «Южная», в той или иной мере затрагивает и другие шахты Берёзовского, а значит и всей России.

1991 год.

ЭТО КАСАЕТСЯ КАЖДОГО

Забастовка 1991 года, пожалуй, самая большая по продолжительности и охвату населения из всех проводившихся в СССР забастовок после 1917 года. Число предприятий, принявших в ней участие, ещё ни о чём не говорит, потому что никто не подсчитает, какое количество человек работает на них и сколько ещё людей поддерживает бастующих морально и материально. Их много, они повсюду. Но только шахтёры оказались смелыми инициаторами выражения недоверия правительству и существующему в стране строю, и только шахтёры нашли в себе силы открыто отстаивать свои убеждения. В этом их заслуга, и немалая.

В нашем городе шахта «Первомайская» бастует уже месяц. Уже правительство принимает к исполнению экономические требования шахтёров. Уже бы им, успокоившись, и приступить к работе, они же, не удовлетворённые уступками правительства, продолжают бастовать. Пытаясь выяснить, что думают люди, работающие на шахте, о проводимой забастовке, я встретился с Олегом Фамильцевым и его женой у него на квартире. Олег работает на шахте «Первомайская» электрослесарем по обслуживанию подземного оборудования.

— Олег, я был на бастующих шахтах города. Видел, как парни, привыкшие вкалывать, изнывают от безделья. Их уже не прельщают видики, сон и продолжительное общение друг с другом. Они устали ничего не делать. А ты не устал бастовать?

— «Устал» — не то определение, хотя к нашему случаю и оно подходит. Устал я не от забастовки, а от произошедшего со всеми нами. Хотя шахта не работает, я без дела не сижу, потому что нахожусь в аварийной службе безопасности и посменно работаю. Надзор ежесменно спускается под землю, следит за состоянием лав. Мы же, электрики, должны обеспе-

чить надёжную работу всего оборудования после окончания забастовки. Потому и обязаны следить за его состоянием во время вынужденного простоя.

— Вам за вашу работу выплачивают деньги?

— В марте обещали закрыть тариф. Пока квитков о начислении зарплаты на руки не выдавали. Так что не знаю, что получу.

— Правительство пошло на уступки шахтёрам по экономическим вопросам. Поэтапно, в течение года-двух, все их требования будут выполнены. Своей забастовкой шахтёры добились определённых для себя льгот, выполнение же политических требований сейчас, по уверению М. С. Горбачёва, и противозаконно, и лишено смысла. Почему же вы не приступаете к работе?

— Недавно на шахте выступал В. Голиков. Он говорил, что надо забастовку продолжить ещё хотя бы дней на десять. Шахтёры научены 1989 годом. Тогда правительство обмануло их, поэтому надо сначала дожидаться от него гарантий выполнения обещанного, и ещё отмены миллионной штрафной санкции.

— Значит, шахтёры согласны приступить к работе? Сдерживает их только отсутствие правительственных бумаг?

— Вроде так.

— Но ведь они выдвигали только политические требования, почему скатились до экономических?

— Горбачёв не хочет уходить в отставку, силой его как заставишь? Вообще я с шахтёрами сейчас мало встречаюсь. На смене со своими только.

— Их мнение о забастовке?

— Да сколько людей — столько и мнений. Чтобы все решительно высказывались за продолжение забастовки до победного конца, то есть — отставки Горбачёва и союзного правительства, — теперь этого уже нет. Да и если подумать: уйдёт он, лучше что ли кто на его место придёт?

— Вы испытываете материальные трудности?

— Деньги пока есть, да и к тому же работаем оба.

— Тамара, а где вы работаете?

— Там же, где и муж, на шахте «Первомайская».

— Интересно. Объясните тогда, пожалуйста, вы вроде независимы материально от проводимой забастовки, ущерба особого она не должна вам причинить, но вы сами за то, чтобы шахтёры продолжали забастовку?

— Да. И многие из тех, кто ещё колебался в своих убеждениях, после второго апреля, после повышения цен, встал на сторону шахтёров, – экономические уступки нам не помогут. Государство даст рубль, а заберёт два. Да и на то, что имеешь, в магазинах ничего не купишь. Нет, так дальше жить нельзя. Мы все это понимаем.

— Но если не будете работать, то ещё хуже будет. Наша промышленность без угля развалится. Кто нам будет производить товары, откуда возьмут продукты крестьяне, если вы им сорвёте в этом году все работы?

— Не надо, – отвечает за жену Олег, – во время забастовки шахтёров в Англии Маргарет Тэтчер закупала для промышленности за границей на золото уголь. И наше правительство делает то же. Да ты что же, считаешь, что шахты совсем прекратили отгрузку угля?

— Да нет, есть сведения, что отгружают помаленьку.

— Вот этого пока нашей промышленности и хватает.

— Тамара, вы с другими женщинами общаетесь больше, чем ваш муж с шахтёрами, и вы в основном ведаете домашним хозяйством. Ответьте, пожалуйста, на вопрос: неужели затянувшаяся забастовка никак не отражается на благополучии семей бастующих?

— Чего там, уже многие тратят последние сбережения, звонят в стачком, просят помощи.

— И им помогают?

— Остро нуждающимся. Самолёт прилетел из Осетии с помощью: тушёнка, сгущёнка, соки. Да ещё сапоги кирзовые с телогрейками в придачу. До шахтёров тушёнка со сгущённой почему-то не дошли, а вот кирзачи с ватниками нам предложили. Которые похозяйственнее, разобрали. Пригодятся, глядишь, после забастовки-то.

...Ковёр во всю стену, большой ковёр на полу, цветной телевизор на полке полированной стенки шкафа, хорошенькая жена, утонувшая в кресле. По уверенным жестам Олега можно судить, что он доволен собой, своим положением. Он привык к спокойной, ритмичной жизни: работа, дом, досуг. И в досуге обязательно песни. Он их сам сочиняет и поёт. И не только жене поёт – людям тоже нравится. Бард, признанный в Кузбассе. Конечно же, он, как и все, каким-то образом противился отрицательным явлениям застойного периода, но именно в этот период он сформировался как человек, связал с этим периодом свои мечты, свой внутренний мир. И вот надо же: от этого всего теперь надо отказываться. Получается, что насильно, против воли, выдёргивают человека из засосавшей его тины болота, в котором, – и понимая, что это опасно, – он, может быть, и хотел бы ещё посидеть, порассуждать, сравнить и определиться окончательно, где же ему лучше будет – на твёрдой, сухой почве или вот здесь, в чавкающем уютно болотце, во взвешенном состоянии, где ноги бы хотели иметь опору, да нет её, где можно дышать, лишь судорожно цепляясь за ускользающую из пальцев траву...

История не стоит на месте, и новый виток её требует от всех без исключения людей участия в совершающихся в мире событиях. Перемены необходимы, нужно побуждать правительство к принятию соответствующих мер. Забастовкой ли, законодательно, либо другим каким образом, но обязатель-

но соизмеряя цель и средства, не теряя рассудка, потому что принцип «цель оправдывает средства» всегда приводил к печальным и даже трагическим результатам.

Апрель 1991 года.

ОВЁС ВМЕСТО ТЕПЛА

В начале отопительного сезона обыкновенно страдают от недостатка тепла жители всех районов Берёзовского. И то, что в течение месяца не хватало тепла жителям посёлка шахты «Южная», особенного беспокойства у администрации города не вызвало. Но, чтобы прекратить поток жалоб в свой адрес, В. Н. Жовторипенко, заместитель главы администрации Берёзовского, 21 октября вызвал представителей концерна «Северокузбассуголь», УКК и ТС города и вместе с ними поехал на шахту «Южная». Надо было лично разбираться на месте, что же происходит с теплом, подаваемым котельной шахты на бойлерную посёлка и оттуда в жилой массив.

Котельная на шахте старая, как и сама шахта. Работают там на последнем издыхании два котла. Для того, чтобы весь пар, вырабатываемый котлами, не уходил в бойлерную, и его хватало бы и на собственные нужды, тепловики установили дроссельную шайбу после задвижки на паропроводе, подающем пар в бойлерную. Длина паропровода от котельной до бойлерной всего 150 метров. На нём у входа в бойлерную врезана расходомерная шайба, учитывающая расход пара, поступающего в бойлерную для подогрева воды, подаваемой в посёлок в качестве теплоносителя. В самой бойлерной установлена отключающая паропровод от бойлерной задвижка. Возникает вопрос: почему давление пара в 1,2 атмосферы,

прошедшего такой малый промежуток пространства, теряет-ся на целую атмосферу? Куда, кроме ответвления на собственные нужды, может деваться пар? Главный инженер УКК и ТС Трушков и сопровождавшие его специалисты по теплу для того и приехали в бойлерную, чтобы ответить на этот вопрос.

У входа в бойлерную на эстакаде был обнаружен отглу-щённый с одной стороны трубопровод, по которому, похоже, раньше уходил отработавший в бойлерах пар. Сейчас он заме-нён на новый, но сечением поменьше. Может из-за изменения сечения трубопровода отработанному пару не хватает усилий вернуться в котельную и он, сконденсировавшись, водяным столбом подпирает поступающий в бойлерную пар? А может быть всё дело в задвижке? Ведь бывает же такое: западут за-порные щёчки у задвижки наполовину, а то и больше, и нет доступа пара в нужном количестве. Верить же показаниям регистрирующих приборов, установленных на щитах управ-ления в бойлерной, не приходится.

Посудите сами: разве может быть температура воды, по-даваемой на отопление в посёлок, на 5-7 градусов ниже тем-пературы воды, возвращающейся оттуда и уже отдавшей там потребителю основную часть своего тепла? Не может. А вот термомприборы на щите показывают такое. И согласно этим показаниям в течение месяца отопительного сезона в вахтен-ном журнале об этом уникальном случае имеются неоднократ-ные записи. И, кстати, это не ошибка дежурного. Показания приборов на щите соответствовали отмеченному в журнале.

В бойлерной не работает и установка химводоочистки из-за незаконченности монтажа. Сейчас необработанная вода из скважин с помощью подпиточного насоса подаётся в водопроводные сети для восполнения потерь, происходя-щих в результате открытого горячего водоразбора. Предна-значение того отглушённого с одной стороны трубопровода

до настоящего момента не может определить даже ответственный по бойлерной.

В чём заключалась суть подготовки к отопительному сезону в пределах бойлерной, помимо бетонирования полов и окраски бойлеров, комиссией в результате осмотра и собеседования установлено не было.

Единственное, что обнаружено хорошего сейчас там, — это большие бурты овса в производственных помещениях бойлерной. Овёс предназначен для реализации среди имеющих скот жителей посёлка. Если бы можно было, как и овёс, таскать тепло вёдрами, то люди непременно воспользовались бы этой возможностью, но увы...

И ещё хотелось отметить одну сторону бытия бойлерной: как и на центральных котельных, здесь тоже со вкусом отделаны бытовые помещения и пульт управления, что свидетельствует о возросшей заинтересованности руководства УКК и ТС в улучшении социального обустройства рабочих мест трудящихся. Это хорошо, конечно, и похвально. Но ведь главное предназначение бойлерной заключается не в распродаже населению овса и не в отделке стен его здания барельефами Пизанской башни.

1992 год.

СТУДИЯ «ПЛЮС»

12 апреля на отчётном концерте вокальной студии «Плюс», я сделал для себя приятное открытие: в нашем промышленном городке дети могут развиваться, оказывается, не хуже столичных сверстников.

Вот они, наши берёзовские ребяташки, мастерски поют и танцуют на сцене целый час, удерживая всё это время моё вни-

мание. Я заинтересованно слежу за выступлением каждого из участников, будто попал на выездной концерт знаменитых артистов. Общее впечатление о состоявшемся концерте: прекрасно!

Прекрасно, что у нас есть такие дети; прекрасно, что мы, взрослые, даём возможность им проявить свои способности; прекрасно, что даже при общем беспорядке и хаосе, охватившем нашу жизнь, мы находим в себе силы и время позаботиться о будущем наших детей.

Проникновенно, с любовью и гордостью за наш город дети пропели вальс о Берёзовском, о том, что надо нам всегда быть вместе. «Нарисую паровоз и пароход!..» – скандировали вслед за Дашей Рейх юные зрители слова эмоциональной песни. А как бойко отплясали своего «Альбиноса» Анюта Сафоненко и Белла Милешина! С какой взрослой грустью поведал нам пятиклассник Виталий Фефелов о том, что расцвела сирень-черёмуха на его несчастье и беду. «Майская метель» в исполнении Сергея Калмыкова не моё одно сердце затронула. Дима Фамильцев очень энергично пропел о том, что нам надо для похода и вообще, как это здорово отправиться в поход с папашкой! Песни Юли Рыбьяковой, Ирины Муравлёвой, Татьяны Леконцевой и Жени Аликиной – все хороши! Песню «Свет звезды» вместе с руководителем вокальной студии «Плюс» Мариной Владимировной Юзвяк исполнил Олег Валентинович Фамильцев, местный бард, поэт и композитор. Кстати, он автор 11 песен из 18 представленных на концерте.

В награду за доставленное удовольствие участникам концерта были преподнесены торты. Со сладкими и красивыми призами юные артисты «расправлялись» после концерта в центре творчества детей и молодёжи. Там мне удалось поговорить с детьми.

— Ты давно уже занимаешься в студии? – спрашиваю у Сергея Калмыкова, стеснительного паренька, который так и норовит сбежать со «званного обеда».

— Нет, сначала ходил сюда года два, а потом перестал. Теперь снова занимаюсь. Марина Владимировна уговорила.

— Тебе нравится петь?

— Да.

Диме Фамильцеву тоже нравится петь, а «притащил» его сюда папа. Папа вообще такой, что его нельзя слушаться. Вот если бы мама...

Виталий Фефелов – солист постарше. Измазанные кремом от торта щёки и губы его наглядно свидетельствуют, что он давно уже обвыкся со здешними порядками, его окружают хорошие люди, бояться ему некого, и вообще он чувствует себя здесь совсем как дома.

Всем мальчишкам в студии интересно и весело. Они могут здесь под руководством опытного наставника, развивая голосовые связки, «горлопанить», без боязни получить за это от кого-то затрещину по загривку. Музыкальный «шум» для них ещё не стал профессией и, возможно, не станет, но он увлёк их настолько, что дети предпочитают теперь двору и улице серьёзные занятия вокалом. Пением, то есть.

Девчонки же, считай все, стремятся в артистки. Ира Муравлёва, Таня Леконцева, Юля Рыбьякова, Женя Аликина и другие, помладше, связывают своё будущее непосредственно с музыкой и сценой. Для них студия – подготовка к прыжку в будущее. Даша Рейх уже решила, что по окончании школы поступит в институт Гнесиных в Москве. И поступит. С её-то голосом и трудолюбием!

Большинство ребят, помимо студии, занимаются в музыкальной школе и танцевальных кружках. Официально относясь к своим занятиям, они в то же время чувствуют и очень ценят дружелюбную, семейную атмосферу, созданную в их маленьком коллективе усилиями руководителя М. В. Юзвяк. Она для них вторая мама. Дети любят бывать в студии

«Плюс» и не представляют, как это можно – жить без музыки.

Как появилась эта студия? Рассказывает Марина Владимировна Юзвяк:

— Когда я перешла работать в Дом пионеров, для занятий музыкой набирала детей в классах. В 1988-89 годах из моих воспитанников образовалась вокальная группа «Радуга». В неё входило 8-9 человек. Наиболее талантливая из них – Лариса Приходько, сейчас она в деревне ведёт кружок, хочет поступать в институт культуры. Эти дети – моё первое поколение. Второе – Рейх, Аликина, Леконцева и другие сегодняшние восьмиклассники. Эти девочки пришли ко мне целым классом, когда ещё были первоклассниками. С тех пор и занимаюсь с ними. Пришлось много поработать. Я долго доказывала необходимость проведения индивидуального обучения детей. Года три назад получила такое разрешение. Приходит один ребёнок – занимаюсь с ним вокалом. Через тридцать минут – второй. И с ним отдельно занимаемся. Дети, отзанимавшись, могут уйти домой, но они не хотят уходить, остаются и слушают, как другие поют. Сегодня я работаю со всеми детьми как с солистами, у каждого есть своя песня. У меня 25 ребят. Разучиваем с каждым по одной песне в год.

Даша Рейх ходит в студию 7 лет. Запела с третьего класса. Серёжа Калмыков ходил с Дашей с первого класса два года, но затем посчитал, что пением несерьёзно заниматься, и бросил. Теперь вот вернулся, но время упущено. Многое забыто, и снова занимаемся теперь постановкой голоса, манерами поведения на сцене. Виталию Фефелова привёла к нам мама, сказав, что он хочет петь. Прослушала – голос ничем особенно не отличается. Но он очень настойчивый. Упорство, трудолюбие помогли ему овладеть азами музыки, и теперь он запел.

Юля Рыбьякова занимается пятый год, три года просто пела, а теперь голосок проявился – и раскованнее стала, мень-

ше волнуется. Вокал у неё исключительный, умело пользуется голосом, он у неё и без микрофона прекрасно звучит. Очень музыкальная девочка.

Ирине Муравлёвой 14 лет. В прошлом году пришла, самостоятельно выучила песню «Не верю» и попросила прослушать. Это оказалась именно её песня. На концертах раскрывается вся. Эмоциональная девочка. Жаль, что начала заниматься пением поздно.

Женя Аликина ещё маленькой выделялась отличным слухом и хорошим голосом.

Очень жаль, что к нам перестал ходить Рома Тыщенко. Данные у него исключительные. Уже месяц как потерялся: какие-то проблемы с родителями.

Эмоциональная, непосредственная Анютка Сафоненко покоряет всех.

С Дашей Рейх, которая три года подряд участвовала и побеждала в областных конкурсах, мы выезжали в Челябинск, Москву. Она получила предложения участвовать в других конкурсах, в мае приглашают её в Саратов.

Недавно с четырьмя девочками я ездила на конкурс в Мыски, где нам очень понравилось.

Я бы могла рассказать⁸ о своих детях очень много. Мы ежегодно даём по 30-35 концертов в городе. Занятия в студии бесплатные, концерты – тоже. Но на шахте «Первомайская» иногда устраиваем платные концерты, недавно провели платный концерт в СПТУ-18. Плата, конечно, чисто символическая, но на костюм с одного концерта мы уже себе зарабатываем.

По воскресеньям мы собираемся все вместе, разучиваем общие песни, выступаем... Так что у нас воскресенье – самый что ни на есть рабочий день. Нам бы ещё аппаратуру более мощную!

Хочется поблагодарить людей, которые помогают мне. Прежде всего – оператора Павла Евгеньевича Кустина, с которым мы организовали студию «Плюс», он технически воплощает все мои идеи. Огромное спасибо Олегу Фамильцеву, ведь больше половины песен, которые с удовольствием исполняют ребята – его песни.

1994 год.

НЕ ВСЁ ЖЕ ВЗРОСЛЫМ!

Действительно, – всё им да им. А у нас, детей, если разобьётся, личная и общественная жизнь бывает много насыщеннее, чем у некоторых взрослых. Взять хотя бы сегодняшний день – 25 января. Взрослые давно уже на всех новогодних праздниках наотмечались. И им бы сейчас только полежать после работы на диванчике перед телевизором. На большее у них уже фантазии не хватит. Иссякла. А мы...

25 января нами, детьми Берёзовского у лыжной базы было решено провести массовые городские соревнования по лыжным гонкам среди старших групп детских садов. А если массовые – значит, каждый садик должен выставить представителей с мамами, папами и, желательно, с бабушками. При том – самых лучших из тех, кто уже не только отличает стиль классический от конькобежного, но и виртуозно владеет обоими. В смысле – не бабушки владеют, а детки. Не беда, если парочки таких супер-спортсменов в старших группах садика хватать не будет: можно кого-то из воспитателей или заведующую подпрячь в сборную. Эти взрослые особы будут польщены детским вниманием. Разобраться если, – их хлебом не корми, дай только пообщаться подольше с детишками. Вот и пусть

общаются на лыжне. И тоже бегают, не за зря чтобы, очки для своей сборной зарабатывают.

25 января день оказался прекрасным. С утра прямо влагой из лесу повеяло. Совсем, как будто, весною запахло. Собралось нас, спортсменов, у базы много. По словам дяди Гирсова, главного комментатора соревнований, – 135 человек. Не считая взрослых. Их было раза в четыре больше, чем детей. Зрители, болельщики – что с ними поделаешь? В общем, со стороны если посмотреть, многолюдным было спортивное сборище и красочным. Каждый детсад шёл со своей эмблемой. Только по этим эмблемам и можно было различить впоследствии участников сборных команд, сразу же после судейского свистка включившихся в яростную спортивную борьбу за первое место.

250 метров – дистанция для шестилеток огромная, но её обязательно надо было пройти. И это оказалось не так легко, как папы с мамами уверяли. Ведь с первых же метров лыжи старались заплести хозяину ноги, а палки больно били по рукам, и если упал от чьёго-то тычка в спину – теряешь все шансы на выигрыш. Потому что дети объезжать упавшего привычки не имеют, и очень часто на ликвидацию образовавшегося на лыжне затора из тел спортсменов бросались болельщики и взрослые наставники.

За 30 минут юным спортсменам удалось преодолеть заявленную дистанцию, и каждый из них получил персональное поощрение от ещё не растаявшего деда Мороза и большую шоколадку в качестве презента. Тот из спортсменов, кто решился на повторный забег и тоже преодолел дистанцию в 250 метров, получил ещё по одной шоколадке и поцелуй от Снегурочки.

При раздаче призов взрослые участники соревнований и болельщики были по финансовым причинам обойдены вниманием. Но во время развернувшегося после соревнований

прямо на свежем воздухе чаепития родственники детишек полностью исправили эту судейскую ошибку.

Проведённые соревнования чемпиона города не выявили. Все участники оказались на должной высоте. Да они же, если разобратся, все вместе и финишировали!

После чаепития отдохнувшие спортсмены выразили желание в следующее воскресение на этой же лыжне продолжить спортивную борьбу – но уже не между собою, а против своих нап. Чтобы не мёрзли те в ожидании своих бесценных созданий на финише.

1995 год.

ПЕРИОД ДЫРЯВОЙ КРЫШИ

Общежитие №7 бывшего треста «Берёзовскшахтострой», расположенное по улице Волкова 1, знают многие горожане, так как в пристройке к нему с незапамятных времён работает пельменная – единственный пункт общественного питания в этом районе. В редакцию поступила жалоба от одного из жильцов общежития на антисанитарное состояние сдаваемого ему внаём помещения, а также предложение провести рейд по комнатам, находящимся в подобном его жилищному состоянию.

Выбрав удобное время, а оно у меня обычно совпадает с окончанием рабочего дня после получения на руки своей дочки из детсадика «Уголёк», я захожу в это общежитие. Комendant болеет по заверению вахтёрши уже с недельку. Больше всего жалоб на подмоченные потолки от жильцов пятого этажа. Комната №67. Проживает в ней В. Б. Коршунов с 1991 года. «Всё это время протекает крыша», – говорит он. Отва-

ливается штукатурка, сверху безнадёжно свисают полотнища поблёкших от влаги обоев. Чёрная паутина плесени расплзлась по углам комнаты. Делать косметический ремонт, по его убеждению, нет никакого смысла. Пробовал. Как считает жилец, вода льётся с крыши потому, что неправильно сделан желобок, отводящий воду с крыши на улицу. По всей видимости, уклон желобка не очень крутой, поэтому вода и расплывается по плитам потолка.

Что такое желобок и как он действует, мне не удалось установить, имея на руках дочку, но я сомневаюсь в том, что вся причина сырости в комнате – желобок. Ведь комнат таких же сырых набирается в общежитии только на пятом этаже едва ли не половина. Вода сочится на мебель, ковры. Гнилостный, опасный для всего живого грибок беспрепятственно распространяется по всей комнате. Сырость перемалывает его зубами подоконники, полы, вещи и здоровье живущих здесь людей.

Дети – в основном в каждой затопляемой комнате живёт от одного до двух и даже до трёх малышей – очень часто болеют. Аллергия на сырость проявляется болячками на их телах, бронхиальная астма сбивает дыхание, всевозможные ОРЗ с высокой температурой надолго укладывают их в постели. Да, таков перечень болезней, которыми награждает общежитие даже младенцев, ещё не выкабавшихся из пелёнок.

Чтобы не быть голословным, привожу номера комнат, в которых мне удалось побывать. И собственными глазами рассмотреть эту сырость. И вдохнуть затхлый воздух, которым вынуждены жильцы дышать годами, и от которого не то, что бронхиальная астма, но и туберкулёз гарантированы. Пятый этаж, комната №72, проживает в ней А. А. Мороз – стены и потолок сырые; 4 этаж, комната №57 – Г. Б. Зуева, комната №52 – В. А. Усова, комната №56 – Л. П. Савонина, комната №51 – Н. И. Ермоленко, комната № 53 – Н. В. Жукова. И на

третьем этаже (в комнате №39 и других), как и на втором и даже на первом этаже (комната №6 и №7), вода сочится сверху по стенам внутренним и наружным, и ничего с ней сделать жильцы не в состоянии.

Живущим на первом этаже создают дискомфорт помимо воды, поступающей сверху, также сырость, запахи и комары (летом в большом количестве), поднимающиеся из подвала. Полы на первом этаже в коридоре и комнатах прогнили и проваливаются. Совсем недавно, 31 декабря, новогодним сюрпризом жильцам явилось затопление их комнат канализационными стоками.

Вода каплет с лампочек и дверных косяков, течёт по верху труб. Кастрюльки, баночки, тарелки, тазы и прочая посуда, приспособлены для сбора «паводковых» вод, проникающих даже на постели. Продолжается это уже восемь лет. Внутри комнат некоторые жильцы, у кого есть дети, борются с сыростью при помощи постоянно включаемых электронагревательных приборов, снаружи – иные смельчаки сбрасывают снег с крыши над своими комнатами. Но лазание по крыше сопряжено с опасностью, не оплачивается, происходит изредка и в чисто индивидуальном порядке.

Эпидемстанцию на предмет обнаружения антисанитарии в общежитие не заманишь. А ведь стоимость проживания в комнате для работника, не родственного строителям предприятия, составляет 240 тысяч рублей в месяц. Сумма – дай боже, если учесть, что люди губят здесь своё здоровье.

Начальник УКХ бывшего треста «Берёзовскшахтострой» Л. А. Кривошеева на мой вопрос, почему в общежитии №7 много лет протекает крыша, отвечает: «Может быть, крыша и протекала восемь лет, но я-то работаю в этой должности всего два года (хорош ответ, как тут придерёшься, но почему ты на эту крышу никак не реагировала в течении двух лет сво-

его начальствования?). Почему задерживается ремонт кровли, не знаю (А надо бы знать! – вроде бы, как начальнику.). В 1993 году на ремонт отопления общежития нами затрачено 7 миллионов рублей, в текущем году летом планируется ремонт кровли. Деньги на это должны нам выделить предприятия, рабочие которых проживают в общежитии».

Так что в скором будущем есть всё-таки надежда у жильцов обрести наконец-то непромокаемую крышу над головой. И тогда им можно будет без опасения производить капитальный ремонт своих комнат за свой счёт, приобретать мебель и вещи взамен сгнивших, и набираться здоровья в санаториях и на курортах до следующего разрушительного воздействия природы.

У меня остаётся единственный вопрос: почему же эксплуатационники не замечали прохудившейся крыши в течение восьми лет подряда, и кому теперь предъявлять счёт тому младенцу за подхваченный им хронический бронхит или воспаление лёгких в этот затянувшийся период дырявой крыши?

Апрель 1994 года.

«КОРОВА БЕЗ КЛИЧКИ – МЯСО...»

Есть такая пословица в обиходе русского народа. Не знаю, как раньше, но теперь очень правильная получается пословица. Своего рода индульгенция на отпущение грехов некоторым.

Коровы, самостоятельно добывающие себе пропитание летом в окрестностях Берёзовского, являются сейчас объектом внимания преступников, без зазрения совести наживающихся на чужом добре. Нет ничего проще для таких «охотников», чем подарить себе гору мяса – накинь только на шею доверчивой скотине верёвку и она безропотно пойдёт к укром-

ному месту своей гибели. Убить её, содрать шкуру, расчленив тушу и побросать куски мяса в заранее подготовленную машину – всё это занимает мало времени. Для проведения подобных акций душегубы обыкновенно выбирают в тайге места безлюдные и потому в основном не «засвечиваются».

Возможность безопасной добычи мяса вдохновляет их на повторение своих подвигов. У владельцев коров Берёзовского, а также прилегающих к нему деревень, по официальным данным милиции, в 1994 году с мая по ноябрь неизвестными было уничтожено 16 коров. В текущем году только за май – две. Из заявленных в этом и прошлом году случаев раскрыты только три, по которым выявлено 10 преступников. Кто-то из них получил от двух до трёх лет отсидки, кому оказалась достаточной условная мера наказания либо денежный штраф. Слабое наказание? Конечно.

Помню, как летом 1994 года я ходил с соседкой Пахомовой Ольгой Васильевной в поисках её тёлки по таёжным коровьим выпасам вокруг города вплоть до Бердовки. У старенькой женщины болящая нога, много ходить не может. Но жалко корову. Искать её надо, а кроме Ольги Васильевны в семье заниматься розысками животного больше некому.

На каждую полянку заглядывали мы, обошли все дуга и пастбища в надежде встретить тёлку, забывшую дорогу домой. До поздней ночи выкрикивала Ольга Васильевна в жаркое пространство: «Красотка! Красотка!» И в каждой стоящей в отдалении и жующей траву корове виделась нам эта Красотка. Но мы так и не нашли даже головы, ног, шкуры – останков, без которых получение 100 тысяч рублей страховки от страховой кампании становится проблематичным. Уже вторую корову за последние 10 лет не вернула тайга хозяйке.

Когда в прошлом году поймали в ГРП с поличным семейных убийц коровы одного из жителей Вотиновки, все жители

посёлка, потерявшие в недалёком прошлом скотину (до 30 человек), подали заявления в милицию востребовать с бандитов стоимость пропажи. И как жаль, что этого сделать нельзя, ответят они только за одну корову.

И вот снова известие: в Дмитриевке в начале мая у двух живущих здесь летом хозяев неизвестные злоумышленники забили коров. Разговариваю с одним из потерпевших, М. В. Ворониным. Он рассказывает:

— 73 год пошёл мне. Стар я стал содержать коровку. Не по силам уже корма заготавливать. Держал зиму – надеялся на то, что летом молочка попою вволю напоследок, а там, к осени, и продал бы её кому-нибудь. Да не вышло. Обидно. И жалко корову, молодая ещё была. Пусть бы жила и молоком всех одаривала. Ведь я её вырастил, выкормил, заботился о ней. И она меня не раз выручала. Какая у нас пенсия со старухой?! Если же корова есть на дворе, еда всегда на столе будет. Так вот и перебывались мы втроём, а теперь как будем жить – и не знаю.

Михаил Фомич Воронин – участник войны, защитник Ленинграда, имеет ранения, видит плохо, можно сказать совсем не видит, но передвигается ещё с уверенностью. Независим в суждениях.

Отец его привёз свою семью из Белоруссии на Нижний Барзас ещё в 20-х годах. Там и жили до 1933 года, пока колхозы не стали образовываться. В 1933 году переехала семья в Дмитриевку. В колхозе «Новый путь» отец Воронина всю жизнь отработал конюхом, пасечником. Дмитриевка по тем временам была большая: магазин, школа, – не то, что на Нижнем Барзасе.

До войны и после неё долго жил в Дмитриевке Михаил Фомич. Помнит, какие здесь были порядки и удивляется:

— Случалось иной раз, что животину задерёт в лесу зверь, но чтобы злой человек – никогда! Для еды хватало в тайге лосей, медведей, зайцев и глухарей. Даже в войну, в пе-

риод нехватки продуктов, никто не посягал на жизнь коровы. Не брал грех на свою душу. Отнять у кого-то единственную кормилицу считалось тогда верхом бесстыдства, святотатством, совершить которое не решались даже убежавшие из лагерей заключённые...

Сейчас же совсем другое время и другая политическая обстановка. Каждый в стране может открывать придорожные закусочные, беляшные и шашлычные. На рынках горожане покупают свежее мясо. И мы не задаёмся вопросом: каким образом отваренный или аппетитно зажаренный кусочек мяса очутился на шампуре или на дне вместительной кастрюли. Нам бы утолить голод, а владельцу мяса – получить прибыль. Ему без разницы, у кого покупать мясо, – для него важно, чтобы оно было свежее и документы на него были в порядке.

Такая вот схема прослеживается в наших соприкосновениях с мясом. Выискивание источников поставки свежего мяса – проблема владельцев организованных ими общепитовских точек. И они решают эту проблему кто честным, а кто и противозаконным способами. Именно поэтому хозяева вынуждены водить своих бурёнок по лугам Нижнего Барзаса или Арсентьевки на верёвочках, словно козочек. И вместе с коровами в поисках сочного разнотравья прочёсывать густо заселённые комарами таёжные заросли.

В Дмитриевке жители пасут своих коров теперь подворно, то есть сегодня один хозяин, завтра – второй. И так по очереди. Воронины эту новую для сельчан повинность не отбывают по состоянию здоровья. Рога и копыта убитой коровы им тоже не надобны, потому что не застраховали они свою кормилицу из-за отсутствия средств.

1996 год.

ТЫ СДАЛ СВОЙ ДОЛЛАР ДЛЯ ВЪЕЗДА В РАЙ?

Из кинофильма прошлых лет запомнилась мне сцена: на втором этаже конторы «Потребсоюза» председатель по телефону кричит, надрывается, вызывая своего возчика, который находится в конюшне на первом этаже этого же здания. Минут пять пытается он дозвониться до абонента, затем в сердцах бросает трубку на аппарат и, по пояс высуновшись из окна, обычным голосом приказывает зевающему под установленным в конюшне телефоном Никите срочно закладывать дрожки, потому что ему сей момент надо уже быть в городе.

Нельзя сказать, что телефонизация в Берёзовском находится на вышеописанном уровне: технический прогресс заставил шагнуть далеко вперёд и телефонную связь. Но и сейчас случается порою, что, не дозвонившись после многократных попыток до абонента, находящегося на другом конце города, приходится на перекладных добираться к нему, чтобы утрясти вопрос, для решения которого по телефону достаточно было бы одной минуты. В другой же город в рабочий день с утра дозвониться стало теперь почти невозможно.

И всё же телефон нужен. Это ведь очень удобная штука. Без него человеку на данном этапе развития уже не обойтись. Березовчанам – тоже.

Наша телефонная станция обслуживает 5100 абонентов. На первое июля 1993 года в узле связи скопилось уже около 4 тысяч заявлений от желающих установить телефоны в своих домах и квартирах. С отсутствием какой-нибудь сантехники они ещё готовы мириться, а вот если нет телефона... Но местная АТС ввиду того, что она уже давным-давно устарела, запросы горожан ни по качеству обслуживания, ни по возмож-

ности расширения для подключения лиц, желающих иметь свой телефон, удовлетворить не может.

В связи с этим глава администрации города А. Я. Панасенко рассмотрел предложение итальянской торговой фирмы «Италтел» по установке в Берёзовском автоматической электронной телефонной станции на 12 тысяч номеров. Эта фирма успела зарекомендовать себя в Кузбассе: в 9 городах области уже ведётся строительство телефонных станций по проектам итальянцев и с привлечением их современного оборудования. Помимо итальянцев телефонизировать Кузбасс подрядились ещё бельгийцы и хорваты, которых сравнивать с итальянцами, право же, не стоит, хотя бы потому, что у итальянцев совершенно другой подход к оплате своих услуг. Для завоевания рынка они готовы пойти на некоторый риск: оплату всех расходов по установке станции (2 миллиона 800 тысяч долларов) фирма «Италтел» согласна производить в три этапа. Первые 40 процентов – это составит 1 миллион 120 тысяч долларов – мы должны заплатить итальянцам после того, как они привезут в Берёзовский всё своё оборудование. Следующие 40 процентов стоимости станции город должен внести после пуска её в эксплуатацию. Оставшиеся 20 процентов – после шести месяцев безупречной работы зарубежного оборудования в российских условиях. Безотказность же его работы итальянцы гарантируют в течение 12 месяцев.

Что принесёт с собой в наш город итальянская телефонная станция? Во-первых, расходы. Телефоны, накручивать диск которых порой приходится до бесконечности, из употребления выйдут. Их заменят кнопочными, электронными. На связь с абонентом можно будет выйти за пару секунд. За такую экономию личного времени придётся раскошелиться.

Во-вторых, будут уравнены в обслуживании все абоненты города. Введётся индивидуальный повременный учёт поль-

зования телефонами. Вероятно, это более справедливо: ведь кое-кто из нас очень любит поговорить в трубку. И большая часть активной жизни такого человека проходит между телефонами. А кому-то достаточно на телефонные разговоры затратить всего пять часов в месяц. Платить же приходится одинаково обоим. Разве это правильно?

С вводом новой телефонной станции наш город обретёт связь по телексу и телефаксу. Компьютерная схема намного упростит обслуживание станции. Междугородные переговоры теперь можно будет вести практически из любой телефонной точки.

Ко всему прочему, эта станция позволяет через спутники выйти на сотовую связь (радиотелефон). Это значит, что теперь и у березовчан появится возможность, возвращаясь, допустим, из Гагр, оповестить заблаговременно о своём прибытии находящуюся дома любимую супругу для предупреждения нежелательных эксцессов. Да и охотнику с радиотелефоном за пазухой практически будет невозможно заблудиться в Барзасской тайге, находясь на постоянном «крючке» всё той же супруги.

Исходя из этого, да и не только этого, администрация нашего города всегда придавала серьёзное значение телефонной связи. Глава администрации Александр Яковлевич Панасенко в течение двух лет на разных уровнях зондировал возможности решения вопроса о реконструкции АТС. И только в середине 1993 года ему удалось выйти на итальянских специалистов. Переговоры с представителями фирмы «Италтел» велись пять месяцев. 23 ноября 1993 года они завершились подписанием контракта с фирмой на поставку и установку в Берёзовском электронной телефонной станции. Завезти оборудование, смонтировать его в помещениях существующей центральной АТС и опробовать его в работе итальянцы рассчитывают в течение года. То есть уже 24 ноября 1994 года

березовчане хотя бы по телефонной связи в свободной манере станут общаться с неаполитанцами.

В нормальной телефонной связи заинтересованы в городе абсолютно все, поэтому в первую очередь все без исключения горожане должны принять дифференцированное долевое участие в установке новой станции. Для этого администрация открывает отдельный расчётный счёт, на который будут отчисляться средства от предприятий и лиц, нуждающихся в телефонизации своих жилищ.

Существующие телефонные номера подключить должны бы, по уму, к новой АТС бесплатно. Но администрация города в данном случае, учитывая страшную нехватку средств, просит имеющих уже телефонную связь граждан внести на добровольных началах посильный денежный вклад на установку станции. Ведь с её вводом эти граждане обретут массу удобств. Реконструкция АТС будет проводиться и в их интересах. И чем быстрее завершится, тем будет лучше для всего города.

Помимо рублёвого счёта для строительства станции будет открыт ещё и валютный счёт. Так что теперь желающим телефонизироваться «по последнему крику моды» есть куда пристроить свои доллары (если они, конечно, имеются в наличии, а то ведь порою у многих из нас и рублёвая валюта отсутствует). Цена установки телефонного номера для частного лица составит примерно 250 долларов, для предприятий – не менее 300. И это ещё дёшево. Для сравнения могу сообщить, что в Германии сейчас установка телефона частному лицу обходится в 450 долларов.

Электронная станция будет компактна, в существующем узле связи займёт мало места. Практические возможности расширения по мере нарастания численности горожан (абонентов) безграничны: приобретаешь только в Италии новые блоки, подключаешь к ним телефоны и пользуешься. Сейчас оборудование центральной телефонной станции на 5 тысяч номеров занима-

ет в здании узла связи 200 квадратных метров. Итальянская же станция на 12 тысяч номеров разместится на 123 квадратных метрах. В пользу новой АТС говорит и то, что на действующей станции трудится сейчас 22 человека, а новую будут обслуживать только 7 человек. Правда в нашем городе безработица увеличится при этом ещё на 15 человек. Но что поделаешь – прогресс. Не будешь же сейчас пускать в переплавку шагающие экскаваторы для понижения нашей безработицы. Вот запустим новую АТС – займёмся тогда сообща и безработицей.

После монтажа оборудования и наладки станции переключение действующего номера с отечественного оборудования на иностранное современное займёт у специалистов от 30 минут до часа. То есть владельцы телефонов и не заметят, как въедут в «цивилизованный рай».

1993 год.

С УЛЫБКОЙ О СЕРЬЁЗНОМ

Как сейчас помню, прошлой зимой это было. Стою я утром на остановке «улица Волкова» и поджидаю автобус. Мороз придавил к земле воздух и звуки. Находящиеся рядом со мною люди костерят в хвост и гриву автодиспетчера, упрятавшего себя в тепло своей будочки. Автобуса нет и в ближайшее время не будет: предыдущий из-за поломки сошёл с рейса. «С ума бы он сошёл!» – единогласно реагируем мы на равнодушный ответ диспетчера на наш запрос о причине задержки общественного транспорта. Мороз очень раздражает нас всех, вынужденных стоять, коченея-стекленея в затянувшемся ожидании.

Неожиданно снизу, от бетонки, мы видим: к нам, паровозно обдавая себя клубами пара от углубленного дыхания, стал быстро приближаться фривольно одетый мужчина. В

том смысле фривольно, что зимой в мороз у нас коренные сибиряки даже в пиджаках стараются не ходить по городу. А этот – в майке на голое тело, в трико и кроссовках бежит себе, не торопится, да ещё и улыбается. Над нами, наверное, зверюга, издевается! «Псих», – подумал каждый из нас. – «Во даёт!» – подумали мы тоже.

«Морж», – уважительно произнёс кто-то. Мужчина пробежал мимо, не обращая на толпу никакого внимания, мы же долго смотрели ему вслед. Он давно исчез за поворотом у ВГСЧа, а мы всё ещё опомниться не можем – в шоке. Друг друга оглядываем, кто как одет, и, мысленно представляя себя на месте промелькнувшего чудака, животом содрогаемся от холода.

Эта сценка в моём подсознании отпечаталась крепко. Да, оказалось, там и осталась за ненадобностью. Но каково было моё удивление, когда уже нынешней зимой, совсем недавно, дворами пробираясь к месту работы, по выходе из-за угла здания, столкнулся я с почти обнажённой симпатичной женщиной, босиком стоявшей на снегу.

«Муж, поди, выгнал. И босиком. У-у, бессердечный!» – в первое мгновение мелькнула мысль. Но, если разобраться...

«Почти голышом» – это в том смысле, что разве три клочка материи, прикрывавшие интимные части тела, способны были защитить её от холода? Она, проклиная на всю улицу мужа, загубившего её юность, не бежала в сторону милицейского поста. Она просто стояла, вознеся картинно над собою руки ладонями вверх. Я залюбовался ею и тут же подумал, что такую обижать грех. «Закаляется!» – догадался я. Но не сразу.

Рядышком с нею примостились два ёмких полиэтиленовых ведра. Уже пустые. Успела вылить на себя воду. Волосы мокрые. Струйки, вернее, уже тяжёлые капли воды, замерзая на лету, скатывались по телу женщины и падали на мокрый снег. Красавица! Чёткий профиль запрокинутого в небо лица, закрытые,

не подкрашенные тушью и тенями глаза являли собой отрешённость от мира, от холодного воздействия зимы, от спешащих по утрамбованным тропинкам куда-то людей. Меня, кстати, так близко к ней подошедшего, она тоже игнорировала.

Я, конечно же, сначала опешил – не пляж ведь, не Багамы, а зима, Берёзовский. Память потом услужливо подсунула мне картинку с пробегающим в майке мимо остановки мужчиной. Но тот же был в майке, а эта ...

Когда-то ещё наши художники додумаются выписать с натуры хрупкий источник жизни – прекрасное тело женщины на фоне зимнего холода. А тут – готовая картина! Стоит. Молчит. Беззвучно шевелит губами – вроде молится. Любуясь заинтересовавшей меня живой статуей, подумал: неужели она совсем не такая, как я, как мы все, живущие с нею рядом, неужели на неё никак не действует холод?

Подхожу поближе, оглядываю. Если человек замерзает – у него по всему телу распространяются пупырышки, именуемые не иначе как «гусиной кожей». И сама эта кожа сначала краснеет, а потом становится синей, как у покойника. А у этой при близком рассмотрении кожа – как из-под утюга! Гладкая, белая, блестящая. И совсем она даже на покойника не похожа. С морозца бы её, да и в постельку! – шевельнулось во мне что-то подспудное.

Через некоторое время женщина опускает руки, открывает глаза и поворачивает голову в мою сторону.

— Извините, пожалуйста, я – журналист. Почему вы стояли в такой позе? Кто вы? Вам не холодно, я бы мог одолжить свои валенки? – обращаюсь к ней, испытывая некоторую неловкость от своей бесцеремонности. – Вы давно уже закаляйтесь подобным образом, и как называется секта или общество, в котором вы состоите, или, быть может, вы всё это проделываете в одиночку, наобум Лазаря?

Вопросы задаю торопливо. На все хочу получить вразумительные ответы и в то же время боюсь, что рассердится, подхватит свои вёдрышки, стрельнет в меня взглядом и «сиганёт» в ближайший подъезд – только «моржиху» и видели!

Она улыбается, как стюардесса:

— Я обращалась к Космосу (как это просто оказывается!). Людмила Попова. Продавец. Занимаюсь я не в секте, а в группе здоровья «Витас» уже год. В валенках не нуждаюсь.

Исчерпывающе чётко и ясно, без лишней сентиментальности ответив мне, она отворачивается и приступает к каким-то своим упражнениям. У меня, конечно, была ещё масса вопросов, и я не преминул бы ей их задать, потому что она, как я понял, человек откровенный и разговаривать любит, но ведь замёрзнет же...

Отошёл я в сторону сожалением и заскрипел валенками по снегу на свою работу. Иду и думаю: удивительные люди живут в нашем городе – один бегают почти нагишом, другая водой обливается, и мороз им нипочём ни при каком градусе. Сумели же приучить свои организмы. Мало того, как я узнал позже, А. Попова, оказывается, не единственная такая «моржиха». В городе образовалась значительная прослойка людей, которые могли бы не обременять себя тяжёлыми зимними нарядами, и только мнение окружающих сдерживает их желание освободиться от ставшей им ненужной верхней одежды. А так, если бы у всех у нас был здравый смысл и нормальное восприятие, то, мне думается, при нынешней-то дороговизне, граждане не то что Берёзовского, – всей России, поголовно, и я в том числе, – давно уже прошли бы в «Витасе» курсы закалывания организма, освободились от сковывающей наши грациозные движения одежды и уже в эту новогоднюю ночь, облегчённые, воодушевлённо отплясывали бы гопака босиком на снежных тропинках упивающегося праздником города. И

распевали бы ещё весёлые песенки. Вроде такой: «А нам всё равно, не боимся мы холода зимой».

А может и впрямь такое возможно? Ведь, рассуждать если логически, то самой малости и не хватает для этого: надо только поднапрячься и привести мнение горожан по этому вопросу к общему знаменателю. Всего лишь. Но какая тогда была бы жизнь! Сами подумайте! У вас же есть воображение!..

1996 год.

ПОД ВЕНЦОМ ВОКРУГ АНАЛОЯ

Лет десять назад венчаться в православной церкви рядовому русскому человеку и в голову не приходило. Неверие в Бога, развитое у него дошкольным и школьным воспитанием, для официальной регистрации брака прямёхонько толкало молоденького жениха (а может и старика – это уже зависит от того, кого в данный момент пронзает стрела Амура) в объятия загсовых служащих. Те встречали молодожёнов вальсирующей и в то же время торжествующей (для новобрачной, конечно, – наконец-то добилась своего!) музыкой Мендельсона, льющейся в течение пяти минут из магнитофона или проигрывателя.

Возбуждённые соответствующей обстановкой и бредовыми видениями обольстительных мгновений медового месяца, потерявшие голову молодожёны торопливо подкрепляли закорючками подписей двусторонний договор взаимного закабаления и, покрепче ухватив друг друга за руки, бежали прочь от сдерживающих, ограничивающих их ликование стен ЗАГСа под морозное солнце декабря или ласковое – мая. А там уж, на улице, их встречали родственники.

Что происходило дальше и как – об этом должны знать те, кто испытал уже подобное. Тогда, если кто и устремлялся в церковь, чтобы укрепить с её помощью свои брачные узы, действовал в противовес обществу, как бы желая этим экстравагантным поступком подчеркнуть свою исключительность. Добропорядочные люди при этом смотрели на них и вертели пальцем у виска. Сейчас не вертят, сейчас другое время настало, сейчас мы вновь постановлением ВЦИК обрели в сердцах своих Господа Бога...

Случайно оказавшись в крестильном храме Берёзовского, вознесённом Комсомольским бульваром поближе к небу и Господу, я стал невольным свидетелем обряда венчания рабов божиих – семнадцатилетней Марины и двадцатидвухлетнего Игоря.

Храм этот ещё недостаточно отделан не только снаружи, но и изнутри. На чугунине радиатора под окном сиротливо маячат два вымазанных белой краской резиновых сапога. Напротив, у стенки, штабелем соскладирована серая мраморная плитка, предназначенная для облицовки стен и полов. В углу, по правую сторону входа, примостилось корыто с залитым водой раствором. В середине же залы на домотканом половичке перед внушительно распростёршим над ними позолоченный крест отцом Александром стоят на коленях вышеназванные молодожёны. Позади, придерживая над их головами короны, символизирующие нимбы, застыли два человека из немногочисленной свиты новобрачных. Собравшиеся в храме с серьёзными лицами внемлют речитативу совершающего венчальный обряд священника. По окончании раздельных фраз напевным «аминь» припечатывают его слова две старушки, стоящие у него за спиной.

Чтение молитв производится по богословской книге и продолжается долго. За это время я успеваю узнать имена и возраст венчающихся и их родственников, столпившихся при

входе в крестильный храм. Чем объясняют они желание освятить союз своих детей в церкви?

— Все так делают. И наши прадеды так делали. В существовании Бога теперь мало кто сомневается. А если ходим под Богом – как без обряда?

Создание семьи – главное в жизни человека, и семью поэтому надо крепить всеми способами. Кстати, после венчания молодожёны должны будут ещё посетить и городской ЗАГС, чтобы там зарегистрировать свой брак уже официально.

Я очень хочу верить, что союз сердец, помимо ЗАГСа скреплённый и освященный ещё и церковью, станет много крепче и неуязвимее для всех невзгод, с которыми повстречаются в жизни Марина и Игорь. Воздай им, Боже, по их любви и заслугам.

По прочтении всех молитв отец Александр поднимает с колен молодых, даёт им вкусить хлеба, смоченного в крови Иисуса, обводит их, повязанных белой косынкой, вокруг аналоя, и на этом венчание заканчивается.

Ещё не отошли от священника люди, а старушка из певчих, сгребая теперь уже ненужный половичок, тут же в зале легонько его встряхивает, потом складывает втрое и засовывает под столик до следующего венчания.

1998 год.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА

Обыкновенно используя свой заслуженный отпуск на путешествия по родной стране, я и в 1993 году за месяц сумел побывать летом во многих областях Сибири и Урала. Вот что я увидел и вынес из встреч с различными по занимаемому социальному положению людьми России.

БОЖЬИ ТУРИСТЫ (МИССИОНЕРЫ)

До Томска из Берёзовского с женой и трёхгодовалой дочуркой Оксанкой я добрался на электричках. Далее мы по Оби хотели достичь Салехарда. У речного причала, как бы нас поджидая, пришвартован был красивый трёхпалубный теплоход «Мария Ульянова». Он арендован на лето библейской миссией славянского евангельского общества России в партнёрстве с СЕО Германии. На борту теплохода, совершающего плавание от Новосибирска до Салехарда, находятся 100 членов русской церкви и 40 немецких баптистов. По мнению руководителей экспедиции Е. Розенберга и В. Крюгера, трудные природные условия, отдалённость и скудная инфраструктура Сибири привели к тому, что в этих областях проповедь Евангелия была недоступна широким слоям населения. Но всё же в Сибири, где живут миллионы людей, нужно и можно сделать так, чтобы любовь Божия согрела человеческие сердца. Теплоход «Мария Ульянова» – не в единственном числе. Помимо него, по Амуру и Байкалу второй год плавают подобные ему теплоходы. На проведение пропагандистской кампании общество выделило 150 миллионов рублей. Оно поставило перед собой цель – донести до каждого сибиряка благую весть о спасении человеческой души. Проповедь Слова Божьего немыслима без привлечения технических средств. Прекрасно оснащённое судно, музыканты, специализирующиеся на исполнении церковной музыки, позволяют пастору Крюгеру с блеском проводить программу своего рода концертных представлений во всех населённых пунктах, расположенных по берегам Оби...

Миссионерская деятельность СЕО уже приносит плоды. Народ тянется к религии. В ней он находит то, что отсутствует в окружающей нас действительности. Наряду с поддержкой христианских общин, гуманитарной помощью сибирякам

и снабжением их духовной литературой баптистами проделана большая работа. В Сибири открыт миссионерский пункт библейской миссии.

Я не большой знаток русской церкви, потому что нам в детстве кроме матери никто о Боге в хороших тонах не рассказывал. Но я нутром почувствовал, что это их евангелистское общество ничего общего не имеет с нашим исконным православием. Баптисты, одним словом. Встречался я со свидетелями Иеговы в Уссурийске. Вроде такие же люди, верят, как и все остальные, кто верует в Иисуса, но вот по их канонам только свидетели Иеговы смогут жить на белом свете после второго пришествия Иисуса. А почему не все, а только они, кто их избирал? Подозрительно. То же самое и с этим славянским евангельским обществом. Пассажиры теплохода – привлекательные девушки, молодые парни и подержанного вида мужчины размещались в двухместных каютах. Для них организовано отличное питание и досуг. Божьи туристы с удовольствием и пользой для себя проведут месяц в плавании по обским просторам и 3 августа вернутся вновь в Новосибирск. Кандидатуры на планировавшееся путешествие отбирались среди членов общины заранее. Посторонним на судне пребывать запрещено. Этот пункт им нельзя нарушать, так как он является гарантией создания условий для спокойного и безмятежного плавания пассажиров.

Темнят баптисты. Похоже, намерения у них по освоению Сибири не чисто божеские. Посудите сами: состав пассажиров представляет в основном «зеленая молодежь». Да и пасторам, руководителям этой экспедиции, на вид более тридцати лет и не дашь. Двое калек на тележечках являются своеобразным щитом церковного милосердия. И они не в силах укрыть увеселительный характер проводимой экспедиции. Нести Божье Слово в народ и толкование евангельских истин страждущей пастве не

может человек, не проникшийся верой в существование Бога, не осмысливший большинства основных библейских истин. На всё же это нужно потратить значительное время и накопить богословский опыт общения. Возникает вопрос: как это молодой фанатик, пусть даже семи пядей во лбу, сможет убедить убеждённого сединой старца в необходимости принять на веру то, в чём он сам-то, образно выражаясь, «плавает»?

Но главное не в этом: в сердцах уверовавших в Бога евангелистских славян очень скоро должна, просто обязана наступить весна, перемены к лучшему. Похоже, лишь для миссионеров теплохода «Мария Ульянова» она уже наступила.

РЕЧНОЕ ДЫХАНИЕ

Колпашёво. С баптистами нам не повезло. Сюда мы приплыли теплоходом на подводных крыльях. Здесь уже ощущается, что Обь – великая транспортная артерия Сибири. И вниз и вверх по реке непрерывным потоком, влекомые буксирами, проплывают тяжело нагруженные баржи. Продукты, лес, стройматериалы, машины – всё это доставляется в отдалённые уголки нашей Родины только по воде. Вокруг топь. Часть дорог, проложенных здесь – непроезжая. Их строят вахтовым способом, намывая грунт на полотно дороги. Зимой, подмёрзнув, они хороши.

На берегах реки множество рыболовов. Ведь рыба – большое подспорье в рационе местных жителей. Кстати, о ценах. Стоимость воздушного и водного транспорта здесь, почитай, уравнилась. Проезд на теплоходе от Томска до Нижневартовска равен 16 тысячам рублей. На самолёте – чуть больше. Цена буханки хлеба – от 80 до 100 рублей. Месячная зарплата доярки совхоза – 5 тысяч рублей. Хотя участник войны, ра-

ненный, контуженный, имеющий награды, получает пенсию до 60 тысяч рублей. Парадокс? Для женщины, у которой мы переночевали, это одна из реалий её нынешней жизни.

«КАРДИОЛОГ»

Каргосок. Ночная стоянка. Ночлег на дебаркадере – 600 рублей за койко-место. Гостиница порта – 800 рублей. Гостиница аэрофлота – ещё больше. У причала стоит судно «Кардиолог». Находим приют там. Капитан – Сергей Васильевич Скультицкий. Душа нараспашку, отличный парень. Судно принадлежит всесоюзному кардиологическому центру. На нём устроена лаборатория по ультразвуковому исследованию печени, желчного пузыря, поджелудочной железы, почек, матки и её придатков. Состав экспедиции – 12 врачей. Анатолий Алексеевич Соловцев – руководитель. Работают от Томской областной клинической больницы. Все врачи – высококлассные специалисты. Раньше на этом судне защищали диссертации по выездным формам работы по медицинскому обслуживанию населения. Сам Анатолий Алексеевич заведует отделением радиоизотопной и ультразвуковой диагностики в Томской больнице. Работает летом на судне уже четыре года. Считает, что от «Кардиолога» польза населению большая. Все врачи, помимо исследований населения (ежедневная нагрузка на лаборатории превышает нормы в 20 и более раз), консультируют ещё местных врачей. Помогают им в проведении лечения и даже на судне могут делать, и делали уже не один раз, неотложные хирургические операции.

Работают заездами – вахтовым методом. Через каждые 15 дней состав меняется. Зарплату получают, хотя работают на судне очень напряжённо, только ту, что начисляют врачам в

их отделениях Томской больницы. Выездная работа врачей среди жителей прибрежных населённых пунктов необходима. Но в этом году финансирование их работы крайне урезано. Не хватает дизтоплива (не на что приобретать его – один литр стоит 200 рублей). При подобном отношении к работе выездных врачей вполне вероятно, что экспедиция на «Кардиологе» уже в будущем году прекратит своё существование.

ЖИЗНЬ ПРОМЫСЛОВИКОВ

Нижневартовск. Подплываем к речному порту. Замечаем, что подступы к реке в городской черте обильно загажены мусором и бытовыми отходами, захламлены сплавляемым лесом. У берега сразу же топь. В городе буханка хлеба стоит уже от 150 до 200 рублей. Килограмм сосисок – 9 тысяч. Зарплата женщины – 32 тысячи. У мужчины – более ста тысяч. Их северная покупательская способность по сосискам вдвоём получается, равна 15 килограммам в месяц. Не густо.

Из-за нехватки средств мы отказываемся от Салехарда и решаем ехать на Южный Урал к моему отцу. Два дня пробыли в Нижневартовске. Город сам по себе чист. Состоит из прямых линий. И покрыт толстым слоем навейного ветрами песка. В частном секторе едва ли не во дворе каждого дома – грузовая машина и даже автомобильные краны. Житель из местных пояснил: «Своего рода приватизация. Во время освоения нефтепромыслов загублено в тайге и списано на неё много техники. Теперь вот её, кто посноровистее, извлекают из топей, ремонтируют, регистрируют и становятся владельцами. В хозяйстве оно всё пригодится».

Впечатляет. Загорелся: вот бы в Кузбассе найти что-нибудь этакое грузоподъёмностью тонн в 120. Какие деньги-

щи можно было бы заработать только на вывозке породы СП «Раша Коул»!

На железнодорожном вокзале городские подростки собирают дань с пассажиров. Обслуживают обыкновенно тех, кто под «мухой». Срывы бывают. Но в основном незащищённый народ послушен и с радостью расстаётся навеки с малой толикой своих средств, которые бы мог потратить на приобретение сосисок. Взрослые понимают: других способов получения денег молодняком ещё не изобретено. На улицах много пьяных. Но их везде теперь много. Милиция к ним относится снисходительно. Не замечает.

УРАЛ

Через Сургут и Тюмень доехали на поезде до Свердловска. Город большой и красивый. Был в нём несколько раз за свою долгую жизнь. Потому с радостью в качестве гида сводил своих молодых женщин к дому купца, в подвале которого держали семью нашего последнего царя.

Свердловск характерен тем, что обладает одним из восьми наиболее крупных зверинцев в стране. Назойливое упоминание посетить эту достопримечательность, заглянуть в пасть нильскому крокодилу, содрогнуться от леденящего кровь рыка африканского льва, скормить морковку слону и подразнить мартишку, через равные промежутки времени чувственным голосом дикторши (наверное директрисы – хозяйки голодающих зверей) вдалбливается на вокзале в головы всех уезжающих и приезжающих.

Новоорск. Небольшой степной городок. Южный Урал. Здесь живёт с другой семьёй мой отец 27 лет. Зелень, цветы, песок, яркое солнце. Он родом из Яи. Прельстился теплом. И семью бросил. Сибиряк называется. В городе несколько заводов, гостиница, ресторан, дом культуры. Отец познакомил меня с редактором местной газеты. Тот писал об отце, как об участнике войны. Они живут, оказывается, рядом. Их газета с сельскохозяйственным уклоном, поэтому редактор предложил мне встретиться с кем-либо из руководителей одного из предприятий города и написать о промышленности. Эта тема у них поднимается редко. Пойдёт на «ура». И тираж повысит. Я готов был помочь соседу отца.

Заместитель директора опытно-механического завода Вячеслав Владимирович Борисов рассказывает о производстве:

— С ноября 1992 года занимаемся акционированием. Приватизируемся по второму варианту. Из 51 процента принадлежащих заводу акций рабочими выкуплена на ваучеры и наличные пока только половина. Надо провести аукцион по распродаже 20 процентов акций, принадлежащих комитету госимущества. Общее собрание акционеров проведём в конце августа, после выкупа всех акций. Выберем президента или генерального директора, совет директоров, наблюдательный совет – и тогда уже наше общество будет по-настоящему официально оформлено.

Фактически с февраля 1993 года мы работаем как акционерное общество. Волна сокращений коснулась и нас. Количество работающих уменьшилось до 500 человек. Пришлось свернуть часть производства, отказаться от выпуска не пользующейся спросом продукции, разработать новую поточную линию по выпуску автобусов на шасси ГАЗ-3307. После обкатки линии

мы сможем изготавливать 2-3 таких автобуса в месяц. Теперь выпускаем прицепы к легковым автомобилям, делаем шасси под микроавтобусы грузопассажирского варианта.

Заработанную прибыль в первую очередь пускаем на расширение производства, социальное развитие. Сейчас реконструируем АБК, строим вторую очередь завода. Зарплату особенно не увеличиваем. По оплате труда работающих нами внедрено положение, по которому распределение прибыли из фонда материального поощрения производится согласно величине заработков трудящихся. Допустим, в этом месяце завод получил 18 миллионов прибыли. Эта сумма делится на количество работающих. Получается коэффициент 3,6, который указывает, сколько рублей дополнительно к каждому заработанному должен получить трудящийся.

Если человек заработал 20 тысяч, то он по нашей смете получит 72 тысячи. Больше заработает – больше и получит. Этот экономический рычаг очень хорошо действует у нас на производстве. Материальная заинтересованность налицо. И это положение помогает нам бороться с нарушителями дисциплины. За прогулы, пьянки, брак, несерьёзное отношение к порученному делу нарушитель наказывается лишением введённых доплат. В среднем зарплата у нас колеблется от 65 до 67 тысяч рублей. Но не редкость 150 и 200 тысяч.

Трудности с материалами, финансами испытываем мы, как и все. Нас не устраивает налоговая система. Современник сталинской коллективизации и процветания колхозного строя Н. С. Хрущёв однажды признал: «Когда подсчитаешь всё, что сдаёт колхозник за корову, то получается, что ему остаётся только навоз», – эту формулировку целиком можно применить сейчас и к нам. Ведь после уплаты всех налогов, погашения затрат по выпуску продукции предприятию остаётся с каждого заработанного рубля только 9 копеек! С этого и живём.

Те руководители из Берёзовского, кто удосужится прочесть этот номер, – не все же из нас используют газеты не по назначению, – думаю сразу увидят, что жизнь предприятий на Урале ничем не отличается от жизни в Кузбассе. Всё то же самое. А как же, Урал – тоже Россия.

ОЗЕРО ТУРГОЯК

У отца прожил неделю. Надоело. Ему-то хорошо: бегают за моей дочкой вприпрыжку, смеётся. Счастлив. Понравилась ему внучка. Она всем нравится. Сообразительная потому что, а как надует губки, так дед перед ней прям на цыпочках. Оставайся, – говорит отец мне. Поживёшь у меня, а там и сообразим потом какой угол тебе. И на работу в газету возьмут тебя. Хвалят редактора за твой материал. Может, и напрасно я не поддался на уговоры. Уехали мы. Отец, когда провожал нас, плакал. Без вас, говорит, я долго не проживу. И правда, затосковал и через год умер.

Мы же в тот раз доехали до Челябинска и задержались в его окрестностях, потому что услышал я легенду от попутчика про озеро Тургояк и решил встать там на недельку.

Расположенный от Челябинска в двух часах езды на запад город Миасс славился военными предприятиями. Теперь все они на стадии закрытия. Конверсия производства – дело трудоёмкое. Массовые сокращения, отсутствие работы в родном городе вызывают страх у миассцев.

Озеро Тургояк, что рядом с Миассом, – впадина между поросших хвойным лесом гор. Глубокое озеро и большое. Вода в нём чистая, тёплая. Оно просматривается, как и Байкал, далеко вглубь. Местные жители и считают озеро Тургояк вторым Байкалом. Очень красивое место. В селение Тургояк,

что при озере, стремится попасть на жительство много народу. Скупают дома, строятся.

Земельные наделы нарезают тем, кто имеет связи и на руках что-то. Простому смертному попасть сюда можно лишь в качестве туриста. Этой братии здесь много. Приволье для отдыха Тургояк этот. Грибы и ягода в изобилии. Вода, рыба. Существует легенда, что в местной пещере небольших размеров (я туда забирался с женою и дочкой – поместились втроём, и даже на четвёртого бы места хватило), но чрезвычайно удобной для жительства, был взят Емельян Пугачёв. В ней он скрывался после разгрома от царских войск, ловил рыбу, строил планы. Здесь его и накрыли. Говорят, что в озере Янушке, отделённом от Тургояка узким перешейком, Пугачёв утопил своё золото. И были храбрецы, пытавшиеся найти его. Но, похоже, это всё слухи: при наших возможностях этот клад давно бы нашли. А вообще-то легенда живёт, и многим рыбакам, плавающим по озеру в своих надувных лодках, чудится, что там, внизу, они что-то видят. Вдруг и впрямь повезёт какому счастливчику?

Мы же стояли на берегу озера пять дней. Жили в палатке. Обучал дочку чиркать спичками при розжиге костров. Наблюдая за ней, убедился: на следующее лето она у меня самостоятельно будет разжигать костёр, пока я в спальнике буду нежиться. Ну а чай кипятить в котелке – это пускай её учит Наташа. Кстати, дочка, когда ходила к озеру за водой, увидела подплывающую к берегу большую змею, не испугалась её, а позвала нас посмотреть на эту чуду-юду. Мы прибежали, и по жёлтым подглазникам я определил что это уж. Он совсем безобидный, успокоил я жену, но мы всё же постарались отойти от берега. А вдруг это не уж, а гадюка замаскированная? Малины, земляники и груздей здесь навалом, да и рыбки мне половить удосужилось.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Челябинск. Напротив железнодорожного вокзала взгромодилась на высоком постаменте каменная фигура первооткрывателя этих мест. Жёсткий взгляд, гневливая улыбка. Ермака можно понять: осваивая для нас это пространство, он подвергал себя смертельному риску, вполне вероятно, что не раз проливал кровь, а здесь современные открыватели города с чемоданами, баулами штурмуют с вечера вокзал и криком исходят от того, что доступ вовнутрь для каждого из них лежит через сотенную (рублей). Придумали билет продавать посещающему вокзал за сотенную. Прямо как в кинотеатр «Москва», что в Кемерове. Мало с них тысячи, миллионы драть надо! Вам землю дали – работайте, нечего разъезжать по ней. Как брошенный вниз камень прямолинеен, он и думать по-другому не умеет, а жизнь, сложная и многоликая во все времена, теперь ещё запутаннее стала...

ЧЕМУ УДИВЛЯЕМСЯ

В Петропавловске, удивительно, но булка хлеба стоит от 8 до 10 рублей. Это потому, что Петропавловск расположен на территории Казахстана, где мы всеобщими усилиями подняли для него целину. Впрочем, всё остальное по тем же ценам, что и в Кузбассе, потому что мы до распада СССР успели поднять Казахстан лишь до российского уровня.

БЕЗДОМНАЯ СТАРУШКА

В Барабинске на железнодорожном вокзале, отгородив дверную нишу скамейкой, старая женщина устроила себе у входа ложе из картонной тары. Днём ходит по городу, вокзалу, с людьми общается, на ночь заползает на свою «постель». Ноги у неё в язвах – больные. Пенсии едва хватает на питание. То, что на ней – вот и все её вещи. На вокзале пристроилась, потому что жить больше негде. Жила раньше в Кургане. Сын к себе в Барабинск сманил. Обещал, что будет содержать до старости. Пожила чуть-чуть, неудобна стала, и выгнал. Теперь вот здесь с весны её местожительство. Она не хочет называть свою фамилию. Конечно же, так жить всё время не думает. Пытается добиться у властей от города хоть какого-то угла. Но хлопоты напрасны. На покой если к кому попроситься...

— Попросишься, – горько ухмыляюсь про себя, – к Господу если, он примет...

1993 год.

А КАК ТАМ, В КИТАЕ?..

Китайская Народная Республика, – восточный сосед России, – в настоящий момент добывает угля больше любой другой страны мира. Объём добычи шахт Китая достиг 1 миллиарда 200 миллионов тонн в год. При этом китайские шахтёры давно уже отказались от использования у себя дорогостоящего импортного оборудования и считают, что продукция отечественных машиностроителей дешевле и по ряду технических показателей надёжнее иностранной.

Исходя из этих предпосылок, ОАО «УК «Кузбассуголь» направило в Китай трёх своих представителей, двое из кото-

рых – жители нашего города. Сегодня делится своими впечатлениями о деловой поездке к соседям старший механик шахты «Берёзовская» Юрий Георгиевич Петров.

— Целью посещения КНР кузбассовцами, – начал рассказывать Юрий Георгиевич, – было ознакомление с горно-шахтным оборудованием китайского производства. Преследовался ещё и чисто деловой интерес: компания «Кузбассуголь» имеет намерение приобрести в Китае 8 проходческих комбайнов С-100 и один, более мощный – ЕБЖ-160. Нам, как специалистам, необходимо было увидеть их в работе и составить собственное мнение о пригодности этих комбайнов для шахт Кузбасса. И ещё на шахтах Китая продолжительное время простаивает в бездействии ранее приобретённая импортная техника, которую китайцы хотели бы продать, а мы – купить по более низким, чем у заводов-изготовителей, ценам. Нам рекомендовано было конкретно определиться по отдельным видам предлагаемого оборудования: выяснить его техническое состояние и запрашиваемые цены.

— Кто же, кроме вас, вошёл в состав кузбасской делегации?

— Главный технолог угольной компании «Кузбассуголь» Александр Валентинович Пономарёв и главный инженер шахты «Первомайская» Сергей Ефимович Трусов.

— Чем привлекают кузбасских шахтёров китайские проходческие комбайны, почему именно на них пал выбор?

— Начнём по порядку. После прилёта в Пекин мы были направлены фирмой «СМЕ» (всеитайской импортно-экспортной угольной компанией шахтного строительства и угольного машиностроения) в Датунский угольный бассейн на шахту №10. Она находится рядом с городом Датун, а сам бассейн – в 250 километрах от Пекина. Эта шахта входит в Датунский угольный трест, в котором помимо неё находится ещё 14 шахт. Среднегодовая добыча шахт треста составляет

32 миллиона тонн. Добыча шахты №10 – 4 миллиона тонн, и в 2000 году она должна была выйти на добычу 7 миллионов тонн, но правительство Китая из-за отсутствия рынка сбыта возрастающего количества угля сознательно сдерживает прирост её мощности.

Весь уголь шахты добывается сейчас, если не считать незначительную долю проходки, в двух лавах, полностью оснащённых китайской техникой. Подготовительным работам руководство шахты уделяет большое внимание. Одновременно проходчики работают в шести забоях. В трёх – буровзрывным методом, в двух – с применением комбайна С-100 и в одном – ЕБЖ-160. В год проходчики проходят 16 километров горных выработок. В Датунском тресте 76 процентов проходки выполняется комбайнами С-100. Именно ему здесь отдаётся предпочтение. Тот комбайн С-100, работу которого мы наблюдали в забое шахты, прошёл с 1989 по 1997 год до капитального ремонта 40 километров горных выработок. Выдали его на-гора, заменили гидравлику и снова он уже третий год без сбоев даёт в месяц более 400 метров проходки.

— А комбайн ЕБЖ-160 вы тоже наблюдали в работе?

— Да. Он гораздо мощнее С-100. Весит 60 тонн. Для сравнения, наш комбайн – 21 тонну. Создан этот комбайн для работы в более трудных горно-геологических условиях. Стоит испытать его в шахтах Кузбасса.

— И на «Берёзовской»?

— Да, и у нас, но только не сейчас – шахта «Берёзовская» хочет взять один комбайн С-100. Он обойдётся нам в 3090 тысяч долларов.

— Шахта непосредственно и будет расплачиваться за этот комбайн?

— Средства на приобретение комбайнов выделит ОАО «Кузбассуголь».

— Что вы, как специалист, можете сказать о работе китайских шахтёров?

— Технология у них такая же, как у нас: длинные столбы по простиранию до 3 тысяч метров длиной. Длина лавы – 250 метров. Используют комбайны, комплексы, конвейеры. Но если судить по шахте №10, можно сказать следующее: шахта эта существует с 1990 года, работают на ней 4 тысячи человек. Про добычу и проходку я уже говорил. Транспортировка угля у них производится ленточными конвейерами. Конвейеры применяют самые разнообразные, китайские машиностроители их создали до 80 видов. Конструкция конвейеров очень надёжна и удобна в эксплуатации. Применяются и троллейные электровозы, используемые для доставки материалов, людей и производства вспомогательных работ.

Очень удивило нас состояние горных выработок: порядок идеальный – соответствует всем нормам техники безопасности. Чистота такая, какая только может быть наведена в шахте. Трубопроводы покрашены, кабели – в подвешенном состоянии. Крепление выработок, – кстати, они все освещены, – производится анкерами. Кровля выработки и борта перетянуты синтетической сеткой. И при этом – высокая дисциплина труда работающих от начальника до рядового шахтёра.

— Китайцам можно позавидовать...

— И не только тому, что у них народ такой старательный, но и тем горно-геологическим условиям, которые природа преподнесла датунским шахтёрам.

— А поподробнее...

— Мощность разрабатываемого ими угольного пласта – четыре с половиной метра. Грунтовые воды отсутствуют. Газа метана нет. Нарушений горно-геологических тоже нет. Сергей Ефимович Трусов вне программы посетил очистной забой, оборудованный китайской техникой. Делясь с нами

впечатлениями от того, что он там увидел, сказал: «Это не лава, а завод по производству угля».

— А как оплачивается труд шахтёров?

— Шахтёры получают понедельно, в зависимости от выполняемой работы от 70 до 400 долларов в месяц.

— Вас знакомили с соцкультбытом работников шахты?

— Расскажу и об этом. На шахте к административно-бытовому корпусу примыкает культурно-оздоровительный центр, включающий в себя гостиницу, ресторан, столовую, актовый зал, по размерам и отделке подобный концертному залу в нашей областной филармонии, зал для проведения дискотек, музей трудовой славы и спортивный комплекс. В спортивном комплексе есть залы, где шахтёры играют в настольный теннис, бильярд, занимаются на различных тренажёрах. Есть в спорткомплексе и бассейн. Соцобеспечение пенсионеров и организация соцкультбыта работников – обязанность шахты, от которой она никогда не уклоняется.

— Вы побывали только на этой шахте?

— Когда мы ознакомились с работой комбайнов, руководство треста провело расширенное совещание специалистов, на котором мы выразили своё мнение об увиденном и, непосредственно, о работе комбайнов. Затем, так как УК «Кузбассуголь» намеревается приобрести у треста «Ценхэ» польский комбайн КВБ с гидрокрепью «Фазос», отправились в город Ванцун на одноимённую шахту. В этом тресте 8 шахт, которые в год добывают до 15 миллионов тонн угля. Шахте «Ванцун» десять лет. В неё мы не спускались. Осмотрели поверхностные сооружения, складские помещения, ознакомились с условиями хранения оборудования, техническим состоянием комплекса и комбайна.

После этого мы поехали в город Сиань, столицу древнего Китая. Сейчас это четвёртый по величине после Пекина го-

род в стране. В этом городе находится крупнейший в Китае проектный институт, который занимается проектированием угольных шахт и разрезов, промышленным и гражданским строительством, проектированием мостов и дорог. Руководство института провело для нас обзорное заседание, на котором ведущие специалисты института познакомили нас со своей работой. После этого мы отправились на самолёте в Пекин, где с фирмой «СМЕ» в течение дня были подведены итоги нашей поездки. Мы запротоколировали свои замечания и сомнения по качеству предлагаемого нам оборудования. Непосредственно по комбайну С-100 предложили усилить скребки, так как они показались нам ненадёжными. Комбайн необходимо доукомплектовать ленточным перегружателем и буровой установкой для бурения шпуров под анкера, а также аппаратурой контроля метана. У них всё это есть, но они комбайны таким оборудованием не комплектуют. По комбайну ЕБЖ-160 необходимо разработать систему пылеотсасывания и усилить зацепление траковой цепи с почвой, доукомплектовать его перегружателем и буровым станком. Внесли предложения по ленточным перегружателям и буровым станкам, а также предложили предоставить нам техническую и коммерческую документацию по этому оборудованию. Кроме того, вне программы нас заинтересовал конвейер ССЖ-1200 с максимальной длиной в 2700 метров.

Программу, рассчитанную на 15 дней, пришлось по объективным причинам сократить до 10 дней. Из-за этого нам не удалось побывать на заводе угольного машиностроения в городе Дямсе, о чём мы, конечно, очень сожалеем.

— Кроме шахт, техники, удалось ли увидеть что-то ещё?

— Программа была очень насыщенной, все наши поездки происходили под патронажем фирмы «СМЕ», и нас всегда сопровождали её специалисты. Мы побывали в шести горо-

дах, получили много информации о стране и её промышленности. Нам устраивали и ознакомительные экскурсии. Как народ, китайцы нам понравились своей доброжелательностью.

В Пекине мы совершили обзорную экскурсию с посещением исторических мест. Запомнился древний императорский дворец, который строился веками. Он занимает огромную площадь и очень красив. Представляет он из себя комплекс зданий. Были на Великой Китайской стене. В Сиане посетили «Музей Солдат»: тысячи лет назад император, умирая, приказал вылепить из глины каждого воина его многочисленного войска с принадлежащей ему амуницией и захоронить с собой все эти скульптуры. Его желание было выполнено. В 1974 году один крестьянин, выкапывая для себя колодец, наткнулся на глиняную скульптуру. Ею заинтересовались учёные. Сейчас там ведутся раскопки, извлечена на поверхность пока малая часть предметов захоронения, но и это ошеломляет. Комплекс зданий музея накрыт огромной крышей из железобетона и стекла. На шахте №10 мы видели, как шахтёр праздновал свою свадьбу в ресторане.

— Китайцы кормили вас одним только рисом и бобами?

— Почему же? Китайская кухня знаменита во всём мире, но такого разнообразия и обилия блюд мы не могли и предположить. Они готовят прекрасную пищу из морепродуктов, мяса животных и птиц, овощей. Очень много у них и экзотических блюд.

— Экзотическое мясо дождевых червей, лягушек, змей, черепах или тигра вы кушали?

— Лягушек в Центральной части Китая в пищу не потребляют, ну а змей и черепах – что было, то было. Но это не для слабонервных.

— На борщ или сибирские пельмени вас не тянуло?

— Нет, нам посоветовали посетить в Пекине русский ре-

сторон, но мы отказались. Правда, мечтали всё время о куске чёрного хлеба.

— Почему?

— В Китае хлеб не едят и не пекут поэтому.

— Как вы находите китайянок?

— У нас были другие цели (ну конечно, кто бы спорил! – хотя...). По прибытии в Кузбасс мы доложили руководству ОАО УК «Кузбассуголь» о результатах поездки. Предполагаем, что в начале будущего года на шахтах нашего города начнётся внедрение горной техники производства Китайской Народной Республики.

Ноябрь 1999 года.

КУЗБАСС – НЕ ЧЁРНАЯ ДОЛИНА!

«Три миллиона человек живут в четырнадцати городах Рурской чёрной долины. Из них – больше миллиона безработных, состоящих на пособии, или уже лишены его. Среди безработных Рура есть триста тысяч горняков, которые уже не получают работы никогда. Триста тысяч смертников капиталистического хозяйства. Они могут идти куда хотят. Они, и жёны их, и дети их. А те, кто остался на работе?

Добыча угля каждого горняка возросла. Этот эффект достигнут не механизацией, не вводом в производство новых машин. Успех добыт кнутом голода. Общая заработная плата во всей каменноугольной промышленности Рурского бассейна сократилась с двадцать седьмого года на две трети...» – так описывал в 1932 году состояние германских шахтёров, добывающих уголь в Рурском бассейне советский журналист М. Кольцов. И гордость за своих горняков-стахановцев, за то,

что мы живём в стране, где вся власть принадлежит народу, без сомнения наполняла каждого из тех, кто читал тогда эти строки. Да и для нас, потомков, лет пятнадцать назад абсурдным казалось предположение, что и с нами может случиться подобное.

Теперь же, вчитываясь в эти строки, зримо представляешь на месте германских шахтёров шахтёров российских. Разве не так?

Наш Кузбасс чем-то сродни Руру. В Кузнецком бассейне такое же количество населения. И городов не меньше. Власть в России снова взяли в свои руки капиталисты. Правда, пока они называют себя предпринимателями и собственниками частных предприятий. Стесняются пока. Хотя чего уж тут?!

В результате осуществлённой реструктуризации угольной промышленности с 1994 по 2002 годы в России перестало существовать 181 угольное предприятие. То есть, за последние годы занятость в этой области сократилась на 60 процентов. Куда подались люди с этих предприятий? С северных шахт уезжают на юг и в центр страны. В частности, с Колымы уже переселилось 60 тысяч человек – четвёртая часть населения Магаданской области. И это – специалисты высшей квалификации. Остались пенсионеры, которым, если они подадутся в тёплые края, государство откажется выплачивать к пенсии северную надбавку.

К обездоленным стали относиться работники социальной, коммунальной и прочих бюджетных сфер. Посёлки при закрываемых шахтах вымирают. Кому-то из северян государство обещает субсидии на вынужденное переселение. И они ждут своей очереди. Кому-то ждать совсем нечего. Мы находимся южнее Колымы, но разве у нас в Кузбассе нет посёлков при шахтах, с закрытием которых люди оказались обречены на вымирание? А ведь в Кузбассе закрыто 43 угольных предприятия, как и в Рурской области.

А те из шахтёров, которым повезло с работой? Согласно статистическим данным положение угольной промышленности России начало выправляться от ран, нанесённых ей бездумной реструктуризацией: увеличились объёмы добычи и производительность труда. Теперь шахты работают с прибылью и не требуют от государства ежегодных дотаций. Отрасль сменила собственников. Шахтёрам стало жить «веселей» хотя бы потому, что сегодня уголь вновь обрёл вес. А на мировом рынке обнаружилась даже нехватка коксующегося угля.

В прошедшем году шахтёрами страны добыто 260 миллионов тонн угля, но уже в 2030 году России потребуется 440 миллионов тонн (программа, разработанная Министерством энергетики России). Вдвое больше того, что достигли!

Кузбассу по этой программе необходимо выдать на-гора 200 миллионов тонн угля. В прошлом году его добыто областью 140 миллионов тонн. В настоящее время в Кузбассе строится 15 новых угольных предприятий общей мощностью в 20 миллионов тонн. Возникает вопрос: откуда же предполагается поступление недостающих 40 миллионов? Ясно, что производительность труда шахтёра должна повыситься, и очень значительно. В подтверждение своей мысли привожу ответ на мой вопрос главного инженера шахты «Берёзовская» Сергея Викторовича Попова:

— В этом году прирост добычи у нас ожидается за счёт интенсификации производства.

По моему разумению, интенсификация, не поддержанная применением более мощного и совершенного оборудования, есть не что иное как принуждение рабочих двигаться в ускоренном порядке и с большей отдачей. В прошлом году шахта «Берёзовская» добыла один миллион пятьдесят одну тысячу тонн угля. Средняя заработная плата по шахте составляет пять тысяч рублей. Проходчики и очистники получают немного больше,

но по их мнению, им платят значительно меньше положенного. Руководители Министерства энергетики России тоже считают, что цена труда в угольной отрасли незаслуженно низка: среди других отраслей промышленности угольная по этому показателю на девятом месте. И вообще, если сравнивать возрастание объёма добычи по шахте за несколько лет с шестисот тысяч тонн в год до миллиона пятидесяти тысяч с изменением уровня заработной платы, то их несопоставимость очевидна.

Ещё лет десять назад во время развернувшейся кампании по приватизации этой шахты, из разговоров с горняками я сделал вывод, что для них не имеет значения, кто станет собственником шахты. Главным было то, чтобы новый хозяин создал условия для нормальной работы и вовремя выплачивал заработную плату, которую они заслуживали. То есть, чтобы отношения между ними и хозяином строились на справедливой основе. Два года назад ОАО «Кузбассуголь», в которое входила шахта «Берёзовская», приобретено «Северсталью». Новым хозяином были разработаны мероприятия, которые и позволяют шахте выйти на двухмиллионный уровень добычи. На развитие шахты в текущем году собственник инвестирует 399 миллионов рублей. За счёт этих средств здесь будет проводиться подготовка очистного фронта: для этого к пяти уже действующим бригадам проходчиков будет добавлено три бригады анжерских проходчиков шахтоуправления «Сибирское» и две, вновь созданные из обученных на месте работников. Помимо этого, надо решить проблемы внутришахтного транспорта.

Из приведённого следует, что новый хозяин всерьёз взялся за выполнение задачи. Что же, его можно понять: чем больше угля добудут шахтёры, тем большую прибыль он будет иметь. Но эту прибыль даст ему не кто-нибудь, а шахтёр, человек, работающий на его производстве. А разве пойдёт этот человек на покорение новых рекордов и вершин, если условия

труда заставляют его опасаться за жизнь, да и сама жизнь эта вне шахты во многом напоминает жизнь в Рурской чёрной долине? Бизнес не может и не должен уходить от решения социальных проблем, если желает установления политической стабильности и нормального развития российской экономики. Кузбасс – не чёрная долина.

2003 год.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

В Барзасе сгорела школа. Полностью. Не успели спасти пожарники парты, компьютеры, плакаты и даже листки успеваемости. Умышленный поджог это или нарушение правил ведения сварочных работ – решит следствие. Дети же посёлка в настоящий момент лишились возможности на месте получить среднее образование.

28 июня взрослые жители посёлка, обеспокоенные судьбой своих детей, устроили близ пепелища сход. Приглашены были и представители администрации посёлка и города во главе с А. Я. Панасенко. Надо было чётко проанализировать создавшуюся ситуацию и общими усилиями найти единственно верный выход из неё.

Школа, вернее то, что осталось от неё, ещё и сейчас дымит. Сторожиha таскает ведёрцем воду и заливает разгорающиеся на ветру головёшки.

Даже если бы не сгорела старая школа, в посёлке всё равно необходимо было строительство новой, так как эта уже пришла в негодность и не отвечала требованиям, предъявляемым к учебным заведениям. По заверению учителей, последние 15 лет ежегодно поднимался ими вопрос о строительстве школы

в посёлке. И областное, и городское руководство уже согласны пойти навстречу барзасовцам. Но дальше этого согласия школьный вопрос ещё не продвинулся.

Строительство новой школы возможно, если удастся убедить Федеральное собрание области использовать средства статьи бюджета, направленной на устранение последствий стихийного бедствия. Пожар – бедствие. Конечно, если открыть отдельный счёт, то многие жители посёлка внесут на него свои деньги. Но особенно рассчитывать на это не стоит: по два месяца работники не могут получить заработанное. И с этим письмом уполномочить депутата от нашего города Н. В. Управителява добиваться от Федерального собрания поддержки в этом вопросе.

Нет учебников, нет мебели. Мебелью может помочь городская администрация, учебниками – гороно. Год можно продержаться в оставшемся от школы одном учебном здании. Но там всех учеников не разместить. В посёлке есть ясли-сад, куда ходит всего трое малышей. Решили перевести этих детей в другой детсад, а здание яслей переоборудовав под школу, использовать для проведения занятий в две смены учеников пяти младших классов. Старшеклассников можно возить на автобусе в Берёзовский. Там в школе №16 есть возможность выделить один класс и организовать для юных барзасовцев учебный процесс, полностью отвечающий современному уровню. Но как раз это предложение многие родители и сами ученики встретили в штыки:

— Здесь, на месте, хоть какой, но есть присмотр. Вечером всегда можно найти время, чтобы зайти в школу и встретить своего ребёнка. А там – город, опасно. Нет гарантии, что дети будут возвращаться домой невредимыми. А если автобус ломается? Кому оно нужно, лишнее беспокойство?

И дети не хотят ездить в город. Их он теперь не прельщает. Им дома лучше.

Различные мнения были высказаны на сходе. Жители задавали вопросы, отвечал на них А. Я. Панасенко.

— Если выделить деньги из городского бюджета и взяться за работу сейчас, можно к началу учебного года подготовить к занятиям новое, ещё не отделанное до конца здание администрации лесхоза. Родители на добровольных началах примут участие в его отделке.

— Но это здание непригодно для школы. Помещения в нём не соответствуют санитарным нормам, и, ко всему прочему, детям ходить на окраину посёлка тоже будет опасно и далековато.

— А если возобновить «замороженное» из-за отсутствия средств строительство Торгового дома? На этом объекте уже закончен нулевой цикл и возведено два боковых блока из железобетонных панелей. Фундамент рассчитан на нагрузку в пять этажей. Возвести здесь за год двухэтажную школу – это будет наиболее приемлемый вариант.

— Для этого опять нужен проект, расчёты, составление смет. Надо в кратчайшие сроки рассмотреть специалистами города возможность использования этого объекта под строительство школы и сделать проект. Без проекта нельзя выделить на это строительство ни рубля.

— Но почему? Не надо нам железобетонной или кирпичной, сделайте такую, какая сгорела. И пусть дети учатся в ней.

— Сгоревшая школа не отвечала санитарным нормам. Если же делать точно такую же, то никакая приёмочная комиссия не даст «добро» на её эксплуатацию. Это значит, что деньги наши будут выброшены на ветер. Городская казна и так пуста. Угольные предприятия не спешат выплачивать городу налоги. Их задолженность составляет 8,2 миллиарда рублей. Будь сейчас всё по-другому – вопросов не было бы со строительством новой школы. Помощь в ремонте старой и в переделке детских яслей город посёлку окажет, не отказыва-

ется город и от строительства новой школы, но средства для её строительства можно «выбить» в области только официальным путём и только через Федеральное собрание.

— Каковы же сроки строительства в посёлке новой школы?

— Не ранее, как через год, и то – если удача улыбнётся барзасовцам. Относительно пожарной команды: после её ликвидации в посёлке произошли уже четыре пожара, ясно, что необходимо организовать её снова. Ведь раньше все пожарные команды были ведомственными и распределены по шахтам и ЦОФ. Была пожарная команда и у лесного хозяйства. Тяжёлое финансовое положение вынудило управление лесного хозяйства отказаться от пожарной охраны. Ликвидировали «пожарки» на ЦОФ и разрезе «Черниговский». Сегодня остались по городу всего две пожарные части: на шахте «Первомайская» и в посёлке шахты «Берёзовская». Да и они существуют только потому, что город платит им ежемесячно зарплату 18 миллионов рублей. В леспромхозе есть пожарная машина. Если это предприятие берёт на себя расходы по содержанию машины и горючему, то заработную плату членам экипажа будет платить администрация города.

В. Н. Казаченко, владелец пожарной машины, согласен. Так что теперь вновь будет, кому отстаивать от огня постройки посёлка.

К чему же пришло это вече? Что решили люди на пепелище и позже, в замкнутом пространстве кабинета главы поселковой администрации М. В. Мальцевой?

— Надо ремонтировать старое здание – простоит вполне оно ещё год. Не надо возить детей в город. Надо строить школу и надо быть терпеливыми. Школа для учеников будет построена, так как она нужна людям.

1993-94 годы.

ДВУХЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ МЕЧТА

Большое по площади железобетонное здание цеха очистных сооружений шахтных вод вынесено чуть в сторону от основных наземных строений шахты «Берёзовская». Дальше за ним простирается занесённая снегом гладь старого отработанного отстойника. Очистные сооружения запустили два года назад. Оборудование новое, совершенное. Производительность очистных – 50 тысяч кубических метров в сутки. Сейчас, в зимний период, из шахты откачивается на поверхность где-то около 30 тысяч кубометров. Так сказать, пока есть запас мощности.

За качеством очищаемой воды здесь ежедневно следят лаборанты цеха. Для контроля раз в неделю пробы отвозятся в городскую лабораторию на бактериологический анализ. Вода после фильтрации не уступает по качеству питьевой воде из скважин. И когда в начале декабря скважины №18 и 19 были по техническим причинам остановлены, вода с очистных подавалась на подпитку котлов в котельную. Чтобы не быть голословным, рассказывающий всё это мне начальник цеха В. П. Уткин налил в стакан воды после фильтрации и выпил её не поморщившись. Потом предложил попробовать проделать то же самое мне. Я предупредил его о том, что имею красивую молодую жену и трёхлетнюю дочь на руках и, если что случится со мною, воспитывать ребёнка придётся ему...

В общем, мне пришлось тоже выпить стакан холоденькой водицы и удивиться, найдя её годной к употреблению.

Ёмкости, насосы, трубопроводы – вот и всё оборудование, которым располагает цех. Но даже при его кажущейся простоте надо проявить много ума и сноровки, чтобы с наибольшей выгодой и экономией использовать его. Вроде бы проектом рассчитаны самые оптимальные схемы обвязки насосов.

Но умельцы–слесари улучшили схему, внедрив перемычку, с помощью которой теперь один насос может подавать воду в разные точки, на что по проекту положены конкретные насосы и трубопроводы.

И ещё они придумали использовать башню-накопитель в перерывах между промывками фильтров для подачи воды в котельную самотёком. Насос за 24 минуты наполняет башню, потом отключается и не работает, пока уровень в башне не снизится до минимального. Таким образом в цехе экономятся электроэнергия и материалы на ремонт и обслуживание насосов.

На высоковольтной насосной станции изменена также конструкция поворотного обратного клапана для лучшей его работы, в цехе переделана система отопления – стало много теплее, чем в первый год эксплуатации. Вообще, много чего сделали слесари в период доводки оборудования цеха за короткое время его эксплуатации. А почему так? А потому, что очень высококвалифицированные работники подобрались. Уткин доволен их работой. Да только слесари, как я понял из дальнейших с ними разговоров, не очень довольны результатами своей работы: заработная плата начисляется ремонтникам по самой низкой сетке. Слесари причислены к энергомеханическому производству, хотя, по их мнению, они, как обслуживающие водоотлив, должны получать столько же, сколько работающие на водоотливе люди. А то что же это за дело – высококвалифицированные специалисты получают меньше разнорабочих любого другого вспомогательного производства на шахте?

А. Т. Зубарева, начальник отдела труда и зарплаты по шахте на мой вопрос «Почему обижают слесарей очистных сооружений?» ответила, что в энергомеханическое производство по имеющимся у неё документам входят и работники очистных сооружений, поэтому их труд и оплачивается по соответствующей сетке. Конечно, им хочется получать больше,

но для этого им следует работать на другом производстве. И вообще, по её уже мнению, работы на очистных у слесарей не так уж и много. Люди там больше отдыхают, вяжут носочки и варежки, да газеты почитывают...

Конечно, почитывают, ночами операторы и носочки вяжут. Но когда из-под плотины нового пруда-илонакопителя начала сочиться вода (был такой случай), после того, как спустили воду, туда, в трубу, уходящую под многометровый гребень плотины, полезли не высокооплачиваемые товарищи и не работники ОТиЗа, а те слесари, которые вяжут рукавички и носочки на работе. И долбились эти слесаря до тех пор там, пока полностью не устранили строительный брак и не обеспечили нормальную работу очистных сооружений.

Уткин считает, что коллектив цеха в основном уже сложился. Его численность 42 человека, на любого из которых можно положиться, они проверены, не подведут. Цех разместили в новом здании. Места много для всех его служб и даже, если потесниться, можно принять под своё крыло малое предприятие «Вперёд», занимающееся грузоперевозками по заказам горожан. Есть также мысль – в пустующих кабинетах лаборатории цеха разместить городскую лабораторию санэпидемстанции. Тогда не надо будет ездить за анализами проб через весь город. Есть у коллектива очистников и мечта двухлетней давности, осуществление которой наконец-то началось, – очистка ложа старого пруда-илонакопителя от осевшего в нём угля. Для каких целей? Сделать пруд на его месте и развести там рыбу. Осевший уголь, как показали лабораторные анализы, хорошего качества. Он уже слежался, уплотнился. Слесари, инициаторы этой идеи, на собственные средства наняли бульдозериста. Он снял бульдозером верхний слой, и теперь экскаватором надо отгружать уголь из пруда в машины и отвозить его на угольный склад. В пруду угля, по скромным подсчётам, скопилось от 3,5 до 4 тысяч тонн.

Разрешение на производство этих работ директор шахты наконец-то дал, дело скоро закрутится. За зиму надо вывезти уголь. А весной в очищенный пруд подсыпят щебёнки и песка, отремонтируют плотину, летом заполнят его водой. С рыбозавода Ягуновского совхоза, есть уже договорённость, для заселения пруда будут отпущены растения и рыба. Когда всё примется и разрастётся, здесь, на месте пыльного, экологически вредного пространства образуется зона отдыха. А на столе шахтёров появится свежая рыба.

На мой вопрос: чего же очистники ожидают от нового года, В. П. Уткин ответил:

— Если в производственной сфере, то оборудование у нас пока функционирует прекрасно. Непредвиденные аварии в состоянии устранять собственными силами, планируемое выполняем. Мечта коллектива – запустить летом пруд. На рыбу отдадим сэкономленные участком деньги. Хотелось бы также, чтобы решился вопрос с зарплатой.

В личном же отношении и не знаю что сказать. Пугает будущее своей неизвестностью. Раньше жили худо-бедно, но знали – что нас ожидает. Не задумывались. Безоблачно жили...

Бригада слесарей-ремонтников на мой вопрос ответила несколько иначе: о том, как мы работаем, спрашивайте администрацию. А от нового года ничего хорошего не ждём. Недавно приятели приехали из Ленинграда. По путёвке оздоровительной там были. Так в этом Ленинграде колбаса уже по 140 рублей, а бутылка водки стоит 560. Похоже, скоро и к нам придут эти цены. Надо готовиться к ним. У кого есть собственное хозяйство, тот эту стихию и осилит. Тем же, кто в квартирах проживает, стеречь свой урожай в садах придётся. На балконах больше одной грядки овощей разместить не получится. Да и кроликидохнут там в клетках – простору на балконах для них не предусмотрели строители. Совхоз «Май-

ский» выделил шахте землю для посадки картофеля. Получить для этой цели землю в размере от пяти до десяти соток изъявили желание все работники цеха. Поэтому на весеннюю страду возлагаются в коллективе большие надежды.

Январь 1992 года.

УГОЛЬ, ГОСУДАРСТВО, ЛЮДИ

На днях в Берёзовском состоялось совещание рабочей группы межведомственной комиссии области, рассматривающей проблемы угледобывающих городов. На заседании присутствовали руководители области, АО «Северокузбассуголь», администрации города, шахт, разрезов, автобаз и других предприятий города, представители Независимого профсоюза горняков.

На заседании разговор шёл о проблемах, возникших в связи с закрытием шахт, реструктуризацией угольных предприятий и ухудшением социально-экономического состояния города. Заместитель главы администрации области Б. В. Борисанов, который вёл совещание, коснулся положения угольщиков Кузбасса. Семнадцать шахт в настоящее время остановлено, всего предполагается закрыть 40 шахт. Государство финансирует расходы по закрытию шахт всего на 20 процентов. Область не может обеспечить социальные гарантии трудящимся ликвидированных предприятий. Варварски разбазаривается и уничтожается горное оборудование ликвидируемых предприятий. Высвобождено по области после закрытия шахт 25 тысяч человек, а создано для них всего 1200 рабочих мест. Где работать остальным, как жить?

На имя В. С. Черномырдина уже отправлено письмо главы администрации области А. Г. Тулеева с таким содержанием:

«... Если шахты надо закрывать – закрывайте, как положено. Если у государства нет денег для выполнения необходимых по закрытию шахт мер и работ – шахты должны продолжать работать. Средств на их существование требуется в несколько раз меньше, чем на закрытие...» Не пора ли правительству проявить осторожность в закрытии шахт? Кузбасс со своим углём – основная сырьевая база России. Кому и зачем выгодно её губить? Отсюда страна получает 40 процентов твёрдого топлива, 70 процентов потребности металлургов страны в коксе удовлетворяет Кузбасс. А что сейчас происходит? В 1989 году в Кузбассе добыли 159 миллионов тонн угля, в этом ожидается около 87 миллионов...

Директор шахты «Южная» Б. П. Шарапов в своём выступлении отметил, что государство финансирует им лишь 60 процентов необходимых по закрытию шахты расходов. Снос ветхого жилья и обеспечение горожан новым, создание рабочих мест, на его взгляд, – прерогатива не закрываемой шахты, а города. Город должен этим заниматься, ему должны идти средства на эти цели. Руководство шахты должно решать только технические вопросы по её закрытию. Практически технические работы закончены. Осталось определиться: кто будет правопреемником? А вот вопросы сноса ветхого жилья и создания рабочих мест требуют вмешательства как городской, так и областной администрации.

В. П. Комаров, председатель Независимого профсоюза горняков Кузбасса, поддержал предложение, что закрытие шахт должно производиться через специально созданную областную организацию, работа которой рассчитана на долгие годы.

Директор по производству АО «Северокузбассуголь» Е. В. Кухаренко выразил точку зрения: некоторые шахты севера Кузбасса необходимо закрывать, но закрывать цивилизованно. На шахтах Берёзовского подготовлено к выемке более

пяти миллионов тонн угля. Но чем его добывать? Износ техники достигает 80 и более процентов, нет средств на её обновление. Отсюда – большая аварийность и снижение объёмов добычи. По мнению Кухаренко, без технического перевооружения желаемого объёма добычи мы не добъёмся. Выход – в сохранении имеющихся рабочих мест. Средства, выделяемые государством на закрытие шахт, должны направляться на техническое перевооружение и создание профильных рабочих мест. Основной профиль Кузбасса – добыча угля, незачем переводить его на другие рельсы. В технико-экономических обоснованиях (ТЭО) закрываемых шахт заложено 995 миллиардов рублей. Почему бы эти деньги не отдать на реконструкцию действующих предприятий Кузбасса? Необходимо обратиться в правительство России с требованием выделения инвестиций на реконструкцию шахт. Кухаренко также выразил точку зрения, что он категорически против продажи государственного пакета акций угольных предприятий.

Какова позиция АО «Северокузбассуголь» в отношении перспектив развития шахт «Берёзовская» и «Бирюлинская»? Собирается ли концерн сохранять эти предприятия? В курсе ли руководство АО, что на шахту «Берёзовская» поступило письмо министра экономики Я. Уринсона о консервации горных работ до конца 1997 года? Такие вопросы были заданы первым заместителем главы города Н. В. Управителевым. Ответ Е. В. Кухаренко: решение по «Берёзовской» – это преступление. Программу дальнейшего развития «Бирюлинской» планируется в ближайшее время детально рассмотреть в «Северокузбассугле».

— Та ситуация, что складывается на шахтах, – сказал глава города С. В. Шафранский, – негативно отражается на состоянии города. С закрытием шахты «Южная» в посёлке при шахте социальная сфера брошена напрочь. Из-за неплатё-

жеспособности угольных предприятий у города нет средств для наладки водоснабжения частного сектора, строительства очистных сооружений. Вообще, строительство в городе замерло. Все берёзовские строители возводят объекты в других городах области. «Росуголь» передал городу коммунальное хозяйство, но не передал средства на его эксплуатацию, и мало того, не погасил долг коммунальщиков за предыдущее время. Без финансовой поддержки со стороны государства город существовать не может! Нет средств на оплату топлива котельных, электроэнергии. Решать вопросы жизнеобеспечения Берёзовского – это задача не только местных властей. Надо потребовать от правительства содействия в решении этих вопросов. Откуда городу получать деньги? Чтобы он ничего не терял при закрытии шахт, необходимо с опережением заботиться о создании источников компенсации потерь налогооблагаемой базы и решать этот вопрос коллегиально.

Генеральный директор АО «Северокузбассуголь» С. И. Денисенко согласился с тем, что нашему городу необходима помощь государства:

— Город Берёзовский – банкрот по всем статьям. 228 миллиардов рублей должна государству шахта «Первомайская», 76 миллиардов – «Бирюлинская», 56 миллиардов – «Берёзовская». Обоганительная фабрика «Берёзовская» загружается лишь наполовину. На шахту «Берёзовская» пришло письмо из «Росугля» о консервации горных работ. На «Первомайской» осталось работы на два года, и без освоения новых горизонтов она прекратит существование. На «Бирюлинской» – полный тупик. Какие могут быть в этом случае расчёты с Берёзовским ПАТП и другими предприятиями города?

Вопрос по-крупному – в той политике, которую проводит не правительство даже, а Международный валютный фонд

по отношению к угольной промышленности. Дело не в пончиках. Никакие пончики Берёзовский не спасут. Деньги надо вкладывать в угольные предприятия. Шахтам нужны комплексы, технология. Но даже с перевооружением всё равно «Северокузбассуголь» не может работать рентабельно. Уголь (и ценный уголь марки «К»), добываемый в берёзовских шахтах, сосредоточен в угольных полях, имеющих большие уклоны. Мы должны доказать правительству России, что на уголь Берёзовского нужна дотация государства.

Надо привлекать средства для работы предприятий извне, считает генеральный директор АО «Разрез «Барзасский» В. В. Киприянов, высказавший своё мнение по вопросу о продаже госпакета акций угольных предприятий. А мнение у В. В. Киприянова совсем иное, чем у многих присутствующих на совещании. В отношении продажи акций, считает он, государство ведёт себя, как собака на сене. Если оно не в состоянии обеспечить предприятие кредитами для закупки техники, реконструкции, отдать свои долги, то госпакет акций необходимо продавать. Есть опасение, что купившие акции не будут заботиться об интересах Кузбасса? Да они будут заботиться о своих деньгах, вложенных в производство! Киприянов за то, чтобы продавать, но продавать по-умному. Без вложения средств сейчас ни одно предприятие работать не может.

На совещании было принято решение в ближайшие дни руководителям города и предприятий обосновать свои требования к правительству, на этой основе разработать программу социально-экономического возрождения города и требовать от правительства России её рассмотрения. «Вы должны добиться, чтобы вопрос о социально-экономических проблемах города Берёзовского был отдельно заслушан на межведомственной комиссии под руководством А. Чубайса. Как было с Прокопьевском и Кисилёвском. Своими силами

мы город не спасём», – такой вывод сделал в заключение заместитель главы администрации области Б. В. Борисанов.

Октябрь 1997 года.

ПОСЛАНЦЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОРЕИ

Сейчас, кроме как на колбасной фабрике, в посёлке Октябрьском и негде больше пообедать. Спускаюсь как-то по дороге от насытившего меня предприятия и вижу сценку: четверых остолбеневших от неожиданности корейцев с хохотом и визгом заливают водой мальчишки и девчонки, с ведрами в руках выстроившиеся вдоль улицы напротив милиции. Под эту раздачу попал и я, но не так уж и пострадал: рубашку всего лишь со спины замочили малость. Я, конечно, сразу же вспомнил, что 7 июля у нас отмечается день Ивана Купалы. С улыбкой вспомнил, потому что молодым и сам обливал с удовольствием прохожих и очень радовался, когда они меня ругали и даже пытались догнать. Ну, чтобы уши надрать.

Для нас, русских, обмывание как наружное, так и внутреннее в этот день – процедура обычная и очень уж великого расстройства не вызывает, а вот мокрые корейские парни оказались недовольны исходом дела. И долго я ещё слышал, идя вслед за ними, как они ворчат между собою по-иностранному. Кто они, чем занимаются в Берёзовском и где проживают? Вот сколько вопросов сразу возникло в моей голове.

Корейцы появились у нас не так и давно. Я часто последнее время наблюдал их сплочённые группки на улицах города, на базаре – с выложенным на прилавочек ширпотребом своего производства. Посиневшие губы продрогших в ожидании ав-

тобуса молодых кореянок вызывали у меня презрительную ухмылку: «Это вам не тропики с обезьянами. От нашего холода вы сами как обезьяны на остановках подпрыгиваете». Мне-то что, я к морозу привычный. Для меня и сорок градусов не беда. А они страдают и маются. С чего бы это и добровольно?

Через недельку, наверное, я остановил группку корейцев (они постоянно одновременно со мною появлялись на той улице) и спросил, кто же из них по-русски разговаривать умеет. Оказалось, что никто, а вот есть у них там – показали рукой в сторону милиции – переводчик. Ким Ден Сеном его зовут. Так я вывел из их жестикуляции и певучих звуков непривычной для восприятия речи.

Розыски переводчика привели меня в общежитие по улице Мира – в дом №42. Середина дня. Корейцев встретил в полутёмном коридоре (опять кто-то лампочки выкрутил!) человек восемь. Все с тяжёлыми баулами в руках: куда-то направлялись, на базар поди. Где находится переводчик – никто не знал. По-русски никто говорить (произнести хотя бы пару фраз связно) не может. Неудача для меня, но теперь-то я уже точно знал, где они проживают. И в следующий вечер, припозднившись на работе, наведаясь к ним.

В этот день Ким Ден Сен был в общежитии. Вежливо улыбаясь, какой-то молодой мужчина отвёл меня к переводчику. Туда, где он жил.

Обычная «гостинка». В санузле сломан кран, под большим напором в поддон льётся вода. В кухоньке нет ничего, кроме валяющейся на полу разобранной железной койки. Вся жизнь обитателей этого номера оказалась сосредоточенной в жилой комнате, у входа в которую, присев на корточки, тряпкой вытирал пол, как потом выяснилось, начальник СМУ-8 О Дон Чер. В этой же кухоньке стоял и переводчик. Я объяснил парням цель своего визита, мы присели на

стулья, и я начал задавать им вопросы, через Ким Ден Сена разговаривать со всеми.

— Откуда вы к нам приехали, и что конкретно побудило вас расстаться с тёплой родиной?

— Приехали мы к вам год назад из Северной Кореи. Рабочие строительных специальностей вербовались из различных городов страны. При подборе кандидатов в загранкомандировку все обязательно проходили проверку на профпригодность и двойной медосмотр. Среди нас много холостяков, но много и женатых. Работы для нас хватает и на родине, но мы были посланы сюда в связи с договорённостью с Россией о поставке в Корею кузбасского угля. Мы все – шахтостроители. В Новокузнецке есть шахтостроительный трест КНДР, от которого в Кузбассе действуют восемь строительно-монтажных управлений. По нашим сведениям, в них сейчас трудятся около 1200 человек.

— А сколько же вас трудится в Берёзовском?

— Человек 120. Непосредственно мы работаем у В. Х. Николаенко. Закончили сейчас блок в школе четвёртого микрорайона. Занимались там отделочными работами. Совсем недавно нас послали работать на котельную УПТК. Там занимаемся отделкой помещений котельной.

— А у вас есть сварщики, монтажники, водители, проходчики, то есть те рабочие специальности, которые и необходимы в первую очередь для строительства шахт?

— Конечно, есть. Но нам пока таких работ не предлагают. Есть наметки об использовании нас, как рабочей силы, на шахте «Бирюлинская», а также при строительстве новой школы в Барзасе.

— Я слышал, вас хвалят. Вы очень тщательно и быстро штукатурили школу. Что же у вас за методы такие, используя которые вы способны обогнать русских?

— Секретов у нас нет. Русские на поверхность стен раствор набрасывают, и он в большом количестве падает на пол. У нас другой способ. Мы накладываем раствор на специальную дощечку, оттуда берём его малыми порциями и размазываем по стенкам. В этом случае весь раствор используется по назначению. Уменьшается его расход, и наши рабочие всегда выглядят аккуратно. Кроме того, раствор мы приготавливаем собственными руками, а не ждём, когда нам привезут его с растворного узла. Этим самым мы экономим время, и качество работы повышается. Ведь песок для своего раствора мы требуем чистый, без всяких примесей глины. Здесь же его просеиваем и мешаем с цементом в пропорции 1:3. Получается хороший и крепкий раствор.

— Русские, как деловые партнёры, вас устраивают?

— Да. То, что требуется для производства, они нам предоставляют вовремя. Своевременно выплачивают и зарплату. Вот только последний раз задержали на месяц. Но мы понимаем: у вас по всей стране люди испытывают нехватку финансов. Кое-когда нам приходится сидеть без работы из-за отсутствия фронта работ. Но это происходит очень редко. В основном мы загружены весь день полностью. Работаем по 12 часов в сутки.

— Но сейчас вы, похоже, не особенно загружены работой – я заметил в общежитии очень много празднующихся товарищей.

— У нас здесь столовая. Кто пришёл на обед, кто уже пообедал и уходит.

— А те, что с сумками, наверное, на базар подались? Представителей вашей национальности я частенько вижу на улицах Берёзовского около раскладушек с разложенными на них товарами.

— Нет. Мы торговлей не занимаемся. Мы – честные труженики, спекуляция – не наш вид деятельности. Те же, что тор-

гуют на улицах, не корейцы, а китайцы. Мы же похожи друг на друга, вот вы и предположили. Мы сами их видим каждый день.

Да и чем мы будем торговать, если каждый из нас, заключив договор с Россией, должен в ней безвыездно находиться три года. Нам платят здесь и заплатят по возвращении на родину. То есть, работая здесь, мы обеспечиваем себя, своё будущее и без позорящей достоинство человека спекуляции. Если же кому нужны деньги, то ведь нам постоянно предлагают работу по отделке офисов и квартир. Мы не ленивые – очень многие из нас в свободное от работы время (имеются в виду выходные дни) занимаются этим. Чтобы не скучать. А чего сидеть и глядеть в окна?

То, что лично я корейца от китайца не отличу – это факт. Корейцы – трудолюбивая нация. Так отзываются о них все те мои знакомые, кому довелось контактировать с корейцами по работе. Но не смешно ли звучит утверждение начальника, на полном серьёзе, что спекуляция (вникай глубже – торговля) – это позор для достойного человека? Когда мы жили при социализме и пытались построить коммунизм, нас ведь тоже убеждали в этом. За спекуляцию даже судили. Но вот теперь, когда любой из нас, тех, кто хочет жить при деньгах, занимается торговлей? И находит этот вид деятельности очень даже престижным? Понятия меняются, но у них ведь социализм, от которого мы убежали. Так что понять их можно.

— В столовой при общежитии кормят только корейцев? – задаю вопрос с явным желанием навязаться к ним в нахлебники. А чего, если тут кормят хорошо и сытно, то от моей работы до столовой корейцев всего два шага. Я тогда смогу успеть и пообедать, и отдохнуть как следует.

— Да. Только корейцев. Мы попросили выделить нам для приготовления пищи помещение, наняли поваров, закупаем продукты на свои деньги в ограниченном количестве, поэтому кормить можем только своих соотечественников.

Не получилось у меня со столовой. А жаль: ведь если они нанимают наших поваров, то и пищу едят нашу, съедобную, а не разных там моллюсков и салаты из водорослей. Кстати, а как же это, при нашей-то безработице, связанной с закрытием шахт в Кузбассе, пускай даже в уплату за уголь, отдали чужестранцам заработок 1200 человек? Нам это выгодно? Поспросить бы кого знающего. А чего спрашивать, не ясно разве?

— Контактируете ли вы с местным населением помимо ремонта квартир, доброжелательно ли оно к вам относится, не предъявляют ли к вам какие-либо претензии? – задаю вопрос, подразумевая как раз появившуюся у меня мысль.

— Поначалу всякое бывало, очень часто приходилось обращаться в милицию (ага, за просто так морды у нас не бьют!). Сейчас вроде бы к нам привыкли, и живём мы нормально.

Привыкли к вам... Да не привыкли, а смирились. Если в корень смотреть, то приехавшие к нам корейцы не виноваты. Виноваты те, кто совершил сделку: мы вам уголь – вы нам дешёвую рабсилу на три календарных года. А может и они не виноваты, может корейцам за уголь только натурой и можно сейчас расплатиться?

1997-98 годы.

В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ НА НОВОЙ ТЯГЕ

На шахте «Первомайская» принят в эксплуатацию чешский дизелевоз ДГ-70-2. Этому событию предшествовала большая подготовительная работа. В недалёком будущем на шахте будут действовать пять таких машин. Для их обслуживания администрацией шахты произведено обучение 10 машинистов и 8 слесарей. Согласно Правилам техники безопас-

ности для ремонта и техобслуживания машин под землёй в тупиковой выработке оборудовано локомотивное депо. В это депо и загоняют теперь шахтёры свой единственный (пока) дизелевоз на стоянку и проведение техухода.

Спускаюсь в шахту в сопровождении начальника сервисного обслуживания ЗАО «Кузбасспромсервис» Александра Августовича Шефера и работника завода-изготовителя, техника по сборке и сервису дизелевозов, уроженца Словакии Бабиака Виндемана. По пути к нам присоединяется механик участка ВШТ Александр Юрьевич Нестеренко.

Депо расположено на отметке «минус 40». Выходим из клетки на этой отметке. Идём в сторону депо. Через некоторое время навстречу нам из глубины штрека, мощно урча, с зажжённым прожектором подъезжает дизелевоз.

Хотя он высотой всего полтора и длиной четыре метра, вид у него впечатляющий. Спереди и сзади окрашенного в жёлтый цвет корпуса расположены остеклённые кабины управления. Обладающий большой мощностью, он очень подвижен, послушен в управлении и похож на игрушку, которую любящий отец не прочь подарить своему ребёнку. Утром дизелевоз доставил на места работы шахтёров первой смены. Теперь он направился в депо, где будут проведены его техосмотр и подготовка к последующей работе.

Я слышал отзывы шахтёров об этой машине: дескать, очень сильно газит. Если едешь в пассажирском вагончике против струи воздуха, то становится тяжело дышать из-за выделяемых машиной выхлопных газов, впору надевать противогаз. Обращаю внимание на это. Действительно, при увеличении оборотов двигателя густые клубы выхлопных газов окутывают остановившийся дизелевоз, но слабое движение воздуха оттягивает их в сторону. Дышать можно. При малых оборотах двигателя выхлопные газы не чувствуются. Но, по лично мо-

ему мнению, в этом отношении использование электровозов под землёй безопаснее. Однако сейчас повсюду в мире внедряются дизелевозы. Они экономичнее. Находящийся в словацком местечке Погрански-Строярни завод-изготовитель дизелевозов за 30 лет своего существования изготовил 1900 удобных в использовании машин, которыми обеспечил многие шахты европейских стран, Индии и Китая.

С Кузбассом словаки поддерживают деловые связи в течение трёх лет. Их юркие машины работают уже на шахтах «Тырганская», «Капитальная», «Киселёвская», теперь вот – на шахте «Первомайская». В этом году чехи должны предоставить Кузбассу (в том числе и «Первомайской») ещё 10 дизелевозов различной мощности. Завод выпускает, в зависимости от тяговой силы, три типа дизелевозов: ДГ-35, ДГ-70, ДГ-100.

Шахта «Киселёвская» приобрела себе два дизелевоза ДГ-35. Они дешевле.

— Почему же первомайцы выбрали для себя ДГ-70? – задаю такой вопрос Шеферу. – В одной сцепке 25 вагонов. Её в состоянии утянуть дизелевоз меньшей мощности. Может быть, на «Первомайской» намереваются водить тяжеловесные составы?

— Нет, технология разгрузки не позволяет увеличения количества вагонов в одной сцепке, – отвечает Шефер. – Причина кроется в другом: учитывались уклоны, расстояния и многие другие производственные условия. Ведь на каждой шахте они разные.

Локомотивное депо рядом. Сманеврировав, дизелевоз направляется туда. Мы идём следом. У застывшей над смотровой ямой машины начали колдовать слесари. В первую смену им предстоит проверить работу всех узлов дизелевоза, залить горючее в баки.

Мы появились вовремя. Виндеман объезжает в этом месяце шахты Кузбасса с целью анализа эксплуатации выпускаемых заводом машин. Если в течение года дизелевоз выйдет из строя из-за допущенного при изготовлении брака, то завод обязан устранить неполадки или же заменить машину.

Приподняв ограждающий кожух, Виндеман придирчиво осматривает вращающиеся шкивы, вслушивается в звуки работающего на малых оборотах мотора, определяет рукой температуру нагрева его частей. По неуловимым постороннему человеку признакам он замечает отклонение в работе узлов машины, тычет пальцем в определённую деталь, и его без слов понимают сгрудившиеся рядом русские технари. Кстати, по-русски Виндеман говорит неплохо: он уже не первый раз приезжает в Россию, но если можно без слов, он без них и обходится.

Для наших шахтёров дизелевоз – новая и ещё не совсем освоенная техника. И хотя они накатали на ней 3184 километра, возникло немало вопросов, с которыми и обращаются теперь к Виндеману:

— На шкивах быстро стираются клиновые ремни. Из-за перекоса шкивов или несоответствия размеров ремней? Установили резиновые прокладки, а что бы сделали чехи?

— Масляные фильтры за смену забиваются угольной пылью настолько, что их очень часто приходится промывать керосином. Неразъёмность фильтров мешает проводить эту операцию в считанные минуты, нельзя ли отделить фильтр от крышки корпуса и придумать к ним новые крепления?

Виндеман обстоятельно отвечает на каждый вопрос. В одной из кабин управления по неизвестной причине перестал работать спидометр. Виндеман не против был забрать его с собой и отремонтировать, либо выдать взамен новый. Но в смотровой яме депо вода – снять спидометр невозможно. В ходе разговора выясняется, что очень скоро в Кузбассе будет

работать офис от завода по ремонту и техническому сервису дизелевозов. Все шахты нашей области смогут получать комплектующие детали. Ремонт дизелевозов будет производиться по месту их работы.

Виндеман удовлетворён производственным осмотром: первомайцы обращаются с дизелевозом, придерживаясь заводских рекомендаций. Работает дизелевоз на шахте 20 часов в сутки. За одну ходку вывозит 75 тонн угля, в сутки – 1500 тонн. Нагрузка для него нормальная. В баки машины заливается 85 литров дизтоплива, запаса которого хватает на работу в одну смену. Заправка горючим – рядом с депо. От перегрева мотора дизелевоз оборудован тепловой защитой, от возникновения пожара – углекислотным огнетушителем. Выхлопные газы, чтобы не было взрывов при искрении, проходят через воду, при отсутствии которой в системе двигатель отключается. Для аварийного запуска при отказе компрессора дизелевоз имеет баллон сжатого воздуха. То есть конструкторы полностью обеспечили свою машину на все случаи жизни.

Дизелевоз прост в управлении: я в этом убедился лично – мне дали на нём проехать. Ощущение захватывающее! Если сравнить чешский дизелевоз с отечественными электровозами, то первому надо отдать предпочтение: при той же тяговой силе дизелевоз оказывается мощнее электровоза – в сутки электровоз вывозит только 1000 тонн угля. На обслуживание дизелевоза затрачивается 10 минут, электровоза – 50. И людей, занятых на обслуживании дизелевоза, требуется в несколько раз меньше. И первая же машина подтверждает обоснованность этого решения. Переход на новую тягу, по мнению администрации шахты, должен привести к улучшению производственной деятельности первомайцев.

1999 год.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ ГИРСОВ, ВЕРНЕЕ – ПРОСТО НАСТОЯЩИЙ ТРЕНЕР

В 1975 году Владислав Николаевич Гирсов, работавший тогда учителем физкультуры в школе, предложил Любе Ежовой заниматься лыжами. Она оказалась очень крепкой и выносливой, хорошо плавала, каталась на велосипеде, 140 раз могла присесть на одной ноге и 16 раз подтянуться на турнике. Не всякий мальчишка мог потягаться с нею. Отличная физическая подготовка и настойчивость позволили ей быстро овладеть многими секретами техники ходьбы на лыжах. В 15 лет она уже получила первый взрослый разряд, а в 1979 году попала в сборную области общества «Спартак».

— В этом же году, — рассказывает Любовь Павловна, — я поехала на соревнования зоны Сибири и Дальнего Востока. Заняла там 9 место. И в конце 1979 года после удачных выступлений на ЦС «Спартак» меня включили в сборную России. Но не подумайте, что это так легко мне досталось. Крутой год нам Гирсов не давал ни минуты покоя. Зимой — ежедневные тренировки на лыжной трассе, неукоснительное соблюдение суточного режима: вовремя ложись спать, вовремя вставай, не ленись повторить несколько раз за день комплекс упражнений. А потом — обязательный выезд в спортивный лагерь, где тебя ожидают велосипед, бег, плавание, ходьба и катание на роллерах. А в промежутках — косьба на необозримых площадях покосных угодий. Уж чем-чем, а косьбой Владислав Николаевич мог заниматься даже в ущерб своему и нашему времени. И для чего ему нужно было заготавливать столько сена, ведь он прежде даже козы паршивой не держал в хозяйстве? В общем, никаких поблажек он нам не давал, и попробуй пожалуйся при нём, что ты уставшая и тебе бы полежать, отдохнуть с часик хочется. «Разговорчики в строю» при нём

не полагались. Фельдфебель прямо, а не тренер. Сколько раз я против этого восставала, бросала занятия спортом, а потом ведь снова возвращалась к Гирсову и терпела до нового срыва его солдафонские притязания.

На летние тренировки мы с Владиславом Николаевичем не только в пионерские лагеря ездили, побывали в Ереване, Сочи. Тренировались в горах, на море. Результатом таких выездов за пределы Кузбасса стало для меня в 1989 году завоевание звания чемпионки России среди школьников. В том же году я стала чемпионкой нашей области.

В 1981 году наибольшего успеха добилась в личном чемпионате Кузбасса, заняв в забеге среди сильнейших лыжников области в гонке на 10 километров третье место, а в гонке на 5 километров – второе. Выполнила норму кандидата в мастера спорта. В 1981 году завоевала второе место на первенстве Кузбасса, потом стала чемпионкой «Спартак» по области и первые места завоевала на соревнованиях зоны Сибири и Дальнего Востока. В 1982 году я уже на первенстве Кузбасса заняла первое место. В соревнованиях Сибири и Дальнего Востока среди юниоров – тоже первое место. В 1983 году на чемпионате России среди физкультурных техникумов (я училась в Прокопьевском физкультурном техникуме) заняла первое место.

В этом же году на соревнованиях ЦС «Спартак» России заняла седьмое место. 12 секунд не хватило для выполнения нормы мастера спорта. Вообще, на соревнованиях зоны Сибири и Дальнего Востока я восемь раз занимала первое место, но первый раз норматив мастера спорта мне удалось выполнить только на Беломорских играх в Архангельске, проходивших в 1985 году. Тогда я заняла третье место. В 1988 году на соревнованиях, проводившихся среди профсоюзов России, я была на 12 месте и попала в сборную команду России.

В 1984 году я окончила техникум, в следующем – вышла замуж. Сейчас у меня двое детей – дочка и сын. Работаю третий год тренером на лыжной базе. Что дал мне спорт? Если откровенно – только мужа. Болеть я как болела болезнью Боткина, так и теперь болею – хронически. Но это я шучу, конечно. Без спорта я бы и носа дальше Прокопьевска не высунула, а то ведь объехала весь Советский Союз. Выступала во всех крупных городах. На сборах была в Киргизии, в Алма-Ате – на Медео, тренировалась в пустыне Каракумы, в Мурманске, в Белоруссии, Ялте, Алуште, – везде побывала, и везде нас, спортсменов, встречали с радостью.

Может быть, могла бы она и чего-то большего достичь. Любовь Егорова, четырёхкратная олимпийская чемпионка, уроженка Томска, однажды была её соперницей. В 1986 году на зональных соревнованиях Сибири и Дальнего Востока первое место завоевала Егорова и, с небольшим отрывом от неё, второе – Ежова. Обеих приглашали на учёбу в Ленинград. Одна согласилась и поехала. Теперь живёт там. Чемпионка. Правда, в ту встречу с Ежовой Егорова уже входила в состав сборной СССР.

Силён был Берёзовский раньше лыжниками: братья Леготины, К. Северьянов, Л. Заикина, а также подготовленные до уровня мастеров спорта и переехавшие в другие города А. Павлюкович и О. Адайкин – это только мастера. Александр Шатович – очень сильный лыжник Кузбасса, чемпион Кузбасса, Камчатки, восемь раз выполнял норму мастера спорта, но так и не смог добиться официального получения этого звания. О. Соколова (Рублёва) пять раз выполняла норму мастера – не присвоили, Н. Назаровой (Кадушкиной) – тоже не присвоили. А. Бессмертных, чемпион Динамо (МВД) – не присвоили. Кандидатов в мастера спорта в Берёзовском насчитывается около 20 человек.

Лыжный спорт 10-15 лет назад был очень развит в городе. И природные условия для катания на лыжах у нас в то время были прекрасные. Недаром же в Берёзовском ДСО «Спартак» построило и оборудовало великолепную лыжную базу, на снежных трассах которой и получили навыки вышеупомянутые спортсмены, составлявшие конкуренцию сильнейшим лыжникам мира.

Природные условия и сейчас сохранились. Обветшавшую лыжную базу подремонтировали. Энтузиасты лыжного спорта в Берёзовском ещё не перевелись. Но он перестал блистать на лыжном небосклоне. Пришедшие на смену теперь уже ветеранам спорта молодые лыжники нисколько не слабее их физически, а вот той одержимости им, похоже, не хватает. Не приучены они смолоду к казарменным принципам достижения успеха. Мир в лице их материально обеспеченных (сравнительно) родителей предоставляет им теперь так много разных развлечений, что не каждому начинающему спортсмену нравятся требования тренеров.

Демократы мы стали прожжённые. Свободные от всего. А тут – принуждения. Может, Гирсову и подобным ему тренерам, сменить следует хотя бы на время для пользы дела дававшую ранее плоды тактику, и начать проводить тренировки, по стилю чем-то родственные занимательным урокам первоклашек, на которых учителя в непринуждённой беседе преподносят им тему урока. И те с удовольствием воспринимают знания в виде румяных яблочек и синегрудых синичек, полевых ромашек и журчания ручейков – этих, со дня осмысления жизни, таких близких, понятных и зримых для них образов...

Смешно, конечно, но что-то же делать нужно – нельзя допустить, чтобы Берёзовский оскудел лыжниками мирового уровня.

1996 год.

ТАК МАРТ ВСЁ ЖЕ ИЛИ СЕНТЯБРЬ?

Давно уже школа №2 жилого посёлка при шахте «Южная» требует расширения площадей из-за возросшего количества обучающихся в ней ребятишек. В конце прошлого года я побывал на стройке.

— Ещё горисполком, – говорит директор школы Татьяна Анатольевна Цуприкова, – принял решение сделать к существующей школе пристройку и таким образом ликвидировать недостаток учебных мест. Дата сдачи пристройки в эксплуатацию была назначена на 1 сентября 1991 года. В 1990 году вырыли котлован, заложили фундамент – на этом стройка прекратилась. Год или два этот фундамент так и стоял, занесённый снегом. Я обращалась в горно, к председателю исполкома, но сдвигов никаких не добилась. У руководителей города и стройорганизаций всегда находились причины, которыми они могли оправдать своё бездействие. Но вот к весне 1992 года строители возвели стены, залили крышу. Глава администрации города А. Я. Панасенко клятвенно заверил коллектив учителей школы, что к новому 1993 году мы сможем отпраздновать новоселье. Для отделки помещений пристройки были привлечены работники Бирюлинского стройуправления (руководитель – Ю. Ф. Зизяк). Но темпы работы строителей таковы, что вряд ли школа будет готова раньше 1993-94 учебного года.

Летом они ещё что-то делали. Потом два месяца не работали совсем. В декабре, наконец, возобновили работу, но идёт она настолько медленно, что из четырёх этажей в настоящее время не закончили полностью даже один этаж. Именно поэтому я и попросила содействия редакции городской газеты. Давайте сходим и посмотрим, как они работают.

...Внушительное, величиной со старую школу, кирпичное здание пристройки. Лужа у входа: опять прорвало отопление,

которое строители сдали ещё третьего декабря, но до сих пор не могут устранить аварию. Заходим в здание. На первом этаже трое плотников устанавливают подоконники. Стены не полностью оштукатурены, полов нет. На втором этаже в оборудованной под бытовку будущей классной комнате сидят отделочницы: нет раствора. Две женщины в конце этажа сами замешивают раствор и выкладывают стеклянной плиткой туалет.

— Почему стеклянной? — взрывается Татьяна Анатольевна. — Я ведь обходила с вашим начальством все помещения, и мы обговаривали, где какой материал применять непосредственно. В туалетах вы должны облицовывать стены керамикой!

— Какую достали ...

— Нет, ну это же ... — задыхается от возмущения директор школы. И мне становится жаль её. Ведь помимо этой, неожиданно взваленной на её хрупкие женские плечи «кураторской» работы по ведению строительства, на ней лежит груз забот по реализации школьной программы.

Беседую с бригадиром отделочниц Светланой Петровной Тарасовой.

— Когда вы приступили к отделке пристройки?

— Мы переехали на этот объект в конце июня. Весь июль из-за отсутствия тольмера (растворный насос, который всегда раньше вполне заменяли носилки) и воды. В начале августа тольмер был завезён и к нему подведена вода. С 10 августа начали штукатурить второй этаж. Работали до заморозков. Последние дни делали цементную стяжку для полов. Потом нас перевели на ремонт своего управления, где мы работали, пока не подключили в пристройке систему отопления. Но, похоже, рано переехали: это отопление, вы сами видите, «на ладан дышит». За декабрь из работающих на пристройке женщин уже третья простудилась и заболела. Строители — люди стойкие, но

для меня не будет неожиданностью, если в один прекрасный день половина бригады, и я в том числе, очутится в больнице.

— Да, положение серьёзное. А ваше руководство почему не принимает никаких мер?

— Как же, неделю назад завезли «печку-пушку». Воздух из неё подаётся вентилятором внутрь здания, но у неё нет направляющего рукава. Механик управления божился изготовить рукав и запустить «пушку» через неделю. Неделя прошла. Видите, вон она, «пушка», без рукава простаивает. А для неё даже уголь завезён. В бытовке смастерили нам мужчины буржуйку. Тем и спасаемся. Есть где посидеть и погреться. Но ведь надо же ещё и работать. Сегодня, допустим, с утра нет раствора. А привезут его три куба – куда выработать? Стены холодные. В помещениях минусовая температура. При такой температуре какую бы качественную штукатурку ни делал, она всё равно летом отвалится. Начальник управления, Юрий Францевич, к нам на объект приезжал всего два раза. Вроде как специально для этого выбирал погожие деньки. Пробежится нараспашку по этажам: «Работайте», – скажет, – «условия нормальные, работайте», – и уезжает. А как работать и чем работать – это его не касается.

А вот что думает по поводу срыва ещё одного срока сдачи пристройки начальник УКСа Берёзовского А. Д. Попенков:

— Когда мы планировали сдачу пристройки в декабре, то исходили из того, что у Зизяка достаточно сил для выполнения запланированного объёма работ. Но, как он говорит теперь, у него постоянно не хватает людей. Ко всему прочему, к зимнему сезону не было подготовлено отопление здания. У С. И. Нарышева, начальника Берёзовского участка управления «Запсибсантехмонтаж», для запуска уже смонтированного отопления не оказалось в наличии 30 метров труб диаметром 100 миллиметров. Эти трубы Нарышев искал два месяца (не

сомневаюсь в том, что отдел капстроительства знал об этих поисках). Упущенного для отделки здания времени теперь не нагонишь, тем более с такими темпами работы. Каких-либо мер воздействия в законном порядке мы к строителям применить не могли (но ведь могли же помочь изыскать эти 30 метров труб, даже бывших в употреблении!). Сейчас, действительно, наиболее реальной будет дата пуска пристройки в сентябре 1993 года. А чтобы не сорвать и этот срок, мы в январе, совместно с Ю. Ф. Зизяком, разработаем новый договор. В него будут внесены пункты, согласно которым БСУ получит от нас все оставшиеся по объекту деньги, но при задержке сдачи пристройки обязано будет выплачивать штрафы с возмещением за каждый просроченный день. Финансовая самостоятельность и нежелание работать себе во вред, я думаю, позволит БСУ уложиться во вновь отпущенное ему время.

Главный инженер Бирюлинского строительного управления Владимир Андреевич Шестаков вот как объясняет причины задержки сдачи пристройки к школе №2:

— Раньше генподрядчиком объекта было НШСУ. Каменщики этого управления возвели здание, субподрядными организациями были смонтированы сантехника, отопление и электричество. И так как осталась только его отделка, здание передали нам. Акт передачи объекта зафиксирован где-то в августе. В августе мы и приступили к работам по отделке пристройки. В то время мы располагали только одной свободной бригадой штукатуров, которую сразу же и задействовали. До заморозков успели отделать один этаж. Начальник участка «Запсибсантехмонтаж» С. И. Нарышев не мог получить деньги с бывшего генподрядчика НШСУ за проделанную работу, поэтому он и не подключал здание к теплосетям города. В течение двух месяцев НШСУ выискивало деньги на оплату его работы, и в течение этих двух месяцев мы не могли зани-

маться отделкой пристройки. Отсутствие нескольких труб нужного диаметра тут ни при чём. Запущенное 3 декабря отопление ещё долго не будет давать нужного эффекта, потому что остывшее за два холодных месяца сырое здание должно нагреться, высохнуть и только тогда будет обладать необходимой теплостойкостью.

Для ускорения процесса сушки стен мы и привезли на пристройку отопительный агрегат. По уголю уже договорились. Осталось его только подвезти. Не сегодня-завтра нагнетательный рукав изготовят и установят, и горячий воздух будет подаваться внутрь пристройки.

Конечно, агрегат не сможет сразу осушить здание. Поэтому наши штукатуры будут сначала заниматься отделкой внутренних стен (перегородок) и лишь затем – наружных. Сегодня они сидят без работы из-за отсутствия раствора. Бесперебойное обеспечение их материалами мы гарантировать не можем до середины января, пока не заключим договоры на отпуск раствора и других стройматериалов со всеми поставщиками. Я думаю, в январе у нас всё установится. На пристройке будет подготовлен фронт работ и для второй бригады штукатуров, которая уже заканчивает свой объект.

То, что нам не удалось сделать к Новому году, я считаю, мы сможем закончить в марте. Собственно, конец марта, а не начало сентября, и будет вторым сроком сдачи пристройки.

Январь 1993 года.

ЛУЧШЕ ВОРОБЕЙ В РУКАХ...

7 августа утром я узнал, что коллектив шахты «Бирюлинская» прекратил работать по причине отсутствия средств к

существованию. На этой шахте, по моим сведениям, зарплаты не выдают с марта месяца. По приезде на шахту я сразу же обратился в котельную. По профессии я вообще-то теплотехник, и меня лучше всего воспринимают в котельных любого предприятия. Действительно: оборудование котельной оставлено. Обслуживающий персонал котельной – зольщицы, машинисты котлов, слесари с утра не приступают к работе. Терпение их лопнуло. Они не верят обещаниям директора шахты о скорой выплате зарплаты.

«Голодными на работу уже ходить не можем. Нет денег на проезд в городском автобусе. Пусть нам предоставят отпуск-отгул до тех пор, пока не оплатят задолженность по зарплате. Сидя дома, мы что-то сможем заготовить на зиму из выращенного на огородах и в мичуринских садах. Одна надежда осталась – на землю. Уголь продают – покупают никому не нужные теперь холодильники. Эти холодильники стоят невостребованными на складе. Покупают продукты. Но за какую цену! Лапшу недавно завезли и продали под зарплату по цене 8 тысяч рублей за килограмм, в то время как в магазинах она стоит 4 тысячи. Вчера на собрание приглашали к себе директора шахты – не пришёл, потому что ему уже нечего говорить нам. До этого он грозился: не работайте – пригоню в котельную монтажников, они будут топить котлы, а вас уволю. Собственно так уже было в прошлую зиму: лучшая смена Гусевой – рассчиталась. Всю зиму вместо ушедших ставили работать не имеющих опыта обращения с котлами людей. Результат – пережгли все новые колосники топок котлов. Уголь в котельную зимой завозили с грязью. Мучились с ним всю зиму.

Уже конец лета, а котельная ещё не подготовлена к отопительному сезону. Как будем работать? Действующим сейчас котлам тоже требуется проведение ремонта. За вредность перестали давать молоко. Да что там молоко – мыла умыться

после смены – и то нет на шахте! Столовая работает только для ИТР, потому что без денег нас там не кормят. В буфете (горячее питание) дают под зарплату в день два беляша и три пирожка на сумму в семь тысяч рублей. Ну разве ими наешься? А возьмёшь ещё раз – и нет твоего дневного заработка. И ведь не только ты, – дети твои тоже хотят есть. Им пирожка не принесёшь. Сейчас детей нужно собирать в школу. Одежду приобрести, обувь, тетради – на что?»

Безвыходность положения, в которое загнали рабочих, заставила их пойти на отказ от работы. Для них средство существования – зарплата. «Не платишь за работу – оплати простой» – такие листовки больше месяца висят в мойке и других людных местах шахты. Неизвестно, из какой газеты, но они очень доходчиво разъясняют людям, как поступить тем, кто оказался в таком положении и показывают, что не только на «Бирюлинской» в Кузбассе, но и по всей России народ сейчас поставлен властью на последнюю грань выживания. Привожу содержание этой листовки: «Настоящим ставлю в известность, что ввиду нарушения администрацией моих конституционных прав, а также невыплаты зарплаты за произведённый мною труд, согласно КЗОТ, я приостанавливаю выполнение своих трудовых обязанностей до полного погашения задолженности со мной по зарплате. Время простоя рассматриваю как вину администрации».

Написавший такое заявление в адрес своей администрации прав: необеспечение своевременной оплаты труда нарушает не только статью конституции РФ, но и статью 13 конвенции международной организации труда №95 1994-95 годов об охране зарплаты. Кроме того, пункт 10 отраслевого соглашения предусматривает оплату за вынужденный простой, произошедший по вине предприятия из расчёта 100 процентов оклада.

В ночь на седьмое августа не приступили к работе шахтёры второй и третьей смен. На утренней раскомандировке директор И. И. Пригорницкий, не сумев убедить шахтёров приступить к работе, сообщил им о приезде на шахту заместителя генерального директора концерна «Северокузбассуголь» Б. Г. Лоцынюка. Рабочие очистного участка №5 настроены решительно. Все смены написали об отказе от работы, указав единственную причину – голод. Эти заявления зарегистрированы в отделе кадров и заработной платы. Данный акт протеста – не забастовка. Забастовку нужно оформлять предварительно за 42 дня. Нет времени, некогда ждать. Потому и пошли они на такое. Юридически шахтёры правы. Они простаивают не по своей вине.

«Директор нам угрожает закрытием шахты. Мы согласны и на это. Пусть только по закону закрывают шахту. Выплачивают нам причитающиеся при закрытии производства деньги, переучивают нас. Ведь деньги на такие дела государством должны отпускаться.

Если мы уже ни на что не годны, не можем вывести своё предприятие из должников – пускай объявляют нас банкротами. Закроют шахту – мы будем знать, что нам нечего ждать от неё, и каждый начнёт искать себе новое место работы. Хорошей работы в городе не найдёшь: «Черниговка» не принимает, на «Берёзовскую» – не подступись. Но это лучше, чем та неопределённость, в которой мы находимся уже полгода.

Каждый день меня встречают четыре пары детских глаз. Их первый вопрос: папка, принёс зарплату? А разве я виноват в том, что не могу сейчас купить им конфеты, мороженое, накормить досыта? Почему мы должны жить так?»

От безысходности выкристаллизовываются такие слова. Всё это услышал приехавший на шахту Б. Г. Лоцынюк. И что же он мог ответить на это?

— Вы правы в своих требованиях, но поймите нас правильно: на складе вы имеете угля на два с половиной миллиарда рублей. И ещё два миллиарда мы вам должны по зарплате. Но ведь вы не добыли порядка 70 тысяч тонн угля, а это – около 10 миллиардов рублей. С прошлого года затраты на добычу превышали стоимость угля. Долг по зарплате у вас достиг уровня пяти месяцев. А если прибавить к этому вашу задолженность другим предприятиям, сумма долга достигает 26 миллиардов рублей и становится ясно, что деньги, которые вы требуете, вам ещё надо заработать.

— Да, – вклинивается в речь Лоцынюка И. И. Пригорницкий. – Мы не даём тот уголь, который должен кормить шахту.

— Сейчас прорабатывается проект на закрытие вашей шахты, – продолжает Лоцынюк. – Пока его утверждают и начнут финансировать, пройдёт не менее трёх месяцев. А эти три месяца вам нужно прожить.

То же самое произойдёт, если шахту объявят банкротом. По мере продажи её имущества администрация должна будет расплачиваться со своими должниками, и вы получите заработанное только в порядке установленной очередности. Мы предлагаем вам сейчас возобновить работу. Нами получено согласие банка на отпуск кредита под 110 процентов годовых для выдачи мартовской зарплаты. Концерн «Северокузбассуголь» даст гарантию банку для шахты, но только в том случае, если сегодня вы возобновите работу.

— А задолженность по остальным месяцам?

— Будет уголь – получите всё остальное.

Протестующие выкрики с мест: «Отдайте наши деньги! Мы не хотим подыхать с голоду на шахте!» – зачастую прерывали речь выступавшего. Рабочие недовольны. Нужно возвращать долги знакомым, а после этого мартовской зарплаты не хватит и на два дня. Выдача одной мартовской зарплаты по-

ложения не исправит. Но выдачу всех денег им не обещают. Сейчас государство дотирует добычу угля не подушно, не по количеству людей, занятых на производстве, а за каждую тонну угля. В прошлом месяце поэтому получено дотации всего 17 миллионов рублей. Хочешь иметь больше – больше и добывай. Но не рассчитывай особенно на государство.

Несмотря на воинственные выкрики доведённых до ручки людей, большинство присутствующих трезво оценили полученную информацию и, следуя заповеди: «Лучше воробей в руках, чем синица в небе», согласились возобновить работы. Зарплату администрация шахты обещала выплатить рабочим в течение следующей недели.

Во время подготовки материала в печать выяснилось, что до сих пор (15 августа) мартовская зарплата рабочим не выплачена, но под эту зарплату им на некоторых участках начали в порядке очерёдности отпускать говядину в одни руки по пять килограммов. Стоимость мяса – 11 тысяч рублей за килограмм. Такая трогательная забота о работниках шахты со стороны её администрации только усилила их недовольство. Два звена с участка №5 к работе не приступили – требуют полного погашения, и только наличкой, задолженности по зарплате. Интерес к исходу их протеста у остального народа не убывает. Обещанная концерном зарплата за март, по мнению некоторых бирюлинцев, будет им выплачена лишь после того, как свистнет на горе рак.

Август 1996 года.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Во многих городах России действуют ДОСААФ – технические организации оборонно-спортивного назначения. Есть такая организация и в Берёзовском. Нависла над дорогой бетонным забором, за которым давно установлен ряд колонн под фермы перекрытия объёмного цеха или ангара для техники. На этом этапе строительство данного объекта и было приостановлено. Зато снаружи теперь, перед конторой, за огороженной оградой территорией, возводятся два двухэтажных здания. Интенсивно возводятся, со вкусом и художественными излишествами. Ну как тут не заинтересуешься: почему небольшое (по занимаемой площади и значимости своей деятельности для города и численности работников) предприятие может позволить себе строиться, а такие внушительные по сравнению с ДОСААФ угольные гиганты, как, допустим, шахта «Южная» или «Берёзовская» – не могут.

Контора состоит из учебной части, столовой, управления. Директор занят: проводит планёрку. В гараже пусто. Лишь несколько водителей копошатся у вышедших из строя машин. В слесарке рабочих чуть больше. С ними и разговариваю.

Сегодня ДОСААФ – акционерное производственно-коммерческое общество оборонно-спортивной организации. Работających в нём – около 200 человек. Держателей акций – всего 38. Почему же так мало акционеров? – акции выпустили стоимостью по 100 тысяч рублей каждая. Не у всех рабочих, желающих стать акционерами, нашлось столько денег. Вообще, рабочих среди держателей акций всего три человека. Остальные поголовно относятся к административным работникам предприятия. Тут следует оговориться: на приобретение акций давали беспроцентную ссуду. Но мало кто верил тогда из рядовых рабочих в эту затею: приобрести акцию, отработать за неё год,

во всём ущемлять себя – и ради чего? Ведь никому не известно было, какая будет от этого акционирования отдача. Никто в точности сказать не может, почему назначили столь высокую номинальную стоимость одной акции. Что дало акционирование непосредственно рабочим, явному большинству коллектива предприятия? Те из них, что участвовали в разговоре со мною, разводят руками – они не акционеры. Они – просто наёмная рабсила. С помощью которой, кстати, администрация учредила выгодное для себя акционирование предприятия. Из водителей зарабатывают помногу те, кто работает на междугородных маршрутах и возит китайский импорт. Те же, кто обслуживает предприятия Берёзовского, получают в месяц 50-70 тысяч рублей. Работающие на ремонте водители получают и того меньше, ведь часовой тариф у них – 25 рублей 20 копеек. Рабочий может купить 4 килограмма мяса, привозимого из подсобного хозяйства по цене 250 рублей (если берут больше 4 килограммов – по 400 рублей за килограмм).

На 200 человек работающих В. М. Тимохин, генеральный директор акционерного общества ДОСААФ, назначил себе в заместители пятерых человек: заместителей директора по коммерции, по строительству, по кадрам, по учебной части и по автотранспорту. Многовато, конечно, но ведь он мог назначить себе заместителя и по сельскому хозяйству, а также по решению социально-бытовых вопросов – да мало ли ещё по каким жизненно важным аспектам! Но вот не захотел человек транжирить средства общества и воздержался, предполагая, экономии ради, самолично делать то, что в компетенцию назначенных заместителей не входит. То есть добровольно сверх положенного себя загрузил. Он и с водителями так поступает, заставляя их, не на добровольных только началах, работать сверх положенного. И не перечь. Иначе тотчас последует: увольняйся! В этом отношении он строг. За малейшую

провинность карает. Многие не выдерживают такого к себе отношения и уходят по собственному желанию, но это не всё – в основном с этим акционерным обществом люди разрывают трудовые отношения по 33 статье. Даже присказка в городе стала гулять: если хочешь заработать «горбатого» (33 статья) – иди в ДОСААФ. Потому-то здесь большая текучесть кадров. За год сменился едва ли не весь состав рядовых работников предприятия. Даже из держателей акций кое-кто ушёл.

Профсоюза в организации нет. При акционировании решили от него отказаться – посчитали не нужным. Так что теперь защищать рабочих от произвола руководства некому. Коллективного договора на предприятии тоже нет. И вообще, какой в ДОСААФе коллектив? Все в рейсах, соберутся когда в слесарке ремонтники, посудачат о несправедливом к себе отношении – и всё. Нет былой сплочённости, всяк за себя. Работы ведь в городе мало, уходить некуда. На «идеологическую» обработку начальства рабочие привыкли теперь отвечать молчанием. Зазорно, конечно, чувствовать себя бессловесной тварью, а что поделаешь? – жить хочется. Руководство в свою деятельность нижние чины не посвящает.

Совсем недавно директор начал принуждать всех работающих заключать с администрацией контракт, в котором уже предусматривается ненормированная продолжительность рабочего дня и работа в выходные дни. В контракте также есть ряд других положений, противоречащих КЗОТу.

Естественное желание корреспондента ознакомиться с содержанием предлагаемого рабочим контракта вызвало у заместителя генерального директора по кадрам Л. Ф. Головки отчаянный протест: выдавать производственные тайны не в её правилах.

Горький осадок остался и от разговора с рабочими, ни один из которых назвать свою фамилию не согласился: зачем это? –

«засветишься» сегодня, а завтра тебя выгонят, и так нет никакой уверенности в завтрашнем дне. Отказалась давать какие-либо сведения о жизни коллектива и бывший председатель профкома ДОСААФ Г. Клепшина. Да и что может изменить её мнение?

Разговариваю с Виктором Михайловичем Тимохиным, директором акционерного общества:

— Правительство России начало приватизацию государственного имущества. Акционирование – не ваша выдумка, просто вы сменили форму собственности несколько раньше некоторых и уже успели познать прелести этих, новых пока для нас, отношений. Расскажите читателям нашей газеты, с чем вы столкнулись, какие трудности приходится преодолевать и от чего хотелось бы освободиться.

— Система ДОСААФ давно изжила себя. Из 54 организаций в Кузбассе сегодня осталась едва ли половина. Могли ликвидироваться и мы. Чтобы не допустить этого, с целью сохранения кадров и того, что уже наработано с 1987 года (дата образования ДОСААФ в Берёзовском) мы решили поменять форму собственности. В 1989-1990 годах разработали свою модель хозрасчёта, которой придерживались почти два года, и которая как бы подтолкнула нас к переходу в акционерное общество. Что изменилось? Все средства мы стали пускать в фонд развития производства. Изменили систему оплаты труда, ввели новые структурные подразделения. В августе 1992 года мы первыми по России акционировали своё предприятие в системе ДОСААФ. Перед этим была проведена соответствующая разъяснительная работа в трудовом коллективе. Тогда нас было всего 65 человек. Из них 38 человек решили стать акционерами.

— Почему же вы ограничили вступление трудящихся в акционерное общество такой высокой ценой акций? Ведь можно было выпустить их стоимостью по тысяче рублей, и тогда бы у вас акционерами стали все члены коллектива.

— Кто хотел работать у нас, тот смог раздобыть денег на приобретение стотысячной акции. 30 процентов акционеров составляют рабочие. То есть в акционеры вошли нужные предприятию люди. Основная доля трудового участия падала как раз на них, и было бы нецелесообразно расплять прибыль предприятия на множество держателей акций.

— Является ли ДОСААФ сейчас прибыльным предприятием? Если да, то из чего складывается прибыль? И что вы уже приобрели за период акционирования?

— Как я говорил, мы ещё при хозрасчёте создали подразделения: автохозяйство, курсовой комбинат, на базе которого выучили за год 850 человек, строится подсобное хозяйство в Мариинском районе. Создали уже 137 дополнительных рабочих мест, что для нашего города очень ощутимо. У нас есть свой отдел капитального строительства, который сейчас и занимается строительством нашего офиса перед конторой и шинного завода на территории ДОСААФ. Этот завод будет в год выпускать до 600 тысяч колёс грузовых автомобилей. Он также даст городу 40 дополнительных рабочих мест. Оборудование для этого завода уже есть. Возводим завод с помощью Красноярского шинного завода. Чтобы было легче со стеновыми панелями, освоили у себя цех по производству шлакоблоков. В прошлом году наше автохозяйство пополнилось 20 машинами и весь автопарк составляет теперь 80 единиц. Это я говорил о наших достижениях.

— А они ощутимы и убедительны. Планы ваши вызывают восхищение.

— Из чего складывается прибыль... Учебная часть – убыточная, транспорт даёт минимальную прибыль, сельское хозяйство в стадии развития и пока убыточно тоже. Живём сейчас за счёт кредитов и коммерческой деятельности. У нас есть три магазина: в Берёзовском один (№38), в Мариинске и в

Тисуле. Заключаем договоры о поставке товаров с фабриками и заводами. Имеем внешние экономические связи с Китаем. Продаём в основном промышленные товары. Но есть и своя заготконтора в Мариинске. Через неё мы закупали и продавали в Берёзовском свежее мясо в январе-феврале по 340 рублей за килограмм, что много ниже рыночных цен.

Здесь хотелось бы обратить ваше внимание вот на что: правительство ратует за расширение производственной сферы и развитие сельского хозяйства. Мы как раз этим занимались изначально и занимаемся теперь. Но из-за недопонимания со стороны администрации города не получаем до сих пор освобождения от налогов в местный бюджет, хотя оно предусмотрено решением областного малого Совета. Нам бы надо идти навстречу, оказывать какую-то помощь, а у нас последние средства забирают. Мы раньше вели воспитательную работу с подростками, содержали технические кружки и секции. В последнее же время из-за отсутствия средств вынуждены были их закрыть.

— А это хорошее дело. Я сам подростком посещал в Кемерово кружок судового моделирования при ДОСААФе. Интересно было своими руками выпилить детали катера, собрать его, а потом участвовать в соревнованиях!

— Вот видите! И наши дети сейчас лишаются этого из-за отсутствия средств.

— У вас акционерное общество. Держатели акций – хозяева. Они имеют право голоса и получения прибыли. А как же с теми, кто не смог найти средства на приобретение акций? Как они работают и что имеют от перехода имущества предприятия в руки акционеров?

— Имущество ДОСААФ к нам ещё не перешло. Мы взяли в аренду помещения, землю и транспортные средства. За счёт продажи акций получили первичный капитал, пуская его в оборот, и создаём теперь акционерную собственность. Имущ-

щество аренды (в старом исчислении 27 миллионов рублей) мы будем приватизировать на втором этапе. Тогда как раз и появится возможность привлечь остальных членов коллектива в акционерное общество, и акции на то имущество будут тысячерублёвыми, то есть доступными каждому. Акционеры теперь прямо заинтересовались в хорошей работе предприятия, ведь от этого зависят и размеры их дивидендов. Они инициативны, добросовестны, трудятся с большой отдачей.

Не всегда можно сказать то же самое о лицах, работающих у нас по найму. Человека перевоспитать трудно. Если привык он смолоду работать через пень-колоду, то его к старости не заставишь трудиться как следует.

— Наверное, поэтому у вас и произошла почти 100-процентная смена коллектива?

— Да, с нарушителями трудовой дисциплины не цацкаемся. Не желающих работать хорошо мы не держим. Мы всем предоставляем возможность зарабатывать. Зарплата у нас зависит от результатов деятельности члена коллектива. Льготы по обеспечению товарами, продуктами, жильём все получают на общих основаниях.

— Почему работники общества отказались от профсоюза и коллективного договора? Как теперь регулируются взаимоотношения между ними и администрацией?

— Сейчас у профсоюза нет ничего, кроме названия. Все проблемы социального характера решает администрация. Поэтому напрашивается вопрос: нужно ли отчислять деньги в профсоюз на содержание профсоюзной верхушки, если от неё нет никакой пользы? Большинство голосов мы решили, что профсоюз нам не нужен. Коллективный договор в этом году не принимали. Все отношения между администрацией и трудящимися оговариваются в Уставе общества и контракте.

— Почему возникла необходимость заключения контрактов с рядовыми рабочими и какие пункты контракта им не особенно нравятся? И, кстати, почему бы вам не дать мне посмотреть контракт?

— А зачем? – хитро прищурился Тимохин. – То, что написано в контракте, касается только лица, заключающего с нами трудовой договор. Если хотите ознакомиться с положением о контрактах, я могу вам дать типовой экземпляр. Контракт оговаривает все стороны деятельности человека. Так сказать, он более близок к реальности, чем, допустим, должностная инструкция по рабочим местам. За нарушение рабочим отдельных пунктов контракта мы вправе в любое время и без чьего-либо согласования расторгнуть с ним трудовой контракт. Меньше же всего нравятся в контракте пункты, направленные на укрепление трудовой дисциплины...

Если рассматривать только трудовые успехи, то можно заметить, что переход к другой форме собственности позволил ДОСААФу определиться и занять достойное, подобающее ему место. В отношении же рабочих сразу возникло явное разделение на имущих и неимущих, имеющих право голоса и не имеющих этого права. Усилилось давление на рабочего человека, пускай даже сейчас пока под лозунгом укрепления трудовой дисциплины. В будущем, которое придёт очень скоро, это давление обретёт другое направление – увеличение прибыли за счёт интенсивной эксплуатации наиболее дешевого продукта в производстве – рабочей силы.

ДЕПУТАТ ГОРСОВЕТА

С Николаем Леонидовичем Кондыревым, депутатом Берёзовского горсовета, мне удалось встретиться лишь в де-

вать часов вечера у него дома. Голопузые сынишка и дочурка так и виснут на припозднившемся с работы отце. Соскучились за день. Кондырев живёт в малосемейном общежитии посёлка шахты «Берёзовская». Тесновато у них, но опрятно. Жена – милая, приветливая дама. Приобняв детишек, она увела их вглубь комнаты. Чтоб папе не мешали.

Папа у них ещё совсем молодой, стройный, красивый, надёжный и всё позволяет. Такому только на шею и вешаться. До моего прихода они и висели у него на шее: мальчишка, уцепившись за шею ручонками, пытался взгромоздиться на плечи отца, а дочка, угнездившись на папиных руках, сжимала ладошками его небритые щёки.

— Как вы оцениваете обстановку в стране, в области, в нашем городе после неудавшегося переворота? – задаю первый вопрос, на который и сам ответить вразумительно не в состоянии.

— Никак, собственно. Последнее время я, после работы и по выходным дням, часто уезжаю в Барзас, где помогаю строить дом отцу. От происходящих событий самопроизвольно отключился. Нет времени получать исчерпывающую информацию об этом перевороте. Услышишь разве, что говорят другие. Утешительного мало. Везде бардак. Не было до переворота курева в магазинах, так его и сейчас нет. То же самое по продуктам и другим товарам. Собираем сессии, говорим, предлагаем, принимаем решения. А «претворять» кто их будет?

Не нравится мне всё это. Инертность населения, отсутствие инициативы у руководящих работников и стопроцентная беспомощность меня, как избранника народа, отвращают от политики. Если я этим увлекался раньше, полагая, что очень много можно претворить из задуманного в жизнь лишь только став депутатом, то теперь считаю: много выгоднее для себя собою только заниматься, о своей семье беспокоиться.

Потому что на одну лишь семью и хватает у меня сил. Больше делать можно, но не при таких условиях...

— Как вы относитесь к смене главы администрации области?

— К коммунистам я давно питал антипатию. Тулеев – коммунист, поэтому я против него.

— Но ведь он ввёл в Кузбассе многие льготы для населения...

— Какие же это льготы? Думаете, от них стало легче жить людям? Старушка, что при ста рублях пенсии едва сводила концы с концами, и теперь – на двести рублей – перебивается хлебом с квасом. Полумерами народ не насытишь. Тулеев хозяйственник. Он может управлять областью в нормальных условиях, но сейчас, когда в упадке экономика, разрушены все связи, гораздо лучше иметь руководителем человека, обладающего специальными экономическими знаниями. Кислюк – экономист. Он лучше разбирается в обстановке. Хочется верить, по крайней мере. Особенной прыти я и от него не жду, – покажет время, на что он способен, – заменять же коммунистов, занимающих ключевые позиции, надо.

— Но ведь народ за Тулеева. Неужели и это не надо учитывать?

— Мне кажется, это спектакль, и все выступавшие за Тулеева – коммунисты, либо их родственники, которые не хотят отлипаться от предоставленной им властью кормушки. Тулеев ничего не дал Кузбассу, только жалуется на противодействие инакомыслящих. Чем это задевали его честь программа «Пульс» и «Наша газета»? Если ты способен что-то сделать, покажи людям свою работу, и они сами тебя от любых посягательств оградят. Нет, не нужен нам такой руководитель. Я вот чувствую, что не могу как депутат работать с населением, выполнять его наказы, поэтому подал заявление о своём отзыве.

Пусть на моём месте проявит себя тот, кто может...

— Так вы уже не депутат?

— Пока на моё заявление нет никакого ответа, но в работе намечающейся сессии городского совета я принимать участия не буду. Занят очень и с работы не отпустят.

— Вы против коммунистов; сейчас, как вы знаете, временно, а, возможно, и навсегда приостановится деятельность КПСС. Партаппарат её распускается, демократическое движение усиливается. На пользу это стране?

— Не знаю. Но народу так осточертела жизнь под диктовку от съезда к съезду, что он давно мечтал избавиться от этого и избавился.

— А я вот не мечтал, мне и под диктовку удобно было жить. И я тоже не коммунист, и я тоже, по некоторым вопросам, коммунистов не уважаю. Но я не хочу, чтобы за меня кто-то решал, при каком строе мне жить будет лучше.

— И это слышали, от старших. Привычка. Но процесс уже пошёл. А что будет и как оно получится у нас, увидим. И очень скоро, должно быть. На острие ножа долго не пробалансируешь: либо в одну сторону падать приходится, либо в другую. Нас устраивают любые изменения. Но только не эта неопределённость.

— Из-за чего вы так разочаровались в депутатской деятельности? Вы, как говорите, полтора года являетесь депутатом и что-то, наверное, сделали?

— Если бы!.. При выборах я получил наказ от избирателей добиться для них продления маршрута рейсового автобуса за ВГСЧ – до улиц Юбилейная и Ноградская, чтобы дети в школу и мамы в садики зимою могли добираться безбоязненно. Мои обращения в горисполком оказались напрасными. Берёзовскому АТП для того, чтобы оно продлило маршрут или открыло новый, надо платить дотацию. Денег в горисполкоме

на такую статью расхода не предвидится. Администрация разреза «Черниговский», работниками которого является часть жителей нового посёлка, на себя брать расходы по оплате автобуса не хочет. И другие предприятия – так же. Живущие в отдалении от города люди ропщут и продолжают ходить на работу и в магазины пешком.

Как депутат, я должен был заняться благоустройством территории и ремонтом жилых домов. Как умная Маша, составил список мероприятий, наметил сроки их проведения и обратился в ЖЭК-4. Там мне объявили, что точно такие же планы они ежегодно составляют сами, но только вот работы по ним не ведут за неимением рабочих рук. Пытался создать домовые комитеты – не получилось. Не хотят люди участвовать в общественной жизни. Они многим недовольны, но вот если бы кто-то за них погорланил и добился для них желаемого ... Сами же не хотят и пальцем шевельнуть.

Собирал по назревшим проблемам собрания, приглашал руководство города. И вы думаете, хоть кто-либо пришёл на эти собрания, выложил наболевшее? Нет. По углам мы все мастаки судить и ругаться. Мало кто приходил. Не получалось откровенного разговора. И вообще, я считаю, от депутата-руководителя предприятия гораздо больше проку, чем от нас, депутатов-рабочих. Ну что мы можем, как мы можем повлиять на жизнь, если все финансы, людские ресурсы и производственные мощности не у нас. А ведь только с их помощью можно сделать что-то. Тот же Васютинский, чтобы выполнить какой-либо наказ избирателей, просто отдаёт распоряжение. И идут рабочие, делают. Мы же бегаем, сотрясаем своими мандатами воздух без толку, нервничаем, да ещё и нас потом обвиняют в бездействии.

Не нужны нам депутаты. Таково моё мнение. В горисполкоме должны набирать команду согласно утверждённому

штату и работать, отчитываясь за свои действия перед вышестоящими органами. Советы больше неразберихи, чем пользы, в их работу вносят.

Сентябрь 1991 года.

СЕКРЕТ СКОРОСТНОЙ ПРОХОДКИ

Благосостояние Берёзовского целиком зависит от работы шахт. 96 процентов выпускаемой городом продукции составляет уголь. Когда-то угольные предприятия Берёзовского давали до девяти миллионов тонн угля в год. За восемь месяцев этого года ими добыто два миллиона тонн. Спад в добыче угля очевиден.

О какой нормальной жизни города может идти речь, если одна шахта закрыта, другая – на грани закрытия, а остальным угольным предприятиям постоянно корректируют (не словечко, а загляденье) годовой план добычи в сторону понижения?

За годы советской власти мы привыкли, чтобы нас опекало, поддерживало и направляло государство. Но сейчас рыночные отношения: кто-то со стороны не придёт к нам и не улучшит наши социальные условия. Теперь надо надеяться только на самих себя, жить от того, что производим. Всем вместе необходимо искать выход из создавшегося положения. Налаживать в первую очередь работу угольных предприятий.

На шахте «Первомайская» непростая обстановка. Шахтёрам задерживают зарплату за девять месяцев. В августе план добычи угля выполнен на одну треть. И в то же время вот он, другой факт – за месяц там пройдено чуть ли не сто метров ствола, который так необходим шахте для её дальнейшего существования. Радостный факт. Рассказывает главный инженер шахты «Первомайская» В. М. Рычковский:

— Для того, чтобы шахта работала ещё десятки лет, необходима её реконструкция. Проходка вертикального воздухоподающего ствола – первый этап реконструкции шахты – велась очень медленно. Сказывалось отсутствие средств на капитальное строительство и имеющиеся возможности организации, занимающейся проходкой ствола. В начале этого года директор шахты Ю. С. Лермонтов добился в компании «Росуголь» выделения средств на проведение этой работы и заключил договор с АООТ «Ростовшахтострой» на проходку ствола.

Почему были выбраны специалисты со стороны? Да потому, что нас не устраивали темпы проходки ствола ягуновских шахтостроителей. Сейчас рыночные отношения, и мы вправе нанять такую организацию, которая в несколько раз быстрее может выполнить необходимую нам работу. Такого мнения и руководство компании «Росуголь». Этой весной в кабинете директора шахты генеральный директор «Росугля» Ю. Малышев спросил у директора Ягуновского ШПУ: твои проходчики смогут дать в месяц 60 метров проходки ствола? Тот подумал и ответил отрицательно.

На этот вопрос ответил утвердительно присутствовавший при разговоре директор «Ростовшахтостроя». Он был уверен в своих людях. За 40 лет существования комбината, теперь акционерного общества «Ростовшахтострой», его работниками (а их в обществе 7,5 тысяч человек) построены и реконструированы 53 угольные шахты. Для выполнения таких объёмов работ нужны квалифицированные кадры, и они у предприятия есть. В апреле 1996 года проходчики «Ростовшахтостроя» установили рекорд в угольной промышленности России, пройдя за 31 день 162,3 метра вертикального ствола. В июне того же года – 211,7 метра. Это абсолютный рекорд России в горнорудной промышленности. Ростовчана-

ми полностью освоен скоростной метод проходки вертикальных стволов. А это как раз то, что нужно шахте «Первомайская». Поэтому и был подписан договор с ростовчанами.

Проходка ствола на шахте «Первомайская» ведётся под руководством Сергея Константиновича Черникова, начальника участка Зверевского ШПУ «Ростовшахтостроя». В его распоряжении шесть звеньев бригады Николая Александровича Красикова. Кстати, именно этой бригадой установлен абсолютный рекорд России по скоростной проходке. Работают они в Берёзовском вахтовым методом. Проходчики трёх звеньев, отработав месяц без выходных, улетают отдыхать домой. Их работу продолжают другие, которых через месяц сменяют отдохнувшие. Но это основные, ведущие специалисты. Их обычно приезжает 30-35 человек. Помимо них, из горожан на стволе работают 56 слесарей, машинистов подъёма, рабочих бетонно-растворного узла.

— Первый раз я приехал сюда в апреле этого года, — рассказывает Сергей Константинович Черников. — Проходчики Ягуновского ШПУ тогда бастовали и к стволу не пускали. В мае я привёз из Зверева семь человек. Ягуновцами за два года был пройден 241 метр ствола и 239 из них забетонировано. Ствол уже был затоплен, вырублены и растащены кабели. Мы выдавали на поверхность оборудование, просушивали его, делали ревизию, ремонтировали, искали кабели. Из недостающего, что здесь покупали, что привезли из Ростова. 23 июня начали работать в стволе. За два месяца прошли 130 метров. Первый месяц не особенно получалось: устраняли возникающие по ходу дела неполадки, потому и прошли мало. Теперь оборудование отлажено, будем работать стабильно. К Новому году ствол пройдем полностью.

Черников говорит уверенно, чувствуется: такой напрасно словами бросаться не будет.

— Работать здесь можно, — считает он. — Шахтёры понимают: для них стараемся. Своей базы у нас здесь нет, и было бы очень тяжело, если бы руководство и непосредственно главный инженер Рычковский, а также заместитель директора по производству Соболев, не шли навстречу, не оказывали нам посильную помощь.

Получив разрешение на спуск в ствол, я, в сопровождении заместителя начальника участка Андрея Сергеевича Мартыненко, направляюсь к проходческому копру ствола. По пути выясняю особенности проходки вертикальных стволов.

В дне ствола бурильной машиной БУКС-1М пробуривается 122 скважины четырёхметровой глубины, в которые заряжается 450 килограммов взрывчатки. После взрыва и проветривания забоя погрузочной машиной КС-2У/40 загружают в бадью и поднимают на поверхность взрыхлённую взрывом горную массу. Затем отбойными молотками (у них они называются пневмоломами) забой оконтуривается до проектных размеров. После чего производят спуск секционной опалубки и её закрепление вдоль стен ствола. Сверху по трубе подаётся бетон в количестве 60 кубометров. Затем проходческий цикл повторяется. По общим расчётам, за восемь часов работы проходчики углубляют ствол на один метр и более.

Вроде бы в их технологии нет ничего заковыристого.

— Ягуновские проходчики, наверное, так же работали. Ведь вы пользуетесь их оборудованием, в чём же секрет вашей скорости?

На этот вопрос отвечает Николай Николаевич Иванов, бурильщик, ответственный за техническое состояние бурильной установки:

— Местные проходчики пробуривали все скважины под взрыв за 12 часов. Мы — за три с половиной — четыре. Разобрав их бурильную установку, мы обнаружили засорение воздухо-

подающего канала, прочистили его, заменили кривые штанги, привезли с собой четыре новых бурильных молотка и на них увеличили скорость вращения. Все эти мероприятия и позволили нам значительно уменьшить время бурения.

— Посмотрите на этот «приборчик», — обращает он моё внимание на удлинённый металлический предмет килограммов в тридцать весом. — Это отбойный молоток, раза в четыре превосходящий по мощности существующие пневмолумы. Мы переоборудовали его для своих нужд, взяв за основу выпускаемую модель перфоратора ПП-54. Незаменимая штука при разборке забоя. Только тяжеловата немного. Использование таких «мелочей» и даёт нам увеличение скорости проходки. Стараемся учитывать всё, предугадать самые незначительные факторы, отрицательно сказывающиеся на нашей работе. Трудно организовать дело, чтобы оно шло «как по маслу». Но ради таких результатов стоит и потрудиться.

Ещё бы!..

После бурения шпуров бурильная установка выдаётся на поверхность, и пока из ствола удаляют породу, Иванов колдует над своим механизмом в специально построенном для этого ангаре. Девятиметровой длины штуковина, на которой крепятся штанги, молотки и резинотканевые пневмопровода, ежедневно смазывается, осматривается и проверяется до винтика по нескольку раз. Там, в забое, она должна действовать безотказно.

Подходит мужчина среднего роста, лет сорока пяти. Это и есть Николай Александрович Красиков, бригадир проходчиков. В манере общения его, во взгляде проблескивает что-то казацкое, вольное, удалое. Он докладывает производственную обстановку Мартыненко, говорит о том, что необходимо бригаде в ближайшее время, знакомится со мной. Никаких секретов в своей работе не видит. «Следует трудиться как надо, и результат сам выплывет», — говорит он. Может быть, в этом

«как надо» и кроется вся загадка их скоростного метода?

В августе трудились звенья В. И. Полищука, Е. Ю. Карагодина, М. П. Крыжанского. О своих что говорить? Работают, как всегда. Следует отметить труд принятых в бригаду местных проходчиков В. С. Баранова, П. П. Челнокова, А. А. Шитика, А. В. Бобкова – они отличные работники. Да и большинство других – тоже парни работающие.

Ожидая спуска в ствол, Мартыненко заводит меня в токарную мастерскую, где на двух станках выполняет заказы стволовых бывший работник Ягуновского ШПУ токарь С. М. Гуцин. С ягуновцами он принимал участие в пробивке стволов на шахтах «Северная» и «Бутовская». По его мнению, если бы ягуновцев финансировали своевременно, то и они бы трудились не хуже приезжих. Командировочные расходы, конечно же, удорожают проходку ствола, но, по всей вероятности, И. Д. Жук, начальник Ягуновского ШПУ, лучше осведомлён о возможностях своих проходчиков. И ведь, прежде чем использовать стороннюю организацию, руководством шахты и «Росугля» были просчитаны и учтены все плюсы и минусы заключаемого договора.

С горным мастером Александром Максимовичем Яковлевым приходим на копёр. Раскрылись ляды закрывающей ствол нулевой рамы, и из-под земли показалась бадья – цельнолитой железный котелок ёмкостью в три куба. В ней мы спускаемся к работающим в забое. Тусклый свет шахтёрской лампочки выхватывает сжатое бетоном пространство ствола, по стенам которого человеком проложены взмывающие сейчас вверх трубопроводы. Первая остановка – подвесной проходческий полук. Направляющая рамка, предохраняющая бадью от сильных колебаний, осталась наверху полка, и бадья четыре метра движется в металлической трубе.

Нас встречает ответственный за полук проходчик недо-

вольным ворчанием: «в бадье во время работы кататься не положено – сбивается ритм отгрузки горной массы». Но разобравшись, в чём дело, он охотно вступает в разговор. Следующая остановка – забой. В нём работает погрузочная машина. Шум невообразимый. Разговаривать невозможно. Остаётся единственное – наблюдать. Захватывая острыми гранями лопастей взрыхлённую взрывом породу, похожее на раскрывшийся бутон железного цветка грузозахватное приспособление висящего под полком грейфера сжимается, вбирая в себя грунт, поднимается кверху, подъезжает по монорельсу к бадье и сбрасывает в неё содержимое.

Бригадир Красилов, он уже здесь, жестами показывает машинисту погрузочной машины места выборки породы. Три-четыре ходки – и бадья полная. Кто-то из проходчиков филином ухнул два раза – подан сигнал на подъём. Находящийся на подвесном полке проходчик по сигнализации передаёт его на поверхность. Включается лебёдка, и бадья исчезает в раструбе полка. Нагружают её за 57 секунд, четыре минуты отводится на её спуск и подъём. Этим норм надо придерживаться. Они заложены в цикл проходки.

С потолка мелкими струйками и каплями сочится на нас вода. Красилов указывает мне на ничем не отличающуюся от других часть обнажённого на четырёхметровую высоту массива породы. И кричит в ухо, что в этом месте они пересекли пласт угля. Подбираюсь поближе к стене. Вплотную к ней не подойти – у стены выбран грунт, и яма заполнилась водой, которая прибывает отовсюду. Приток её – шесть кубометров в час. Если её не выкачивать, то она за пару суток поднимается выше пяти метров. Для откачки воды здесь применяют забойный насос, работающий на сжатом воздухе. Всё оборудование здесь приводится в движение энергией сжатого воздуха. Из-за повышенной влажности электричество применять нельзя. На

поверхности у копра круглосуточно работает компрессорная станция стволовиков. Она обеспечивает их сжатым воздухом.

Вглядываюсь в стену – всё серое и мокрое. Красиков показывает рукой и кричит:

— Видишь отсвечивающие куски?!

— Вижу!

— Это и есть уголь!

Бадья уже спустилась, её наполнили, и она вновь показала дно в проёме полка. Сейчас проходчики стараются выбрать породу у стен. Скоро уже будут спускать подвешенную на канатах и укреплённую сверху металлическую опалубку. Устанавливают её, примут бетон – тогда поднимут оставшуюся породу. Потом они спустят бурильную установку и в течение четырёх часов будут бурить шпуров под закладку взрывчатки. Забивающую уши какофонию визжащих и свистящих на разные тона работающих свёрел четырёх бурильных молотков выдерживает не каждый нормальный человек. Но им приходится «наслаждаться» такой музыкой по несколько раз в сутки. В цикле проходки все работы увязаны в строгой последовательности. И основную часть этих работ здесь выполняют механизмы, вдумчиво управляют которыми вот эти мокнувшие под непрерывным «дождём» люди. Они знают, куда направить обретенную ими мощь. И та их слушается, с каждым движением всё более раскрывая перед ними подземные недра.

А мне здесь (дают понять) делать больше нечего. Мешаю. Просят в бадью. Транспорт подан. С горным мастером выезжаем на поверхность. И я с удовольствием отмечаю: наше сибирское, хотя и затянутое сейчас пасмурными тучами, небо выглядит намного приветливее повисшего над забоем ржавого металлического потолка.

Октябрь 1997 года.

МЕДНАЯ ЛИХОРАДКА

— Достал меня этот кабель! — восклицает при нашей встрече работник службы безопасности АО «Черниговец» Геннадий Иванович Навалихин.

— Неужели никак нельзя приостановить это безумие?

Я с ним согласен. «Достала» эта проблема не только сотрудников службы безопасности. С медью сейчас творится что-то невообразимое. На всех предприятиях города с риском для жизни (от воздействия электротока уже есть жертвы) тоннами и метрами вырубаются находящиеся под напряжением кабели, десятками штук ежедневно демонтируются и вывозятся с производств электродвигатели, представляющие для похитителей ценность медной начинкой своих якорей. Телефонный медный кабель и тот выкапывается из под земли!

Всё медное, всё, что похоже цветом на золото, скручивается с механизмов, устройств, выламывается, выпиливается и вырубается, а затем выносится с предприятий. А если это старенький бабкин тазик — извлекается обманным путём из чулана и относится на скупочный пункт, где за один килограмм веса приёмщик может вручить тебе 3,5 тысячи рублей.

— Нажива? Ещё какая! Метр контактного кабеля весит три килограмма. А если из электросети, питающей важнейшую часть технологического оборудования производства, вырубить хотя бы километр, за него можно получить, не отходя от кассы, сразу 10,5 миллионов рублей. Именно эти миллионы, вернее, лёгкость овладения ими, толкает людей на совершение преступлений.

В мае в Барзасе кем-то было вырублено около 200 метров телефонного кабеля. Посёлок остался без связи более чем на неделю. За это время у кого-то в посёлке произошло несчастье, и связь, вероятно, могла бы предотвратить его. Сорва-

лись чьи-то деловые переговоры, от исхода которых зависела участь многих жителей Барзаса. Посёлок на длительное время был словно вычеркнут из общей жизни страны. И всё это – из-за нескольких килограммов меди, которую нужно извлечь из земли, обжечь на костре и скрытно доставить к месту сдачи.

За все свои усилия «диверсант», иногда очень рискуя, может получить порой только крохи – это в лучшем случае – либо же наказание, которое может исковеркать всю его дальнейшую жизнь. Он знает это и сознательно идёт на преступление.

В районе Нижнего Барзаса третий раз уже вырубают телефонный кабель, обесточивая связь АО «Монтажник», двенадцатилетние подростки – им нужны деньги на конфеты. Родители их не могут ими обеспечить.

Та же ситуация и в горэлектросети: со двора базы подростками скручено с барабана 150 метров кабеля. Ущерб от кражи – около девяти миллионов рублей. 120 метров силового кабеля срезано возле ПТУ-18. Убыток – 20 миллионов рублей.

В воскресенье, 27 июля, вечером сработала защита на отключение на фидере 230, питающем очистные сооружения города, потребителя первой категории. Злоумышленник пытался отрубить находящийся под напряжением кабель, получил сильные ожоги и сейчас находится в больнице. В данное время этот ответственный объект обеспечивается энергией только по одной нитке, что очень ненадёжно.

В начале лета жители посёлка шахты «Берёзовская» лишились воды из-за прекращения работы глубинных насосов скважины. 85 метров подводящего к ним электроэнергию кабеля вырублено неизвестными лицами. Все шахты Берёзовского подвержены повальному выносу на поверхность из-под земли медесодержащих проводов и оборудования. Сутками, а то и более, простаивают их производственные участки по

вине любителей лёгкой наживы, без пользы растрачивая рабочее время и средства на восстановление электросетей.

На территории АО «Черниговец» кражи меди, совершённые неизвестными, а также уже установленными лицами, стали делом чуть ли не привычным. 27 января 1996 года вырублен телефонный кабель на территории разреза. И только через три часа поисков были задержаны около Балахоновки жители этого села Е. Сартаков и братья Ю. и В. Ястремские (несовершеннолетние). Вырубленная медь найдена. Все трое задержаны. Сартаков осуждён на два года условно и за причинённый ущерб должен выплатить предприятию 1 миллион 700 тысяч рублей штрафа.

В ночь с 18 на 19 мая возле поста №1 спилено 9 столбов и вырублено 250 метров контактного провода. Совершившие кражу бывшие работники автобазы М. и П. задержаны. Идёт следствие. Совсем недавно, благодаря чётким действиям работников Берёзовского ГОВД и службы безопасности разреза, была обезврежена преступная группа из четырёх человек, которая на протяжении восьми месяцев совершила четыре кражи медного кабеля (200 метров) на сумму 178 миллионов рублей.

2 марта 1996 года слесарь по ремонту подвижного состава вагонного депо В. Петрухин в помещении разрезал 299 метров контактного провода и пытался похитить его. Задержан работниками службы безопасности. Петрухин возместил причинённый ущерб в сумме 5 миллионов рублей и осуждён народным судом к двум годам лишения свободы условно.

17 июня нынешнего года произошёл такой случай: гражданин Новикова ударило током. Он перерезал кусачками провод, питающий электроэнергией склад ГСМ. От вспышки мог произойти большой пожар. От электрошока преступник потерял сознание и был брошен соучастниками. Работниками службы безопасности он был доставлен в милицию.

Службой безопасности разреза ведётся регистрация подобных случаев. И их, по записям, происходит так много, что нет необходимости описывать каждый, а есть смысл задуматься, каким образом можно поставить заслон преступникам в век медный, когда медь считается много выше золота и ценится много дороже.

По данным, которыми владеет Г. Н. Навалихин, в городе медь принимают в пяти пунктах, находящихся в Забойшике (2), на Берёзовке (1), в Нижнем Барзасе (Вторчермет) и на Бирюлях.

Цветной металл – это не овощи и фрукты, которые можно вырастить у себя в огороде на грядке. То, что когда-то выбрасывали на свалки, уже давно нашло себе место в промышленности, то есть теперь драгоценный металл нигде не увидишь в бесхозном состоянии, как раньше. Правительство и пошло на временную меру, чтобы руками предприимчивых людей очистить окрестности промышленных узлов. Оно этого добилось.

Однако поступление цветного металла не прекращается и сейчас. Организованные частными лицами приёмные пункты сдают через два-три дня по четыре тонны меди. Откуда берут сдатчики медь, если все свалки города подчищены основательно? Ясно, как божий день, что воруют именно на шахтах и других предприятиях города. И хозяева приёмных пунктов, по твёрдому мнению начальника службы безопасности разреза М. П. Милорадова, закрывают глаза на факт кражи ради своего обогащения и без должного оформления документов принимают медь.

Во «Вторчермете», который всего два месяца как начал приём цветметалла от населения с выплатой налички за медь, записывают паспортные данные сдатчика, и хотя здесь принято металла от населения несколько сот килограммов, милиция города уже три раза проверяла адреса поступления меди на склад. И, конечно же, ничего криминального не обнаружила,

потому что несут сюда медь честные, не боящиеся «засветиться» сдатчики.

Почему бы точно такие же требования и меры для пресечения воровства меди с предприятий не принять и для владельцев частных приёмных пунктов? В лицензиях этих владельцев слишком туманно оговорены условия приёма цветметалла от населения. Такое ли уж это непоправимое дело? Дополнениям и изменениям подвергаются сейчас даже президентские указы. Тем более, что необходимость в существовании этих приёмных пунктов, как считает Н. П. Бортников, директор горэлектросети, уже давно отпала. Медь научились беречь. И с делом сдачи отходов меди вполне справится теперь «Вторчермет».

Действительно, почему бы не закрыть частные пункты приёма? От расхитителей меди страдают все жители Берёзовского. Вывод из строя важных коммуникаций города ведёт к общему ухудшению и без того невыносимых условий березовчан. Если в области и в стране не додумались или не желают по каким-то причинам начать борьбу с охватившей Россию «медной» лихорадкой, то ведь администрация нашего города вправе, наверное, внести полезные изменения в уставы, регулирующие деятельность частных приёмных пунктов. Например, Кемеровский Совет народных депутатов утвердил правила приёма металлов на территории своего города, – сдатчики цветного металла обязаны регистрироваться с указанием своих паспортных данных и источника приобретения лома. Неисполнение этого решения будет рассматриваться как скупка краденого с последующим привлечением к уголовной ответственности.

Надеемся, что и глава администрации нашего города А. Я. Панасенко не оставит этот вопрос без внимания и примет меры по искоренению этого зла.

1996 год.

РЕБЯЧЬЯ РЕСПУБЛИКА

В конце декабря 1995 года на сказочном новогоднем представлении подручные ведьмы Бабы-Яги воздушными шариками порхали по сцене Центра досуга и творчества молодёжи Берёзовского. Потешная борьба злых сил с добрым и наивным Иванушкой ещё более захватывала юных зрителей мастерски исполняемыми акробатическими этюдами задействованных в сказке мальчишек. Они с такой лёгкостью управляли в воздухе своим телом, что создавалось впечатление – к нам в город приехал настоящий цирк. А ведь это наши доморощенные акробаты, берёзовская ребятня, совсем недавно с помощью Александра Валентиновича Рыжова получившая возможность прикоснуться к овладению тайнами циркового искусства.

— Александр Валентинович, вы руководитель «Ребятчей Республики», расскажите, пожалуйста, немного о себе и о том, как вы пришли к мысли о создании в нашем городе такой студии.

— Я коренной березовчанин. Родился в 1949 году. Учился в школе №3. В 1964 году в школе открылся кружок акробатики. Его вёл Иван Игнатьевич Симонов. Я и мои сверстники боготворили в то время циркачей. Нам хотелось быть такими же смелыми, ловкими и сильными. Конечно же, мы сразу записались в этот кружок и начали заниматься. Но это на сцене только всё легко и просто получалось у партерных акробатов. Для того, чтобы стать такими же, требовались очень многие качества, и главное – настойчивость и терпение. Не все мальчишки обладали ими. Произошёл естественный отсев, и постепенно создался коллектив, с которым Иван Игнатьевич начал работать серьёзно. Он настолько хорошо объяснял и показывал нам технику исполнения акробатических движений, научил чувствовать пространство и своё тело в нём, что некоторые из нас смогли позднее работать на арене настоя-

щего цирка. Симонов передал нам всю свою любовь к этому древнему виду искусства.

Параллельно с занятиями в акробатическом кружке я ещё занимался и спортивной гимнастикой. Готовил себя к профессии военного лётчика. В лётную военную школу не пошёл после десятилетки – отговорили родственники, а вот на курсы лётчиков в Кемеровский ДОСААФ документы сдал и учился бы. Но случайно увидел объявление о наборе артистов в цирк. Обратился в администрацию цирка. Цирк в Кемерове тогда был старый, деревянный. Меня принял директор цирка Алексей Алексеевич Шапошников. Ему тогда было 80 лет. Он провёл меня мимо клеток со львами и другими животными прямо на арену и за 10 минут до представления заставил раздеться и показать, что я умею. То, что я продемонстрировал, его удовлетворило. «Годишься, – сказал он, – записываю. Буду с тобой заниматься».

Вот так, совсем неожиданно для себя, я в 1967 году попал в цирк. Подготовкой молодых артистов занимался лично Алексей Алексеевич. Работал с нами на пределе наших возможностей. Поэтому очень скоро мы превратились в настоящих артистов цирка. У каждого из нас были свои коронные номера, с которыми мы выступали в городе и выезжали на гастроли в другие области. Мы были подготовлены всесторонне, многому научились и всегда могли приятно удивить зрителя неожиданным трюком.

В 1968 году я поступил в Кемеровский пединститут на спортивный факультет очного отделения, затем перевёлся на отделение заочное. В 1972 году институт закончил. До этого года я работал в цирке эквилибристом на катушках, партерным акробатом, жонглировал и принимал участие в клоунадах.

По семейным обстоятельствам вынужден был оставить цирк, переехал в Берёзовский. Здесь сначала работал учителем физкультуры в школах. Ушёл. Почему? Не было удовлетворения от работы, второе – к моему предмету относились

несерьёзно: математика – это хорошо, науку и всю промышленность двигает, без литературы и русского языка человеку прожить невозможно, без физики и химии тоже далеко не уедешь, а вот физкультура, ну что это такое? Многие педагоги не признавали её за предмет, да и ученики – тоже. Поэтому стал работать таксистом, потом столяром, пытался создать своё производство, но государство придушило меня налогами. Не выгодным мне оказалось вкладывать свои силы в производство. Пришёл к выводу: надо заниматься тем, чем владеешь в совершенстве.

Второй год работаю в Центре досуга и творчества. Первый год числился в штате, а теперь взял лицензию на ведение акробатической студии и школы восточных единоборств и, как частное, ни от кого не зависящее лицо. Работаю самостоятельно.

— Вы владеете и приёмами восточного единоборства?

— Да. Я их освоил, будучи студентом. Я против наркомании и пьянства среди подростков. Хочу видеть наших детей здоровыми и сильными, но не только в физическом смысле – они должны познать цену человеческих добродетелей и через спорт постараюсь добиться этого. Я знаю, чем можно увлечь детей, как соединить их личные устремления с интересами общего дела, и пытаюсь теперь на практике доказать это окружающим.

— Какова численность вашей «Ребятчей Республики»?

— Желающих много, но не все подходят по физическим данным, ведь я сейчас стараюсь в первую очередь набрать группу акробатов. Ну и, чтобы не расхолаживать их, веду с ними занятия по восточным единоборствам. После нашего разговора мальчишки в зале могут продемонстрировать вам бой на палках и некоторые приёмы, базирующиеся на защите борьбы «айкидо».

Очень скоро я должен буду набрать до 200 детей. Привлекает наша студия и взрослых. Буду заниматься с ними тоже.

— Не кажется ли вам, что, обучая детей драться, вы будете способствовать увеличению роста преступности?

— Почему же? Каждому ребёнку необходимо прививать чувство уверенности в своих силах, умение постоять за себя, не дать обидеть сильному – разве это плохие качества? На мой взгляд, каждый житель нашего города хотел бы сейчас обладать ими.

— Согласен. И я тоже бы хотел. Вы частное лицо, значит, занятия у вас платные?

— Да. Очень много приходится тратить средств на приобретение реквизита и спортивного оборудования. Всё то, что вы видите сейчас в зале, принадлежит студии. Также необходимо оплачивать аренду спортзала. Мы занимаемся в нём три раза в неделю. И, кроме того, доходы для своего существования я получаю только от этой студии.

— У вас цирковая студия. Кроме акробатики вы будете обучать детей и другим видам циркового искусства?

— Конечно. Акробатикой должны у меня владеть все. Но будут и эквилибристы (катание на катушках). Мне изготовили два комплекта катушек, для жонглирования мячики есть, делают булавы. Для воздушных гимнастов подвесили трапецию, канатоходцам я изготовил опоры с тросиком. И, конечно же, клоунада. Из присутствующих здесь мальчишек и девочек я уже наметил, кому чем заниматься предпочтительнее. Но если ошибусь – не беда. В ходе занятий это обнаружится быстро, и они вскоре сами почувствуют, к чему их больше всего тянет. И ещё забыл сказать вам: мы подготавливаем одноколёсные велосипеды. На них тоже будут обучаться ребята катанию.

Относительно платы: те дети, отцы которых помогают мне изготавливать реквизит, от платы освобождаются. Не платят и дети несостоятельных родителей – если я вижу, что с мальчишки будет толк, и только отсутствие денег мешает ему

проявиться, неужели я позволю себе погубить в зародыше, может быть, великий талант из-за каких-то 50 тысяч?

— Я видел у вас батут в зале, он тоже принадлежит вам?

— Да. У меня ещё один есть. Но его надо отремонтировать.

Выходим в зал. Мальчишки и девчонки, оставленные на полчаса без присмотра, заняты каждый своим делом: девочки выполняют упражнения, делают шпагат. Мальчишки на матах и просто на полу крутят сальто и «фляги», любители единоборств рассекают ногами воздух. По просьбе наставника они выстроились попарно и начали демонстрировать мне захваты и уклоны от ударов руками. Затем кто-то принёс две палки, и я увидел бой на палках. Любопытное зрелище: ты наносишь со всего размаху удар палкой противнику, и вдруг твоя палка оказывается вышибленной, и ты палкой противника повязан с применением болевого приёма. И происходит это мгновенно, не успеваешь и уследить, как. Совсем как в боевиках по телевизору. Если мальчишка за полгода научился этому, то уж взрослый человек при желании может запросто овладеть этим искусством и применить его даже, скажем, против жены, обычно нападающей на него со шваброй в руках. Правда, для этого надо припрятывать где-то поблизости вторую швабру — я заулыбался, явственно представив перед собою супругу и тещу, одновременно повязанных двумя швабрами. Загоревшись желанием, ни на что не взирая, обязательно осуществить то, что мне вообразилось на мгновение, я покидаю спортзал, арендованный «Ребятчей Республикой». Но если все шутки в сторону откинуть, то я по-доброму завидую способности Рыжова обучать детей тому, чему мы всегда восхищаемся. Как же это хорошо, что такие люди есть в нашем городе, живут рядом с нами.

Декабрь 1995 года.

А КАК ДОКАЖЕШЬ?

На полированном шифоньере у Николая Семёновича Ткаченко в ряд стоят семь баянов. Их освобождённые от футляров бока высвечивают синим, зелёным и рубиновым цветом. Разными путями попали к Николаю Семёновичу эти инструменты: какие купил у знакомых за бесценок, какие принесли и отдали ему даром. Из них не извлечь уже звуков, они давно пришли в негодность. Выбрасывать эту музыкальную рухлядь жалко, – лучше отдать человеку, который, может быть, и вернёт им на время утерянную способность.

Николай Семёнович ремонтирует баяны, балаалайки, гитары, гармошки. Он не только ремонтировать, но и играть на всех этих инструментах, и петь тоже может. Не от хорошей жизни он принялся ремонтировать их, а потому что не хватает пенсии. А так, удастся если, отремонтирует какой баян, да и продаст его. Не велико подспорье, но всё же ...

Он инвалид второй группы. Чуть расстроится – и заболел. Микстурами и лекарствами заставляли в однокомнатной квартире стол и тумбочка. Без этих снадобий он и дня прожить уже не в состоянии: 72 года уже, время и болезни сделали своё дело. Николай Семёнович – участник войны, и в плену у немцев побывал. А потом снова воевал – до Победы. Но лучше обо всём по порядку.

Родился Николай Семёнович в декабре 1923 года в деревне Кудинцево Курской области Льговского района. Когда началась война, он работал посыльным на лошади в колхозе. До восемнадцати годов ему двух месяцев не хватало. Провели мобилизацию мужчин в селе. Призывали и тех, кому восемнадцать исполнилось. А Ткаченко не берут – рановато. В тыл, в трудармию – можно, а воевать – нельзя. Долго просил он военкома отправить его вместе со сверстниками.

Уговорил. И вот его, вместе с другими, повезли в Воронежскую область.

Кого сразу расформировали по действующим частям и на фронт отправили, а Ткаченко попал в школу телеграфистов, находящуюся в Борисоглебске. Эта школа занимала помещение театра имени Чернышевского. Через несколько месяцев, по окончании школы, Ткаченко был направлен в миномётный дивизион, ведущий оборонительные бои под Москвой. Зимой укрепились их часть под Можайском.

— Я обслуживал телефонную связь наблюдательных пунктов, — рассказывает Николай Семёнович, — а эти пункты обычно располагались на высотках в ничейной зоне между позициями наших и немецких войск. Заберёмся мы с корректировщиком на возвышенность, с которой далеко видно расположение немцев, оборудуем себе местечко и наблюдаем в бинокли за противником. Засаекаем координаты огневых точек, из которых он наши позиции обстреливает. А потом передаём по телефону своим артиллеристам. Те и посылают «гостинцы» в сторону немцев.

Но не всегда была удачна наша работа. Немцы тоже ведь не дураки, они быстро обнаруживали, откуда велось наблюдение, и обрушивали на нас шквалы огня. Приходилось менять позицию или ползти вдоль оборванного взрывом телефонного кабеля.

Однажды случился обрыв кабеля ночью. Мы очень далеко от своих забрались. Никакого оружия, кроме двух гранат за поясом, у меня не было, в руках телефонная трубка и моток проволоки. Ползу, во весь рост нельзя идти — ночью обе стороны стреляют. Попадёт какая пуля в тебя, и знать не будешь, от кого смерть принял (как будто это так уж и важно). Вперёд продвигался с опаской. Вдруг слышу впереди, чуть в стороне, в кустах шорох. Притаился я — кто-то по-немецки разговаривает вполголоса. Отстегнул от пояса гранату да и запустил

на звук. После взрыва – тишина. Обрыв кабеля я обнаружил в сотне метров от того места. Зубами зачистил провода, прослушал кабель, соединил его и назад пополз.

Весною погнали и мы немцев. Ходко они бежали. Подо Ржевом на реке Вазузе сильные бои были. То они нас теснят, то мы их атакуем. Я на переднем крае с корректировщиком мотаюсь, обеспечиваю связью наблюдательные пункты. Обе стороны подтягивают поближе к фронту резервы людские и техники. Готовясь к наступлению, выжидают.

И вот, в сентябре 1942 года, сидим мы с другом в наблюдательном пункте, который находился метрах в трёхстах от первой линии их окопов. Вдруг слышим, со стороны немцев доносится отдалённый рокот моторов. Пополз я вперёд с биноклем и увидел: по двум оврагам танки немцев в нашу сторону продвигаются. Много танков. Передали мы о них в дивизион и к своим подались. Немцы нас заметили, открыли огонь. Напарника моего ранили в ногу и мне палец левой ноги осколком чиркнуло. Терпимо. В сапоге только кровь неприятно хлюпает. Довёл друга до окопов, ушёл он в лазарет. А я перевязал палец и остался на передовой, потому что в лазарет далёко идти, а танки были уже совсем близко. Дали мне противотанковое ружьё, а я и в руках такого не держал ни разу. Все стреляют, и я стреляю, но проку от меня, наверное, мало было. А потом меня и ещё одного бойца накрыло снарядом. Он совсем рядом разорвался, и оглушило обоих, засыпало в окопчике. А тут и немцы.

Как потом выяснилось, в окружение попало 400 бойцов. Взяли нас в плен, построили в колонну и погнали до железнодорожной станции, а затем по железной дороге повезли в Оленино, что в Калининградской области.

Здесь у немцев был оборудован лесоповальный участок. Использовали они нас как лесорубов. Я на двух лошадях, на

цепях волоком вытаскивал из леса обрубленные стволы. Лошадей кормили мукой и овсом. Нам же давали просо и гречку непросеянную, также булку хлеба с опилками на четверых. При нашем постоянном недоедании мы завидовали лошадям и ухитрялись насыпать в карманы при кормёжке лошадей, а потом в землянке в консервных банках отваривали овёс и ели. Конвоиры, если замечали – врывались в землянку, опрокидывали варёво и избивали людей.

От недоедания я заболел через 15 дней. Слёг. Утром на работу пленных выгоняют, а я встать не могу, думал, расстреляют. Но тут советские войска начали наступление, и нас в срочном порядке перевели в Оленино. Там большой лагерь военнопленных стоял. Я своим ходом не мог идти, так меня под руки волокли поначалу, потом немец-возчик сердобольный оказался, подозвал к себе и предложил забраться на повозку. В ней и завезли меня в лагерь.

Русские наступали. Комендант лагеря принял решение эвакуировать лагерь. По железной дороге отвезли нас в Могилёв и определили в деревне, расположенной в 80 километрах от Орши. Там была конюшня (или хлев для колхозного скота). Вся тысяча пленных в нём и уместилась. Две зимы там находились. Работали на разных работах, но в основном ремонтировали дороги стратегического назначения. Кормили нас здесь сытнее. Мы набрались силы и стали подумывать о побеге. Думали и раньше, да не было возможности убежать. И пример неудачного бегства всё время стоял перед глазами: 20 человек убежали, но их поймали, заперли в сарайчике и ничем не кормили. Так голодные они и умерли. Немцы показывали на мучившихся голодом и говорили, что это же будет со всеми, кто вздумает бежать.

Я сдружился поближе с парнями Михаилом и Василием. И стали мы обсуждать, как нам лучше убежать. И чтобы не пой-

мали, главное. Подготовились. Но не успели. Вновь началось наступление наших войск. Немцы лагерь пленных стали перемещать в тыл пешим ходом. А когда колонна днём проходила через поле ржи, её атаковали наши истребители. Немцы-конвоиры с дороги в рожь спрятались, на землю попадали. Не до охраны им стало. И тут нам удалось убежать.

Через пару дней наших блужданий в лесу на нас наткнулись партизаны и привели на свою базу, где мы и встретились со многими убежавшими из нашего лагеря. Нас очень долго допрашивали и проверяли, а потом переправили через линию фронта. Затем попал в разведку 183-го запасного стрелкового полка третьего Белорусского фронта. С этим полком до конца войны я дошёл до Польши.

Конец войны застал нас на Ушской косе, около Гданьска. После объявления Победы мы помогали демонтировать для отправки в Ленинград оборудование судостроительного завода, затем в Литве у Каунаса через Неман строили деревянный мост дружбы, разминировывали поля и объекты. Демобилизовался я только в 1947 году и вернулся на родину. Здесь ко мне отнеслись настороженно, потому что я был в плену. До 1961 года работал в Курской области по частным договорам и в колхозах – плотником.

Потом я завербовался на строительство химкомбината в Кемерове. Там познакомился с Федосьей Васильевной Азаровой, которая жила в посёлке Фёдоровка. В том же году переехал жить к ней. Своих детей у нас не было. Прожили мы очень дружно и вырастили её сына от первого брака. Собственно, он и мой сын. Он работает главным маркшейдером на разрезе «Барзасский». Жена моя недавно умерла. Живу один. На пенсии с 1983 года. Работал всё время здесь – в строительных организациях города. Последнее время – в Берёзовском РСУ.

Совсем недавно участникам войны (независимо от тяжести ранения) Указом Президента была значительно увеличе-

на пенсия. Ткаченко провоевал с 1941 по 1945 год и ещё два года после войны служил в армии. Был легко ранен и контужен, но отметок об этом нет в армейских архивах, потому что ранили его перед взятием в плен. Теперь доказать, что и он подпадает под Указ Президента, невозможно. Обидно Николаю Семёновичу: воевал он и был ранен, и не за просто так его наградили орденом Красной Звезды и медалью «За взятие Кёнигсберга». Да и личные письменные благодарности Сталина не всякому бойцу выдавались тогда. Неужели так и придётся перебиваться ему пенсией да крохами, вырученными от продажи отремонтированных баянов?

1996 год.

ЗОВ ПРЕДКОВ

В сущности своей мы, мужики, были и остались неандертальцами. Издавна нам роль добытчиков женщинами была отведена. Именно поэтому среди сильнейшей половины человечества и сейчас, в канун третьего тысячелетия, ещё много числится любителей рыбной ловли. В Сибири же не перевелись ещё места, где водится не пахнущая керосином рыба. Вот туда мы во время отпуска и в выходные дни убегает от вечно притесняющих нас женщин и от создаваемого ими семейного уюта за своей удачей – к комарам и кострам, в жизнь, полную риска и изобилующую приятными и не очень неожиданностями. О нас, рыбаках Берёзовского, и поведаю я вам, читатели, в преддверии новогоднего праздника.

Рыба не только говорить не любит, но и шума не переносит. Мы, люди, подробность эту у рыб давно подметили, и поэтому большинство из любителей рыбной ловли выходит на свою

охоту в гордом одиночестве. Профессионалам-рыбакам, как и грибникам, уже известны все потаённые местечки на реках и озёрах. Выберется рыбак на какой закраешек бережка, распутает свою снасть, настроится на творческое раздумье – и начинается ловля. Или просто ничегонеделание, как и вчера. Хотя, для кого-то, бывает, к концу дня... Нет, лучше я предоставляю слово самим рыбакам. Фамилии высказывающихся приводить не буду, потому что цель моя – не в создании компромата на отдельных лиц, а в рассказе о жизни рыбаков вообще.

— Итоги рыбалки могут быть только восхитительные и утешительные. Отрицательные – никогда! Даже если к твоей удочке не прикоснулась ни одна рыбёшка, с рыбалки ты возвращаешься одухотворённым. Где ещё я могу испытать благотворное влияние природы? – говорит Валерий Борисович.

К рыбной ловле в летнее и зимнее время я пристрастился лет 20 назад. И не жалею. Как профоргу, мне пришлось организовывать соревнование между рыболовами предприятия. Приехали мы на Кию. Рыбаки приступили к ловле, и мне, чтобы не скучал, тоже вручили удочку. Поначалу к этому делу я отнёсся с безразличием. А потом, как клянуло, да я вытащил из воды настоящего окуня! А за ним – другого окуня! И тоже большого! Тут мною такой азарт овладел, что не стал я ходить по рыбакам, надоедать им своим присутствием.

Прикипел к месту, сижу, ловлю, за поплавком слежу исправно и знай только – подсекаю рыбку и на берег её вытаскиваю. Совсем забыл о своих обязанностях. Не заметил, как и день пролетел. Подходят ко мне свернувшие удочки рыбаки, и спрашивают: «Сколько поймал?» «62» – говорю. «Это как, по-новому?» – ну, в смысле перевода на денежное исчисление, – удивляются они. «Нет, – говорю, – по-старому».

Пересчитали моих рыбок – не ошибся. Изумляются: везёт же человеку – в первый раз удочку взял и наловил в три

раза больше любого профессионала. Ох, и не припомню уже сколько в тот вечер за мою удачу тостов произнесено было у костра за свежесваренной ухаю! Что бы мне там ни говорили, а приятно было чувствовать себя героем дня. Не всегда, конечно, такая удача со мною случалась. Но мы в год раз по десять за 300-700 километров от города ездили. И если бы не связал я свою жизнь с рыбаками, то когда ещё я бы мог пови-
дять горы Хакасии, разливы Енисея и Оби, побывать на озере Чаны?..

— Что – окуньки, вот мой отец, – говорит сын Николая Николаевича, – один раз такую шуку привёз домой, что когда её положили в ванну, то с одного края свешивался хвост, а с другого – голова.

Вот ведь как! Берёзовским рыбакам уже не хватает распростёртых рук, чтобы убедительно показать величину улова, и они приспособили для сопоставления часто встречающиеся в обиходе предметы. Даже, если ванна сидячая – и то улов его отца, действительно, для семейства его выглядел потрясающе!

Впрочем, если верить приведённому факту – улов богатый, но лучше бы увидеть его своими глазами. Ведь сейчас даже фотокарточка не документ: специалист-фотограф при желании способен уменьшить размеры ванны до размеров баночки от обыкновенной кильки в томатном соусе. А вообще-то при показе любительского фильма о рыбаках тот же Николаевич был запечатлён в кадре на фоне природы с рыбиной (настоящей), достигающей его плеч. При этом хвост её бороздил землю.

Да, когда в компании мужчины выезжают на рыбалку, они все – рядовые и могут позволить себе расслабиться и почудить. И чудят, да ещё как!

— Когда мы выезжали в Хакасию на озеро Цинголь, – рассказывает Пётр Карпыч, – то взяли с собой американский эхолот. Это такой приборчик – опустишь его в воду и он, если

есть там что живое, сразу запищит. А если нет, – то помалкивает. Ещё он может, если подключить его к телевизору, передавать изображение подводного мира. У нас был и телевизор.

Опустили мы эхолот в воду – тишина, водоросли качаются. Поглубже зашли – то же самое. Местные рыбаки сгрудились вокруг, интересуются. Узнали в чём дело – приуныли. У них как раз не клевала в этот день рыба. Вот и нашли они этому чуду объяснение. Но мы не отчаивались. Решили испытать свой эхолот ещё разочек. Окунули его в воду поближе к берегу, смотрим на экран, а он показывает: покачиваются на дне две непочатые бутылки водки. На этикетке сумели прочесть: «Губернаторская». Николаич, это его эхолот был, раздевается и – нырк в воду. Пошарил руками по дну и вытаскивает из воды две бутылки – целёхонькие! Оприходовали мы эту водочку, закусили, чем бог послал (то есть, что с собою жёны нам дали).

А в это время, когда пили, подошёл один из наших рыбаков. Он на пробу закинул удочку несколько раз. Поймал двух маленьких ёршиков. Нам принёс показать. Наливаем ему, а закуски уже нет. В консервной баночке ни одной кильки, томат только плавает. Я уже не помню, кто из нас исхитрился ещё живого ёршика в томат запустить, только тот, кому мы налили, он в очках был, вблизи плохо видел, подцепил на зыбку своего ёршика – и в рот! Вот смеху то было!..

С рыбой тогда у нас, конечно не получилось. Ну и когда проезжали деревню, закупили в сельмаге на обратном пути свежей рыбки, кто сколько смог. Растратились, но замазали глаза своим благоверным. А Николаичу не повезло: приехал он домой, выложил пакет с рыбой на стол и пошёл в ванную после дороги освежиться. Загордившиеся своим добытчиком сынок и жена вытряхнули из пакета рыбу, перебирать начали. От удивления восклицают и ахают беспрестанно. Прежде,

чем на весы в магазине рыбу положить, Николаич поштучно её исследовал, знал, что брать.

И теперь, сидя в ванне, он радовался тому, что сумел угодить жене, не будет она с мелкотой мучиться. Потом слышит – в дверь к нему стучатся.

— Чего надо?

— Открой! – просит жена.

Открыл, а она ему вместо благодарности под нос какую-то пахнущую рыбой бумажку суёт: чего ты так далёко ездил, поближе магазина найти не мог?

Резонный, конечно, вопрос. Но кто же из нас мог подумать, что продавец вместе с рыбой ещё и сертификат рыбный в довесок приложит? Здорово продавщица Хакасии этим документиком подмочила нашу репутацию.

— А когда в Байгалык ездили, на Чулыме ловили, – рассказывает Геннадий, – заставили мы нашего общественного повара похлёбку нам приготовить. Вытащили по приезду из рюкзаков все припасы и пошли знакомиться с новым местом. Возвращаемся – котелок уже с костра снят. Варёво готово. Ну, как водится между нами, плеснули каждому по пять граммов вдогонку тем, дорожным, выхлебали котелок, покурили и подались к реке. Лёха замешкался.

«Чего копаешься? – кричим. – Пошли, не задерживай!»

А он: «Я ничего не понимаю – рис мой здесь, а где она рыши?».

Мы сразу смекнули, в чём дело – в котелок заглянули и видим: плавают несколько жирных свежесваренных червячков кверху брюхом на донышке. Эх! Если бы попался нам тогда под руку повар!

Убежал он, гад, только к вечеру вернулся. Простили его: и из такой дряни он что-то съедобное сумел приготовить, с аппетитом ведь кушали. Да и разобраться если, чем мы хуже

китайцев: для них жареные тараканы и жуки майские – национальное блюдо.

— Это ещё ничего, – говорит Анатолевич, – во время вылазки на Ману с нами вот что произошло. Остановились мы у какой-то деревушки. Возле мостика расположились. Закусили как следует, остограмились, и Карпыч с Лёхой зашли в реку на быстрине – хариусов спиннингом половить. А я на берегу сижу, рыболовецкое хозяйство из рюкзака извлекаю. Вдруг слышу, орёт кто-то с мостика: «Мужики, убегайте отсюда! Она злая колдунья! Видите, навораживает? Делает вас неспособными!» Карпыч голову поднимает и спрашивает: «Чего?». «Тебе-то, старик, может оно и ничего, а твой друг не отлюбил ещё своё. А эта бабка у нас на селе уже половину парней извела!»

Гляжу я на реку – старушка, неизвестно когда появившаяся, забрела в воду рядом с Лёхой и, как маг в цирке, водит руками своими над поверхностью воды. И губами шевелит, вправду, наверное, заклинание или заговор злой произносит.

И что удивительно, Мана – быстрая река, а возле старухи смирила свой бег. Как в заводи вода стоит, не шелохнется. Не колдовство разве?

Мужики наши как врубались, в чём дело, – из воды повыскакивали и драпака такого задали по берегу! Любо-дорого смотреть было. Бегут споро, молча, сопят только. И в таком темпе чуть ли не с километр от мостика удалились.

— А сам-то ведь тоже за нами с рюкзаком припустил!

— А я, по-твоему, не мужик, да?

Заколдовать та бабка нас не успела: вовремя мужик на мосту предупредил. Но всё равно испугались мы тогда сильно. А по приезде с рыбалки я лично два дня к жене подходить не решался.

Случаи, происходящие с рыбаками во время их выездов на лоно природы, порой приносили им не только такие смешные каверзы, но и ощутимый материальный урон.

— Однажды, – рассказывает Владимир Елизарович, – приехали мы на Чаны. Надул я лодку и отплыл подальше от берега. Закинул удочку, жду. С полчаса просидел, отчаялся уже.

Вдруг резко дёрнулась леска, еле удержал в руках удочку. Как струна, натянулась леса. И чувствую, тащит вместе с лодкой меня на середину озера. Здоровенная, поди, рыба попалась. Потихонечку вытравливаю леску, ослабнет – к себе тяну. Так мы с рыбой долго игрались, и взял я её на измор. Выдохлась она. Подвёл я её к борту. Громадина! Нельма! Метра с полтора, наверное, будет.

Ничего под рукой тяжёлого не было. Ударил я её по лбу черенком весла и втащил в лодку. Сижу. Любуюсь. Нет бы мне тогда сразу же ещё пару раз ей по башке вдарить, да распороть брюхо ножом – не додумался. А она очухалась да как шевельнёт хвостом – и меня, словно Фомка х.м смёл с лодки. Упал я за борт, и рыба следом.

Да, видно, удилище зацепилось за скамеечку, не смогла рыба от лесы освободиться, поплыла от меня в сторону и лодку за собой потащила. Я за ней выгребать начал. Да куда там! Как глиссер, развила лодка скорость. Только её и видали. Скинул я сапоги, снял с себя в воде из одежды всё лишнее и еле-еле, на последнем вздохе достиг берега. А лодку с прицепившейся к ней моею добычей сколько потом ни искали мы, так и не смогли найти. Поэтому пришлось мне уезжать с озера Чаны, можно сказать, в чём мать родила.

— А ещё, – говорит Николай Николаевич, – это уже зимой было, набурили мы лунок на Цинголе, установил я палатку, сижу и жду поклёвки. Дёрнуло, потащил я леску вверх. Толщина льда в том месте больше метра будет. Через лунку воду на лёд выдавило. Показался из воды окунь. Крупный. На полкило потянет. Увидел меня – испугался, рванулся, и лопнула леска. Упал окунь в лунку и хвостом вниз начал от меня

удаляться. Среагировал на такое происшествие я мгновенно: бухнулся на лёд коленками и левую руку по локоть запустил в лунку. Успел ухватить окунька за жабры, извлёк его на поверхность. Да когда извлекал, то зацепил за край лунки браслетом от часов, и тот отломился, а часы утонули. Жалко их, позолоченные были, не чета импортным. Зато окунька не упустил!

В тот день не только Николаич пострадал: поднялся ветер, и у некоторых рыбаков унёс к открытой воде палатки и даже рюкзаки со всеми вещами, которые в воде и утопли. Нырять за ними никому не хотелось, потому что моржей среди рыбаков не оказалось. Как ни странно, но среди любителей рыбной ловли есть чудачки, которые рыбные блюда, пироги даже! – на дух не переносят. Для них важен только процесс ловли, а не то, что от него получаешь. Ловят рыбу они не для себя, а для семьи. И если дражайшая половина столь же нетерпимо относится к рыбе, то добычу мужа ждёт дома ведро для мусора или вождеденные взоры бродячих кошек. Но в любом случае мужчина при этом был и остаётся добытчиком, той движущей и сохраняющей семью силой, с которой нельзя не считаться вам, женщинам.

Поэтому вы, милые наши подруги, в новогодний вечер просто обязаны в нашу честь доверху наполнить вином бокалы и простить мужчин за то, что подчиняясь зову предков, они оставляют вас ненадолго, предпочитая ваше прекрасное общество обществу холодных к ним рыб.

1999 год.

ЧЕМ ОБЪЯСНИТЬ БЕЗДЕЙСТВИЕ?

Электромеханический завод в Берёзовском существует совсем недавно – он преобразован из филиала Новосибир-

ского объединения «Комета». Рабочие завода после смены вывески вроде бы должны переквалифицироваться, но как изготавливали они ручки для кастрюль и платяных шкафов в 1991 году, так и продолжают штамповать их в феврале 1994 года. А всё потому, что, как и прежде, кастрюльная ручка является для завода той слабой соломинкой, уцепившись за которую обеими руками, есть надежда вытянуть себя из бездонной ямы экономического кризиса, преодолеть его в пределах данного предприятия.

Почему получилось так, что обладающий квалифицированными кадрами завод переключился на изготовление ручек?

Когда была полностью исчерпана возможность заниматься непосредственно магнитофонами, не удалось претворить в жизнь телефонную идею, было решено, изучив спрос в области, наладить на заводе выпуск современной модели электросчётчика. В кратчайшие сроки (операции по сборке счётчика во многом идентичны операциям по сборке блоков питания к магнитофонам) коллективом завода была освоена технология изготовления электросчётчиков, первая партия их – 150 штук – уже поступила в продажу. Но на этом дела у заводчан и затормозились. Вот как объясняет создавшееся положение директор электромеханического завода Геннадий Иванович Филин:

«Наше предприятие акционировалось. Однако содержание всего хозяйства стоит больших денег, и той продукции, которую мы выпускаем, естественно, не хватает, чтобы обрабатывать всю нашу инфраструктуру. Налоги (местные, областные и федеральные), которыми облагает нас государство, мы не успеваем выплачивать, и нам предъявляют штрафы. Мы выпускаем в месяц продукцию на 20-25 миллионов рублей. Но монополисты от связи, угольщики, энергетики, поставщики сырья и комплектующих – без всякого согласования с нами взвинчивают цены на свою продукцию. Безакцептное снятие

денег со счёта предприятия не даёт возможности распоряжаться своими средствами. Антимонопольный закон в России не действует.

У нас уже разработана программа развития предприятия, в которой заложено создание 50-ти дополнительных рабочих мест, но чтобы её выполнить, нужны средства. На предприятии их нет. Но они есть в городе. Они лежат, я думаю, мёртвым капиталом в городском и областном центрах занятости населения. Туда мы ежемесячно (как, вероятно, и все другие предприятия) перечисляем деньги для борьбы с безработицей. А как они расходуются в нашем городе – неизвестно. Не пора ли перед нами, хотя бы на страницах газеты, руководству Центра занятости отчитаться за вверяемые ему средства?

Одно из предназначений Центра – создание новых рабочих мест. А что было открыто Центром, кроме ателье на несколько человек в посёлке шахты «Южная»? И вот я обратился в Центр занятости с предложением о создании сразу 50-ти рабочих мест. Казалось бы, это должно было заинтересовать его руководителей. Центр занятости имеет право и возможности финансировать подобные начинания. Я попросил там 50 миллионов рублей под уже создаваемые рабочие места. Нам не отказали, но для согласования предложили посетить в Кемерове областной Центр. Оттуда нас снова отправили в родной город. Так вот и ездим с октября 1993 года. Никто нами заниматься не желает. Время идёт – дело не движется. Обстановка на заводе ухудшается. Вот и вынуждены мы пока жить за счёт кастрюльных ручек и мебельной фарнитуры».

Вот такой разговор состоялся с директором электромеханического завода. Заинтересовавшись проблемой, я произвёл в некоторой степени расследование по этому вопросу и вот что выяснил: по отчёту о наличии и движении средств внебюджетных организаций Берёзовского в Центр занятости

каждое предприятие обязано ежемесячно отчислять два процента от своего фонда оплаты труда. За 9 месяцев 1993 года в Берёзовский Центр занятости поступило 293 миллиона 693 тысячи рублей. 25 процентов от этой суммы городской Центр занятости обязан отчислять в область. До конца года в Центр занятости должно было поступить 400 миллионов рублей. Из них 100 миллионов уйдёт в область. Значит, в Берёзовском Центре занятости в течение года должно вращаться не менее 300 миллионов рублей.

А теперь посмотрим, куда они могут быть израсходованы – в Центре занятости за прошедший год приобрели новую специальность 48 человек. В основном это штукатуры-маляры, секретари-машинистки и бухгалтера. Даже если на обучение одного человека какой-либо из вышеупомянутых профессий (в пределах нормы) выделить примерно 100 тысяч рублей, то и тогда выходит, что на переквалификацию 48 человек затронуто не более 5 миллионов рублей.

Вторая статья расходов – это выдача пособий безработным, поставленным на учёт. Сейчас по городу безработных числится 64 человека. Минимальный размер пособия в размере 14620 рублей получают никак не меньше половины. За год выплата пособий этим людям составила 5 миллионов 614 тысяч рублей. Допустим, что другая половина безработных получала весь год 75 процентов своей средней заработной платы с последнего места работы. Возьмём зарплату самую высокую по городу (промышленность) – 220080 рублей. 75 процентов от неё – 165 тысяч 60 рублей. 32 человека за год получают при таком пособии 63 миллиона 383 тысячи рублей. Общая сумма расходов по выплате пособий за год составит 68 миллионов 997 тысяч рублей. Расходы по содержанию офиса и зарплата немногочисленным пока сотрудникам биржи составит, по моим подсчётам, подкреплённым бухгалтерией центра занятости, 25 миллионов

рублей. Округлённо, получается, что Центр занятости, из поступивших в его распоряжение 300 миллионов рублей, обоснованно мог израсходовать не более 100 миллионов. А что же он сделал с остающимися 200 миллионами рублей, куда конкретно были вложены эти средства?

Необходимо пояснить, почему я взялся за собственные расчёты расходов Центра занятости. Да потому, что глубоко мною и всеми горожанам из статуса безработных уважаемая Зинаида Николаевна Чудаева, директор этого Центра, принципиально считает, что сведения о расходах Центра не подлежат огласке, потому что являются служебной тайной. Но не все из её сотрудников так думают, поэтому я, используя полученные от них крохи информации, и задаю этот вопрос, хотя ответ на него уже знаю ...

Цифры есть цифры, даже великий математик Лобачевский порой ошибался, поэтому если в мои расчёты вкралось какое-то недоразумение, Зинаида Николаевна имеет полное право выступить в газете и внести поправки и даже меня опровергнуть. И объяснить, кстати, что же мешает оказанию финансовой помощи электромеханическому заводу, и реально ли для горожан приобретение 50 рабочих мест в ближайшем будущем.

Наш комментарий: в период подготовки статьи к печати поступила дополнительная информация: в прошедший понедельник в администрации города был заслушан отчёт директора Центра занятости З. Н. Чудаевой «О работе Центра по созданию рабочих мест». После этого главой администрации А. Я. Панасенко было сказано, что работу Центра в этом вопросе следует признать неудовлетворительной в течение 2,5 лет существования самого Центра. Оставшиеся неизрасходованными средства хранятся Центром, по словам Чудаевой, на депозитных счетах. Задаю ещё один вопрос: почему не на одном счёте, принадлежащем Центру – или депозитные денеж-

ки для гарантии их длительного сохранения следует дробить на множество, и один ли владелец у этого множества?

Февраль 1994 года.

РАЗВЕ МЫ НАСТОЛЬКО БОГАТЫ, ЧТОБЫ ДАВАТЬ КОМУ-ТО СВОЮ РАБОТУ?

Берёзовский электромеханический завод не первый год существует в городе, но чтобы приносить пользу городу и развиваться, заводу необходимо внимание государства.

— Мы не просили деньги у администрации города, — делится со мною мыслями директор Г. И. Филин в начале 1998 года, — а просили заказы на изготовление однофазных счётчиков, но нам их не давали. Почему? В городе и в области наша продукция нужна. В 1997 году в Кузбассе было сдано 60 тысяч квартир. То есть только на ввод нового жилья потребовалось 60 тысяч счётчиков. БЭМЗ — единственный в области производитель этого товара, но его продукция была использована в прошлом году только для порядка тысячи квартир. Где строители брали остальные счётчики? Из других областей. В основном из Прибалтики. Преследуя, в первую очередь, свои личные интересы, а не интересы Кузбасса, чиновники, от которых зависело размещение заказов длястроек области, размещали их в других регионах страны. Разве мы настолько богаты, чтобы давать кому-то свою работу, разве у нас нет безработицы, и нет семей, члены которых из-за отсутствия средств бедствуют? Как раз наоборот. В наш город везут всё, даже то, что с наименьшими затратами можно производить здесь. Зачем нам кому-то давать зарабатывать у нас деньги? Всё, что можем, мы должны делать для себя сами. Госчиновникам

надо убеждать и материально заинтересовывать руководителей предприятий всех видов собственности заниматься этим. Тогда наши деньги не будут уходить из области, и наши люди будут иметь работу. Занятость населения – вопрос, который должно решать государство.

Когда к нам в город приехал губернатор Тулеев, мы показали ему свой завод, рассказали ему о нём, убедили в необходимости наших счётчиков для области. И он понял и очень оперативно решил, в целях создания новых рабочих мест в Берёзовском на базе ОАО «Берёзовский электромеханический завод», признать необходимость оказания содействия заводу в увеличении объёма производства в 1998 году в три раза и создании 50 рабочих мест, в 1999 году – в шесть раз и соответственно 100 рабочих мест, для чего в срок до 1 февраля 1998 года обеспечить администрации области заключение договоров на изготовление 12 тысяч счётчиков. При разработке целевых программ на текущий год – предусмотреть соответствующее финансирование из областного бюджета.

— Для нас 12 тысяч счётчиков, – продолжает Г. И. Филин, – это небольшой заказ. Не расширяя производства, не увеличивая количества рабочих мест, мы можем уже сейчас делать 8-10 тысяч электросчётчиков. Но всё равно этот заказ – первый шаг в решении вопроса развития нашего дела. Нашими счётчиками станут пользоваться по всему Кузбассу, к ним привыкнут, их оценят, и область без них уже не сможет обойтись. После этого можно будет вести разговор и о дальнейшем развитии производства. Пока же ничего мы кроме постановления администрации губернатора области на руках не имеем. Сейчас делаем счётчики по разовым заказам и отправляем в частные фирмы Новосибирска. Получим государственный заказ – увеличим выпуск счётчиков. А если будут нам выделять от 80 до 100 тысяч рублей на создание

новых рабочих мест, то мы организуем у себя техническое обслуживание и ремонт электронных счётчиков. Ряд комплектующих деталей для счётчиков мы приобретаем в Томске. Но когда будут средства для создания рабочих мест, мы эти детали сможем делать у себя. Приобретём для этого оборудование, оснастку – штампы, пресс-формы. И тогда-то уж дело наше закрутится!..

Очень хочется верить, что в недалёком будущем произойдёт то, о чём так сокровенно мечтает Филин, и счётчики с тавром «БЭМЗ» завоюют не только рынок Кузбасса, но и Прибалтики.

Январь 1998 года.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЛАСТИ

Участковый милиционер – важная фигура в жизни любого населённого пункта. Он – законный представитель власти на местах. В Берёзовском службу несут 12 участковых милиционеров. В среднем на каждого приходится около 6 тысяч горожан. Много это или мало, можно представить хотя бы по участку старшего лейтенанта милиции Анатолия Анатольевича Чеснокова. Участок его простирается от посёлка шахты «Берёзовская» до Старых Латышей. Для одного человека это большая территория. А если учесть, что её всю из края в край надо постоянно измерять своими ногами (транспорт для городских участковых не полагается), то невольно задумаешься, сколько же потребуется времени Чеснокову, чтобы хотя бы раз посетить каждого из своих подопечных.

Мне рекомендовали Чеснокова для ознакомления с работой участковых милиционеров. Анатолий Анатольевич сразу

же взял меня в оборот. Вместе с капитаном милиции, работником инспекции по делам несовершеннолетних Галиной Павловной Бутенко, которая занимается делами несовершеннолетних правонарушителей на территории его участка, мы втроём отправились в посёлок станции Забойщик. Было решено вначале пройти по адресам, записанным у капитана, а затем посетить подопечных старшего лейтенанта. Несмотря на то, что Чесноков проработал в своей должности на этом участке ещё только год, он на каждом шагу обнаруживал заведеную для меня осведомлённость о жизни жителей посёлка.

— Вот в этом домике в прошлом году отрезали человеку голову. — Чесноков широким жестом указывает на обшитый в «ёлочку» и крашенный под зелень игрушечный домик.

— А жителя этого дома мы привлекли к ответственности за угон автомобиля. А в этом доме ...

Не буду утомлять читателя, но то, что Анатолий Анатольевич, не бравирюя, действительно едва ли не по каждому дому мог сказать что-то грустно-примечательное, — факт. Насколько же мал, оказывается, наш город и насколько тесны для страстей его отдельных жителей рамки существующих законов ...

Заходим в начальную школу. Галина Павловна «раскручивает» дело несовершеннолетнего правонарушителя, третьеклассника С. У его одноклассницы пропал калькулятор. Ценная вещь. Предполагают, что калькулятор украл (позаимствовал) С. Мальчишки-одноклассники видели, как он у прилавка в магазине оперировал на счётной машинке большими цифрами.

Одного за другим в учительскую вызывают преисполненных важности малолетних свидетелей, которые охотно дают сбивчивые объяснительные по этому поводу. Вот надо же — у нас было не так: когда мы в Кемерове утянули у солдат со склада их музыкальные инструменты, и солдаты по следам (дело было зимой) начали обходить дворы малолет-

них преступников, то смогли обнаружить и изъять у нас лишь больших размеров барабан и медью сверкавшую бас-трубу. Остальные инструменты помельче впоследствии после порки наши родители повыбрасывали в лог от греха подальше. Мой брат солдатской балаалайкой пользовался потом ещё два года.

Сейчас С. в школе нет. Идём к нему домой. Во дворе испуганно заливается в лае собачонка. На высоком крылечке сам С., который, заведя милицию, убегает в избу. В этом доме живёт не только юный правонарушитель. Его молодая мать, не так давно поссорясь с мужем, ткнула того ножом в живот. Муж уже выписался из больницы, на месте бытовой травмы широкий лоскут лейкопластыря. На мать заведено уголовное дело, муж, по всей видимости, простит её. Но последнее слово за судом. Как юридически грамотный человек, участковый Чесноков объясняет, какие справки надо собрать для суда и что говорить.

Мы на время оставляем Г. П. Бутенко с С., а сами направляемся к другому дому, от жителей которого поступил сигнал на имя участкового: жалуются жена, дочь и проживающая вместе с ними парализованная мать жены. Во хмелю зять невожат держан на руку. Совсем недавно опять зверски избил свою жену. Она не работает, потому как некому ухаживать за матерью. Просит не садить мужа за решётку, а просто припутнуть. Может, уймётся. Ей страшно лишаться единственного кормильца. И в то же время терпеть побои от него уже нет сил.

— Беседами таких не вразумишь. Да и не пугало я. Его давно уже можно посадить. А какие меры я могу применить к нему сейчас, если потерпевшая не хочет, чтобы его наказывали? – с горечью говорит Чесноков о своём бессилии в данной ситуации.

Возвращаемся. Забираем капитана. Мальчишка сознался. Калькулятор нашёлся. Продолжаем обход. Петляем, блуждаем по улицам в поисках нужных адресатов. Бутенко нужно найти

16-летнего пацана, обратившегося в санпропускник больницы с резано-колотой раной предплечья. У пострадавшего надо взять объяснительную: кто нанёс рану и при каких обстоятельствах. А Чеснокову необходимо проверять физическое и нравственное состояние лиц, находящихся на учёте по его участку. Заходим в один дом. В нём живёт старушка. Сын недавно освободился, при выходе из тюрьмы указал, что будет проживать по этому адресу. Сам поселился в Кемерове. За такими категориями граждан по закону устанавливается надзор. Нужно известить милицию по месту его фактического проживания.

По адресу, указанному 16-летним парнишкой, никто не проживает. По всей видимости, в драке кто-то саданул его ножом. Он испугался и побежал в больницу. Царапина оказалась незначительной. Застыдился – напрасно. Тот, кому простил он сегодня, в другой раз, возможно, ударит кого-то сильнее.

Заходим к стоящим на учёте девчонкам, мальчишкам и взрослым людям. У кого-то на дверях замки, значит, надо прийти к ним в этом месяце ещё один раз. Кто-то же тихонько сидит у печки, ни в чём дурном не замешанный.

Чесноков по дороге прыгает через нарытые бутры глины, шуршит камышами, которыми выложена тропинка через усохшее болото. И безостановочно рассказывает мне о своих обязанностях, притягивая к каждому пункту наличествующие в его практике обстоятельства местного характера.

— А за свалки, устраиваемые в неположенном месте, вы тоже отвечаете? – прерываю его, указывая ему на гору бытового мусора, возникшую на нашем пути.

— Мы должны следить за чистотой улиц и наказывать виновных. Но как их укараулить? Если устраивать засады возле каждой мусорной кучи и вылавливать таким образом нарушителей, никакого времени не хватит. Кто же тогда за меня остальную работу по участку вести будет?

А работы у него – море бескрайнее. Если как положено воспринимать и выполнять свои обязанности. И не в одной профилактике и предупреждении преступления заключается деятельность участкового. Он должен помнить неблагополучные семьи, знать расположение значных мест и притонов, в лицо и по фамилии определять склонных к совершению преступлений субъектов. Он должен принимать активное участие в расследовании всех происходящих на его участке преступлений, уметь сам задерживать совершивших злодеяние преступников. Вот какова доля участкового, представителя государственной власти. В Берёзовском ГОВД все участковые стараются работать так, чтобы отвечать вышеперечисленным требованиям. А вот у всех ли получается это – другой вопрос.

Для более эффективной работы и экономии времени для участковых бы, по мнению Чеснокова, пару мощных машин приобрести, опорные пункты милиции кое-где на участках возродить, да зарплату хоть немного увеличить. А так-то у них нормально всё и соответствует требованиям задач, выдвигаемых жизнью.

Ноябрь 1994 года.

А ЕСЛИ ПОБЫВАТЬ ХОТЯ БЫ ОДИН ДЕНЬ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЕМ?

На мою заметку «Денежку за автограф», не содержащую в себе, казалось бы ничего предосудительного, председатель городского комитета по землеустройству В. И. Герасимов крепко обиделся. Не он именно, а государство установило цену одной сотки земли в одну тысячу рублей. И не 78400, а 78720 рублей потребует человек выплатить комитету по землеустройству

за работу, связанную с приватизацией земельного участка. В. И. Герасимов – только лишь проводник идеи правительства в отношении земельной реформы. Его обязали заниматься приватизацией земельных участков, а чтобы люди поняли, насколько к этому надо серьёзно относиться – выселили даже его комитет из здания городской администрации. Соответственно, и из бюджета местного «выселили» тоже.

Комитет по землеустройству – это особенный орган, не подчиняющийся местной власти. Он и субсидируется-то исключительно централизованно. Но этих субсидий хватает только на зарплату четырёх служащих комитета. А вот чтобы проводить саму приватизацию и погашать связанные с нею расходы и вынуждены были рассчитать в комитете и утвердить в администрации стоимость кадастровых услуг населению города. И хотя несопоставимо это: стоимость участка земли в шесть соток и стоимость процедуры передачи этого участка в вечное пользование его владельцу, но у нас и раньше земля не особенно-то ценилась. Расходы же по подготовке материалов: разыскивание планов, сверка их, согласование границ, сбор сведений по инвентаризации строений, выезды для натуральной съёмки участка, проложение при необходимости теодолитных ходов с привязкой их к существующим координатным точкам местности, эксплуатация автотранспорта, бензин – непрерывно возрастают и на данный момент составляют именно такую сумму.

Город владеет 5518 гектарами земли. 581 гектар находится под индивидуальными застройками. 78 гектаров отведено под мичуринские сады, 259 – под сенокосы. Как видим, основная часть городской земли отдана в распоряжение предприятий и под застройку жилых микрорайонов. А где гарантия того, что при приватизации земельных участков по ошибке кто-нибудь не будет претендовать на участок, у которого уже

есть хозяин? При выделении земельных участков для индивидуального строительства за этим ещё как-то следит отдел архитектуры города, но когда земли отводятся под дачи, здесь вполне возможно нарезание делянок на землях, отведённых под подземные коммуникации служб города. Да и построенные много раньше на горных отводах шахт дома частного сектора города, вернее, земля к ним примыкающая, приватизации не подлежит.

— Например, по улице Алтайская, – говорит В. И. Герасимов, – расположенной на горном отводе шахты «Южная», земельные участки в собственность владельцам домов приобретать мы не позволим.

11 августа, по договорённости с Герасимовым, я, интереса ради, принял участие в выезде землеустроителей в Арсентьевку. Проводился обмер приватизируемой картонажной партией территории бывшего ГРП. И вот на деле я убедился, что «денежку» землеустроители берут не только за автограф. Вчетвером мы за полдня обошли, прыгая через заборы и рытвины, с колышками, рейками, и теодолитом в руках всю территорию предприятия. И не один раз! Сначала мы наметили точки отсчёта, провели теодолитные ходы, сделали привязку к существующему геодезическому знаку, а затем, вдвоём с Герасимовым, рулеткой обмерили по периметру всю площадь земельного участка.

16 точек отсчёта, захламлиенность территории, растущие деревья, в массе своей заслоняющие видимость ориентиров – всё это не очень-то способствует точному определению границ землепользования. Потрачено было много времени и энергии. Но неизвестно ещё сколько времени потребуется землеустроителям на согласование составленного ими по замерам плана территории предприятия. Ведь вполне вероятно, что (сейчас будут очень высокие земельные налоги) владелец откажется от лишних квадратных метров занимаемой им пло-

щади, и придётся что-то переделывать, чертить и кромсать уже выявленное.

— За границей почему стараются строить высотные здания? – рассуждает Владимир Иванович. – У них земля очень дорогая. Они не могут позволить себе иметь что-то лишнее. Любой квадратный метр занимаемой ими площади должен приносить прибыль, а какую же прибыль приносят данному предприятию эти сотки земли, заваленные опилками и щепой десятилетней давности? В сознании людей надо сформировать представление о земле, как о непреходящей ценности, капитале, недвижимости, приобретая которую он может вечно пользоваться ею как сам, так и передавая по наследству своим родственникам. А вообще, земля – это такой же товар, как и продукция любого предприятия. И мы не можем кому-то запретить приобретать её с целью выгодной перепродажи другому лицу. Именно поэтому сейчас мы как бы инвентаризируем различные категории пригодности участков земли и вкладываем их в банки памяти своих компьютеров.

Проблему определения границ землевладений можно было бы решить более быстрым способом, но для этого надо привлекать специализированные организации. Таких организаций в Кемерове две. Но эти организации за свою работу требуют очень большой платы. Например, аэрофотосъёмка одного квадратного километра угодий обойдётся нам в 300 миллионов рублей. Если разбросать эту сумму на всех землевладельцев, то стоимость оформления документов на приватизацию будет гораздо больше запрашиваемой нами. Мы предлагали маркшейдерам шахт города на договорных началах производить обмеры приватизируемых участков, но никто не откликнулся, потому что их не устраивают наши расценки. Поэтому и приходится работать самим. Сейчас мы справляемся с потоком желающих приватизировать участки, потому

что народ ещё не совсем понял необходимость этого процесса. Но когда количество заявок увеличится, без помощи со стороны мы не обойдёмся. И тогда стоимость оформления документов на приватизацию земельных участков увеличится.

Август 1994 года.

НОВЫЙ ЦЕХ

В конце лета 1995 года наконец-то был запущен новый цех на Бирюлинском лесном складе. Полностью автоматизированное производство, расположенное в просторном тёплом, светлом помещении, намного улучшило условия труда занимающихся переработкой древесины людей. Подача леса в здание осуществляется конвейерами. Практически никто из рабочих в течение всего технологического процесса разделки брёвен на брусья и доски не прикасается к древесине. Все операции, связанные с перемещением брёвен, выполняют за них умные механизмы.

Производительность нового цеха – 2400 кубометров деловой древесины. Обслуживают его шесть человек в смену. Здесь работают одновременно три пилорамы. Для обслуживания двух старых пилорам требовалось семь человек.

Между прочим, этот цех построен был по индивидуальному проекту директора склада Н. Г. Карелина. Проект этот резко отличается в лучшую сторону от существующих в настоящее время типовых проектов малогабаритных перерабатывающих цехов. Николай Георгиевич сумел так скомпоновать требуемое оборудование в рамках отведённого ему пространства, что в цехе не оказалось ничего лишнего – и в то же время достаточно места для производства необходимых технологи-

ческих операций. Он «заложил» в проект самое современное отечественное оборудование и, кроме того, дополнительно разработал схему выдачи готовой продукции под кран. Можно сказать, что новый цех – это его детище. Много усилий потребовалось ему для защиты своего проекта перед вышестоящими инстанциями, но ещё больше – для реализации своих идей. Много сил вложил он в дело и коллектив.

Теперь уже эти трудности позади.

— Необходимость в постройке нового цеха, – рассказывает Николай Григорьевич, – возникла давно. Старые здания обветшали настолько, что в них уже стало опасно заходить, не то, чтобы работать всю смену.

Новый цех построен на месте одной из старых пилорам. Вторая старая пилорама сейчас остановлена в целях безопасности работающих там людей. Здание третьей (ещё относительно крепкое) будет скоро перепрофилировано в разделочный цех, где мы станем перерабатывать долготы в рудстойки, нарезать шпалы, дрова.

— Ваше предназначение – поставка деловой древесины на шахты, а дрова...

— Дрова не для самих шахт. Мы организуем производство заготовки дров для снижения отходов. Раньше ведь мы большое количество обрезки отвозили на отвал, теперь же на специальном станке будем мельчить её и укладывать в контейнеры. Владельцы частных домов и будут брать дрова у нас уже в готовом виде. Погрузка контейнеров с дровами будет производиться уже не вручную, а краном. Продаём мы также частникам и горбыль. Выполняем их мелкие заказы. Сейчас приходится считать каждую копейку. На складах УМТС в Кемерове нет сейчас не только леса, но и необходимых для производства материалов. Чтобы в магазине купить те же лампочки, изоленту, нужны деньги.

— Два раза в прошедшем году ваши работники находились в отпусках без содержания из-за отсутствия леса. Сейчас, похоже, эта проблема решена?

— Я бы не сказал так. Мы сейчас совсем немного работаем после трёхнедельного вынужденного перерыва. УМТС концерна «Северокузбассуголь», которому мы принадлежим, обязано обеспечивать нас лесом. У них даже существует такой отдел, но заниматься поставками леса они не желают, ссылаясь на отсутствие средств. Торговать имеющимися на складах материалами намного проще, чем искать покупателя, способного за эти материалы отдать свой лес. Вот именно поэтому я вынужден был сам заняться вопросом поставки леса на склад. Для этого мне пришлось объездить Кузбасс, Красноярский край, Алтай, Томскую область. С рядом леспромхозов удалось договориться о поставке древесины в обмен на материальные ресурсы, аккумуляторы, технику. Лес стал поступать. Но УМТС начало задерживать поставку леспромхозам материалов в счёт его оплат. То есть встречные грузопотоки могут в любой момент остановиться.

— Сколько же вам надо леса?

— Кроме шахт Берёзовского, поставлять лес мы обязаны теперь ещё и четырём кемеровским и строящейся шахте «Анжерская-Южная». В среднем в месяц каждой при нормальной работе надо по 800 кубометров. Но сейчас там нормально не работают, потребности их сокращены, да и мы вместо 60 тысяч кубометров за этот год получили только 17600 кубометров. Ну откуда же у нас будут запасы и большой фронт работ?

А тут ещё УМТС запрещает выдавать лес тем шахтам, которые должны управлению за оборудование, технику, материалы. Шахты без леса работать не могут, поэтому их директора находят деньги, к нам приезжают представители шахт и просят выдать им лес. Невзирая на запреты УМТС (я считаю

их необоснованными), мы выдаём шахтам лес малыми партиями. И нам выгодно такое сотрудничество: денег от продажи леса шахтам нам хватает на выдачу заработной платы. А иначе где брать наличные?

— Проблемы ваши понятны, но скажите: если бы вдруг шахты увеличили свои мощности, а вам бы вовремя лесспромхозы поставляли лес в обмен на бензин или ещё что, можно ли было бы удовлетворить вам потребности шахт? Я потому задаю такой вопрос, что знаю, у вас прошли серьёзные сокращения штатов, старые цеха остановлены, а новый хоть и хорош, но когда ещё пройдёт обкатку, и люди привыкнут работать безаварийно с его механизмами.

— Думаю, сможем. На складе работало раньше 160 человек, сейчас – 60. Остались те, кто умеет и желает работать. В каждом из них я уверен на 100 процентов. Новый цех при односменной работе даёт 2400 кубометров в месяц, а при двухсменной будет давать около пяти тысяч кубометров. Мы уже приступили к перепрофилированию одной из пилорам в разделочный цех и в состоянии будем его запустить при необходимости очень быстро. А это даст нам ещё 2000 кубометров. Так что справимся. Только дайте нам такие фантастические (по сегодняшним меркам) условия.

16 января 1996 года.

УЧИТЕЛЬ – ТРЯПКА – МЕЛ

Третий год строят в Барзасе школу. За это время вырыт рядом со сгоревшей в одночасье школой-десятилеткой глубокий котлован под фундамент. А чтобы он не заполнялся, как в предыдущие годы строительства, паводковыми водами и не представлял

опасности для плававшей там на плоту детворы, от котлована прорыли траншею, сделали канал для стока этих вод в спускающийся к реке лог. На этом строительство школы из-за отсутствия финансов на неопределённый срок приостановилось.

А есть ли смысл торопиться строителям? Об этом я и веду разговор с председателем профкома сгоревшей школы Валентиной Павловной Ромасюковой (учителем физкультуры) и учителями, изредка заглядывающими в свободный от занятий кабинет. Ведь как бы то ни было, но сгоревшая школа живёт и действует. Барзасским детям нужны знания, и они продолжают их получать. В школе числится 355 учеников. Учебный процесс проходит в трёх, далеко расположенных друг от друга, зданиях. В не затронутой огнём бывшей мехмастерской школы помещения переоборудованы для занятий старшеклассников. Директору школы Т. А. Купецкой отгородили фанерный закуток от площади одного класса, под учительскую приспособили чулан. Там и сейчас в углу стоят мётлы и лопаты. Чулан без окон. С 9 до 11 и с 14 до 17 часов в посёлке энергетики отключают свет. В кладовке этой, даже при открытой двери, в глубине постоянно темно, как в настоящей пещере. В классах станки, чтобы не отвлекать внимание учеников, накрыты деревянными кожухами. Мебель, на которой сидят ученики, старая, подарена другими школами города. Учебники – тоже. Единственная в школе географическая карта истрёпана настолько, что в местах расположения африканского материка и Индии образовались на ней дырки, в которые не то что кулак, а и голова ученика пролезет.

— С тем, что мы находимся в таких условиях, мы уже давно смирились... – говорит Валентина Павловна. – Платили бы вовремя зарплату, а то за январь дали, а за декабрь ещё нет. Детские пособия не получили за август и сентябрь прошлого года. Педагогический коллектив у нас 20 человек. Учителя, ведущие

начальные классы, занимаются в одном здании, а остальным приходится перемещаться по посёлку от одного здания к другому. Но это тоже ничего – привыкли и школьники и учителя. Другое волнует: экзамены на носу, а за весь год нам на наглядные пособия не дали ни рубля. Что смастерили сами, тем и пользуемся. Литературы никакой нет. Учебников, правда, стало хватать, а то не хватало. Весь учебный процесс ученики в течение года усваивали по схеме: учитель – тряпка – мел. Но и мела порой не бывает. Свет отключают в посёлке два раза в день, и получается, что мы занимаемся без света. Это сейчас стало светло, а месяц-два назад каково было? Урок физкультуры из-за отсутствия спортзала всё время проводим на улице.

— Но ведь администрация Берёзовского предлагала разместить барзасских учеников по школам города.

— Не согласны родители: далеко. И в дороге с детьми может произойти всякое. Да и откуда город возьмёт деньги на транспортировку наших детей? Ведь им же не один автобус нужен, в оба конца притом. Некоторые ученики посещают школы Берёзовского, но их очень мало. В основном детей своих учим мы.

— А вы в состоянии дать им все необходимые знания?

— У нас очень много ребят учатся на «хорошо» и «отлично». В этом году из 12 выпускников уже двое определились окончательно и поехали проходить медкомиссию на поступление в Кемеровское высшее военное училище связи. Один мальчик намеревается поступить в пищевой институт, две девочки – в университет на педагогические факультеты. То есть, если кто захочет учиться дальше после школы, багажа полученных знаний достаточно. Для тех, кто не захочет учиться дальше, мы организовали производственные курсы, и сейчас их обучают в Берёзовском: мальчиков – слесарному делу, девочек – на штукатуров-маляров.

— Валентина Павловна, мы уже вышли! — доносится со двора крик мальчика.

— Ох, извините, у меня сейчас будет урок, — спохватывается Валентина Павловна и, попрощавшись, выбегает из кабинета.

По выходе из бывших мастерских я вижу на взгорке у турников кучку ребятишек, окруживших своего учителя. Кто-то виснет на перекладине, кто-то пустился вдогонку за обидчиком. Раннее апрельское солнце ласково прогревает знакомую этим детям до мельчайшего камушка и рытвинки школьную спортплощадку. Всё вокруг для них здесь понятное, близкое и родное. Здесь живут их папы и мамы, и здесь хотят жить они. Для этих ребятишек нет места на свете лучшего, чем их Барзас. И школа когда-нибудь будет у них самая лучшая. А взрослых винить в том, что нет её именно сейчас, — пустая затея. Всем сейчас тяжело в России, а им — особенно.

Раздаётся команда на построение. Шумливая стайка школьников вытягивается в шеренгу, на лицах детей — солнце и сосредоточенное внимание. Урок начался.

СОДЕРЖАНИЕ:

Роков Валентин Петрович.	2
Куликово поле.	4
Повенчаны со смертью	8
100-миллионный рубеж взят.. . . .	17
Коробейники.	21
Счастливчик?	26
Фантастика? Метод Сайонджи и ничего больше.. . . .	30
Эффект Фуга.. . . .	35
Кто их осудит.	38
Куда мы катимся.	46
Событие? – Ещё какое!	51
По новой мостовой.	57
Крутые девчонки.	60
С верой в лучшее.	66
Хороших вам метров!	69
С запахом валюта старушкам не нужна.	74
В гостях у Барзасских лесорубов	76
История возникновения Барзаса.. . . .	87
Современный Барзас.	92
Мужская работа	96
Мы не рабы.. . . .	105
Пять королев?– Нет, больше.	109
Душевный оазис.	112
От сопливого карапуза к личности.	116
Тютельница в тютельку.. . . .	120
Дорогой скорби.. . . .	121
Перспективы туманны.	125
Это касается каждого	129
Овёс вместо тепла.	133

Студия «Плюс»	135
Не всё же взрослым.	140
Период дырявой крыши.	142
Корова без клочки – мясо.	145
Ты сдал свой доллар для въезда в «рай»?	149
С улыбкой о серьёзном.	153
Под венцом вокруг аналая.	157
Путевые записки журналиста.	159
А как там, в Китае?	171
Кузбасс – не чёрная долина.	178
На пепелище.	182
Двухлетней давности мечта.	186
Уголь, государство, люди.	190
Посланцы социалистической Кореи.	195
В завтрашний день на новой тяге.	200
Фельдфебель Гирсов...	205
Так март всё же или сентябрь?	209
Лучше воробей в руках...	213
Оборотная сторона медали.	219
Депутат горсовета.	226
Секрет скоростной проходки.	231
Медная лихорадка	239
Ребятня республика	244
А как докажешь	249
Зов предков.	254
Чем объяснить бездействие	261
Разве мы настолько богаты?..	266
Представители власти.	268
А если побывать хотя бы один день землемером.	272
Новый цех	276
Учитель – тряпка – мел	279

УДК 821(161.1)

ББК 84.3Р7

Р-66

Роков В. П.

Р 66 Мозаика наших дней. Сборник рассказов. I.

[Текст.]/**Роков Валентин Петрович.** –

Типография ГО КО «Кузбасский центр искусств»,

2017 г. – 286 с.

16+

Корректор: Т. Николаева

Вёрстка: А. Торошин
(toroshinandrey@mail.ru)

© **Роков В.**, 2017

Подписано в печать 20.05.2017.

Отпечатано в типографии ГО КО «Кузбасский центр искусств»:

г. Кемерово, улица Дзержинского, дом 6. 650000. Тел: (3842) 75-07-88

Тираж 100 экз.

2002

